Альберт Кайков

Близкие СЕРДЦУ

Альберт Кайков

БЛИЗКИЕ СЕРДЦУ

Рассказы о животных и природе

Новосибирск 2013

ББК 84(2Рос=Рус)
К14

Кайков А.С.
К14 **Близкие сердцу.** Рассказы о животных и природе.
Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов». – г. Новосибирск, 2013 г.

ISBN 978-5-93240-178-1
Кайков А.С.2013 г.
Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общества книголюбов»,2013 г.

ООО «ИД Манускрипт», 2013 г.

Четвероногие друзья

Хакасская «пленница»

Перебирая старые фотографии полувековой давности, я остановился свой взгляд на снимке молодого марала, спокойно стоящего около человека, щекочущего его за ухом. Воспоминания рекой нахлынули на меня и унесли в далекие шестидесятые годы прошлого столетия. Страсть к путешествиям и изучению новых мест охоты привела меня в небольшой поселок золотоискателей, расположенный в горах Хакассии на одном из притоков реки Она, впадающей в Абакан.

После теплого приема и дружеского застолья у местного охотника Николая я вышел во двор. Небольшой поселок в два десятка домов раскинулся вдоль реки, текущей в ущелье между высокими горами. Прииск давно не работал, большинство жителей, оставшись без работы, покинули поселок, остались только пенсионеры да несколько охотников-профессионалов. Во дворе Николая стояли сарай, коровник, навес для дров, баня. У изгороди, отделяющей двор от огорода, я неожиданно увидел животное, стоящее возле стога сена. Оно было выше козы и ниже коровы. «Может это лама, – думал я, – но у ламы шея длиннее. Мои размышления прервал Николай, появившийся на крыльце в распахнутом полушубке.

– Это что у тебя за зверь по огороду ходит? – обратился я к нему.

– Марал, – коротко ответил он и позвал:

– Маша! Маша!

Маралуха подбежала к нему, и он стал чесать ей за ухом.

Я сгорал от любопытства, видя ручного марала, и, когда мы вернулись в дом, попросил Николая рассказать о ней. И вот что услышал:

«Во второй половине мая, пробираясь с собакой через перевал, я спугнул стаю волков. Обычно в это время года волки разбредаются парами. Любопытство заставило меня подойти к месту, с которого убежали волки. Там лежали кости и недоеденные остатки задранного марала. Пожалев марала и обругав про себя разбойников, стал спускаться к долине реки. Метрах в ста от места разыгравшейся трагедии моя собака подала голос. Подойдя к ней, увидел среди папоротника беспомощного, недавно родившегося олененка. Он лежал, поджав под себя ноги, и большеглазо смотрел на меня. Среди пожелтевшего прошлогоднего папоротника его с трудом можно было разглядеть. Олененок ожидал свою мать, а вместо нее над ним склонилось неизвестное ему существо. Ему еще был неизвестен

страх, и он доверчиво потянулся к человеку. Мне стало его жаль – без матери он обречен на гибель. Не раздумывая, взял его на руки и пошел домой. Тонкие длинные ноги детеныша мешали ходьбе. Пришлось расстегнуть верх фуфайки и положить его за пазуху. Домой добрался к вечеру, олененок был голоден. У нас недавно отелилась корова, и я предложил ему пососать вымя. Олененок с наслаждением стал сосать корову. Она приняла пасынка, повернула к нему голову и лизнула в бок.

Олененок рос быстро, всюду ходил за коровой, даже на пастбище, и всегда возвращался с нею домой. Соседи удивлялись их дружбе, часто приходили к нам посмотреть на марала, гуляющего по огороду. Слух о ручном марале дошел до районного охотоведа. Вскоре он приехал ко мне не для того, чтобы посмотреть на марала, а для того, чтобы составить на меня протокол за ловлю дикого животного.

Войдя в дом и поздоровавшись, охотовед с места в карьер задал вопрос:

– Зачем поймал марала?

– Что мне было делать, если он остался без матери?

Почему не отпускаешь на свободу? – наседал на меня охранник природы.

Я его не держу на привязи, он свободно ходит с коровой на пастбище. Придет время - уйдет в горы.

Охотовед немного смягчился и заявил:

– Передай марала в зоопарк и возьми справку о его приеме. Не вздумай осенью заколоть.

Охотовед уехал, оставив нехороший осадок у меня в душе. Взял я краюшку хлеба, вышел в огород и крикнул Машку. Она доверчиво подошла ко мне, потянулась за хлебом. Отдав ей хлеб, погладил по шее и спросил:

– Что будем мы с тобой делать? Мне жаль с тобой расставаться.

Она, возможно, понимала мою речь. Стояла рядом и смотрела на меня большими удивленными глазами. Мне показалось, что в них появились слезы. Тогда я ее успокоил:

– Не беспокойся, я буду приезжать в зоопарк и навещать тебя.

Написал письмо в заповедник «Красноярские столбы» с просьбой забрать у меня марала. Ответ пришел быстро. В нем благодарили меня за предложение, но им марал не нужен. Тогда мне пришлось написать письмо в Новосибирский зоопарк. Ответ также пришел с отказом от подарка. На следующий год охотовед вновь навестил меня. Расспросив об охотничьих делах, поинтересовался:

– Марала в зоопарк сдал?

– Не сдал, - смело ответил я, зная, что у меня лежат два письма с отказом от Машки.

– Почему?

– Зоопаркам марал не нужен.

–Тогда выпускай на свободу.

–Давай вместе выпустим, чтобы не было ко мне претензий.

Он согласился. Впервые накинул Машке веревку на шею. Она отказывалась идти с нами. Мне не хотелось применять к ней насилие и портить ее хорошее

расположение ко мне. Пришлось принести краюху хлеба и, отламывая от нее по небольшому кусочку, манить за собой маралуху. Отвели мы ее километра за два от поселка, поднялись по ущелью, заросшему кустарником, и отпустили на свободу.

– Прощай Машка, – сказал я с грустью, – найди сородичей, они помогут тебе выжить в суровом мире гор и тайги.

Погладил ее последний раз по шее, и мы стали спускаться по ущелью. Она не последовала за нами, а стала поедать молодые побеги кустарников. Мою душу давила горечь прощания с животным, к которому привык за два года, к горлу подкатил комок, на глаза наворачивались слезы. Я шел, не оборачиваясь, чтобы охотовед не увидел моего состояния. Сквозь шум в ушах услышал его голос:

– Вот видишь, она с удовольствием осталась в своей стихии, давно надо было выпустить ее на свободу. . .

На следующее утро, как обычно, я пошел к стогу за сеном для коровы и замер в изумлении. Там была Машка. Мы стояли с ней, не шелохнувшись, и смотрели друг на друга. Невозможно рассказать словами, какая радость охватила меня. Я потерял дар речи, готов был броситься к ней, обнять ее за шею и поцеловать.

– Маша, дорогая, иди ко мне, я поглажу тебя, – произнес еле слышно сдавленным голосом и протянул к ней руку.

Она сделала несколько шагов в мою сторону и остановилась. Сообразив, что у меня нет с собой хлеба, помчался в дом за гостинцами для маралухи».

– Какая судьба ожидает Машку теперь? – спросил я у Николая.

– Время покажет. Мы привязались друг к другу. Она мне хлопот не доставляет, корма для нее вокруг достаточно, сена я заготавливаю с лихвой для коровы и для маралухи. . .

Меня до глубины души тронул этот немудреный рассказ об отношениях человека и зверя.

Через несколько лет я вновь навестил Николая и узнал продолжение этой истории.

Стояла теплая пора листопада. В один из вечеров ветер принес с гор отрывистые хриплые звуки, напоминающие тяжелые вздохи.

Машка, гуляющая в огороде, насторожилась, ее уши, как локаторы развернулись в сторону звука.

Вскоре в вечернем воздухе раздался рев, напоминающий звуки трубы. В этом призывном звуке, тоскливом и жалобном, чувствовалась страсть и сила мощного лесного зверя.

Маралуха встрепенулась, подпрыгнула, словно ее что-то подбросило, и понеслась по огороду. На полном скаку легко и плавно перелетела через изгородь и скрылась из вида.

Николай грустил, но не сожалел о ее бегстве. Пожелал ей счастья среди сородичей. Рано или поздно это должно было случиться. К ней пришла пора любви и потребность к продолжению рода.

Охотясь вблизи поселка, ему хотелось встретиться с Машкой, но он ни разу не встречал следов маралов. Видимо она ушла за перевалы. В горных просторах Хакассии искать маралуху не легче, чем иголку в стоге сена. Маралы способны забираться в труднодоступные для человека места.

А весной Машка появилась во дворе Николая с теленком! Вела себя спокойно и уверенно, как у себя дома, а вот теленок дичился и жался к матери. Она пришла то ли поделиться своей радостью матери, то ли извиниться за то, что убежала, не простившись с человеком, который спас и приютил ее в детстве. Вечером Машка ушла со своим сыном в горы и больше ее Николай никогда не встречал.

Смелый

Как-то шел я по улице Игарке мимо пожарного депо, вижу: стоят, начальник пожарной части Виктор Морозюк и его сослуживец, и о чем-то беседуют. «Пожарные обычно разговаривают о работе или об охоте», – подумал я и направился в их сторону, чтобы поздороваться. Подавая мне руку, незнакомец назвался Валентином Воложаниным. Я назвал свое имя. Он был выше среднего роста, сухощав, энергичен, русые волосы коротко стрижены. Приятное лицо с умными, выразительными глазами выдавали в нем незаурядного человека. Разговор у них шел о рыбалке. Валентин продолжил прерванный рассказ:

– В некоторых, даже очень крупных, водоемах водится только карликовая пелядь, а в небольших встречаются крупные экземпляры . . .

Его речь была грамотно построена, с метафорами и сравнениями. Меня удивили его познания флоры и фауны Заполярья. У меня появилась симпатия к нему.

Когда он красочно описывал место расположения своей избушки, я попросил его показать мне этот удивительный уголок природы. Он согласился: «наступит сезон рыбалки, – милости прошу».

Позже я узнал от Виктора, что Валентин работал на материке учителем. У него заболели легкие, врачи посоветовали сменить влажный климат на сухой, чаще бывать на свежем воздухе. Он выбрал Игарку, живет здесь уже более десяти лет, на здоровье не жалуется.

Как-то вечером у меня в квартире зазвонил телефон. В такой поздний час звонить мог только дежурный по комбинату, в наступающую ночь я считался ответственным дежурным по комбинату, не имел права отлучаться из дома и в любой момент должен быть готов прибыть на комбинат. Сняв трубку, произнес казенную фразу:

– Слушаю вас, что случилось?

На другом конце провода - тишина, затем незнакомый голос произнес:

– Это Валентин. Вы просили пригласить вас на рыбалку.

Мгновенно вспомнился собеседник Виктора Морозюка, его голос и разговор полугодичной давности.

– Извините, пожалуйста, я не узнал ваш голос, мне должен был позвонить дежурный по комбинату. Я ожидал его звонка.

– Ничего страшного, вы же впервые слышите мой голос по телефону. Это вы извините за поздний звонок.

– Когда вы собираетесь на рыбалку?

– В субботу, во второй половине дня.

– С удовольствием принимаю ваше предложение. Вы сейчас дежурите?

– Да.

– Если не возражаете, завтра утром зайду к вам, и при встрече мы обо всем договоримся. . .

С рюкзаками и ружьями на плечах мы скользим по лыжне, проложенной к реке Гравийке.

Когда перешли реку, меня удивило, что лыжня шла не прямо, а виляла от одной группы сосен к другой, иногда проходила мимо одиночной сосны, стоящей среди пихтового леса. Мое недоумение развеял Валентин:

– Будь внимателен, на сосны прилетают кормиться глухари, зимой хвоя для них - основной корм. Если повезет, может быть, добудем себе на ужин.

Мне очень хотелось увидеть лесного великана, сидящего на сосне, но глухари, видимо, кормились где-то в других местах. На бескрайних просторах Заполярья для них найдется много сосен с мягкой и питательной хвоей.

– Скоро подойдем к незамерзающему ручью, там зимует чирок, – сказал Валентин.

– Почему он не улетел на юг?

– Возможно, был ранен. Хотя в этих местах вряд ли кто из охотников польстится на такую дичь. Скорее всего, песец или другой хищник повредил ему крыло.

– Неужели он сможет перенести суровую зиму? – удивился я.

– Поживем – увидим, я каждый раз навещаю его, беспокоюсь, песец может полакомиться утятиной.

Вскоре мы подошли к неширокому ручью, который весело журчал среди отшлифованных галек и камней. Он торопился к Гравийке, чтобы вместе с нею попасть в Енисей и мчаться в Северный Ледовитый океан. Продвигаясь берегом вверх по ручью, я заметил, что течение замедлило свой бег, появились забереги, впереди над ручьем нависла ледяная арка, засыпанная снегом. На забереге, покрытом тонким слоем снега, четко виднелись следы чирка, уходящие под арку.

– Слава Богу, жив бедолага, – произнес Валентин.

. . .Вечером мы подошли к избушке, которая стояла среди леса на высоком склоне к озеру. Она была добротно срублена из круглого леса, с односкатной крышей из кругляка, покрытого дерном. От избушки открывалась панорама, радующая глаз: меж двух холмов, заросших хвойным лесом, раскинулись белоснежной скатертью два озера. Вокруг – тишина и покой, никаких

признаков присутствия поблизости человека. Лучшего места для уединения и отдыха не найти. «Какое прекрасное место для рыбалки и охоты», – подумал я. Словно угадав мои мысли, Валентин произнес:

– Все озера проточные, соединены ручьями до самого Енисея, в них заходят на икромет чир и муксун, пелядь держится постоянно. Переночуем, утром проверим сети и двинемся в обратный путь.

В избушке было тесно. По обе стороны от дверей вдоль стен сделаны лежанки из обтесанных жердей. Они же служили сидениями. В центре стояла небольшая металлическая печь. У крохотного окошка – маленький столик, на котором лежали спички, и стояла пол-литровая банка с солью, под лежанками – заготовленные дрова.

Валентин положил на лежанку ружье, рюкзак, стал на колени и растопил печь. От печки моментально повеяло теплом, в считанные минуты воздух нагрелся. Я снял меховую куртку, достал из рюкзака термос, продукты и положил на стол.

Давай вечерять и отдыхать. Утро вечера мудренее, – предложил Валентин.

– После двадцатикилометрового перехода и сытной еды, в теплом помещении одолевала истома и приятная усталость, хотелось скорее растянуться на лежанке.

– Давно у тебя эта избушка? – спросил я, зевая.

– В этом году будет пять лет.

– Как удалось найти такое замечательное место?

– Это грустная история.

– Расскажи. У нас есть время.

Вот какую историю поведал мне Валентин.

. . . У меня было зимовье недалеко от Енисея. Добираться приходилось осенью на моторке, а возвращаться весной на лыжах. Место удобное – рыбачил на Енисее и на озерах. Весь зимний охотничий сезон проводил со своим другом Смелым. Это была умная, преданная, с прекрасным чутьем лайка. Он был непревзойденным мастером по любой дичи. Сегодня мы с тобой хотели добыть глухаря и похлебать горячего варева, но безуспешно. Сидим и закусываем колбасой. Будь с нами Смелый, мы бы с аппетитом обгладывали глухариные косточки. Стоило, бывало, мне сказать:

– Смелый, искать птицу.

Он унесется в лес и через несколько минут уже раздается его протяжный громкий лай. У него было прекрасное верхнее чутье. На каждую дичь лаял своеобразным голосом. Был настолько умен, что никогда не спугнет с дерева ни птицу, ни зверя. При моем приближении обязательно зайдет с противоположной стороны дерева, чтобы отвлечь внимание дичи на себя. По направлению его носа было легко найти притаившегося зверька или птицу. За шесть лет совместной охоты он научился понимать человеческую речь, а я понимать его повадки.

У Валентина дрогнул голос, он на минуту замолчал, видимо, воспоминания разбередили его душу. Затем сделал глубокий вздох и продолжал:

– Каждую осень, перед пушным промыслом, мы охотились за оленями на корм Смелому и на еду мне. Видел бы ты, как умело нагонял он на меня оленей. Такие повадки присущи только волкам. Я взял его щенком от породистых лаек, в его крови не должно быть примеси волчьей крови, но он много раз удивлял меня повадками волка.

Я числился охотником-промысловиком в «Заготпушнине», полученных денег за сданные шкурки соболей и белок вполне хватало на безбедное существование до следующего сезона.

– Где же сейчас Смелый? – подтолкнул я Валентина к развязке рассказа.

– Пять лет назад мы забрели с ним в эти края. За холмом, на противоположной стороне озера, Смелый нашел берлогу. По его голосу я догадался, что дичь необычная. Перезарядил ружье и со всех ног побежал к нему. Когда оказался около берлоги, решил взять Смелого на поводок и увести от берлоги. Обычно медведя из берлоги приходится долго выгонять длинным шестом, а этот выскочил, как только я подошел, и бросился на меня. Смелый вцепился ему в заднюю лапу. Этим спас меня. Медведь развернулся к нему, подставив мне левый бок, я выстрелил почти в упор, медведь осел на снег, но до моего выстрела успел передней лапой нанести смертельный удар Смелому. Унеслось по лесу эхо от выстрела, установилась тревожная тишина. Я не слышал голоса Смелого. У моих ног лежали без дыхания Смелый и медведь. Я бросился к собаке, обнял окровавленное тело, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Он лежал с открытыми, немигающими глазами. В них увидел любовь, преданность и верность мне до последнего дыхания. У меня комок подкатил к горлу, я плакал навзрыд. Придя в себя, взял Смелого на руки и побрел прочь от медвежьей туши. Остановился на вершине холма за озером. Долго, очень долго охотничьим ножом рыл могилу в мерзлом грунте. Мне не хотелось, чтобы моего друга растерзали хищники. Меня душили слезы, я несколько раз припадал головой к безжизненному телу – хотел услышать биение преданного мне сердца, но тщетно. Предав друга земле, выстрелил в воздух семь раз - по числу прожитых им лет. Это все, что я мог сделать для него.

Промысел пришлось прекратить. Возвращаясь в город, постоянно видел перед собой облик Смелого. Мне казалось, что он вот-вот выскочит из-за деревьев с радостным блеском в глазах и завиляет мне хвостом. Вспоминал, как, бывало, он уткнется своей мордой мне в колени, а я гладил его лохматую голову и дружески трепал за уши.

Когда рассказал жене и дочери о случившемся, они безутешно плакали. Смелый был членом нашей семьи. . .

По лицу Валентина было видно, что он заново переживал события пятилетней давности. Я сам с трудом сдерживал слезы. Тяжело вздохнув, он продолжал повествование.

Об охоте без Смелого не могло быть и речи. Мне предлагали завести новую собаку. Мое сердце подсказывало, что взять другую собаку, значит предать память о друге. Смелый как первая любовь, память о нем останется всегда со мной.

Вскоре мне подвернулась работа в пожарном депо. Вот так я стал пожарным.

Рассказ Валентина разогнал мою сонливость, мне хотелось, чтобы он продолжал говорить.

– Что ты сделал с медведем? – задал ему вопрос.

– Я не притронулся к нему, оставил на съедение хищникам.

– Как оказалась здесь твоя избушка?

– Весной, взяв с собой сеть и противоипритный костюм, я навестил могилу Смелого. Наносил к ней камней из ручья и выложил конусообразный памятник. Затем в водонепроницаемом костюме зашел по пояс в воду и поставил сеть. На успех не очень надеялся. Когда вынимал сеть, был приятно обрадован: в сеть попали муксуны и пелядь. «Это Смелый привел меня к этому озеру», – подумал я и решил построить здесь избушку.

Он замолчал и задумался. После затянувшейся паузы произнес:

– Давай спать, а то свеча уже догорает.

Ночью выпал небольшой снежок, припорошив крыльцо и наши вчерашние следы. Температура воздуха была не ниже минус двадцати градусов. Для Заполярья – это очень теплая погода. Меня удивили следы соболя, оставленные на крыльце и крыше избушки. Пробежав взглядом по следу, увидел, что соболь спустился по сосне, стоящей рядом с избушкой, на крышу, затем на крыльцо. Таким же путем удалился, оставив нам свою визитную карточку. Его, видимо, привлек запах, выходящий через дверь.

– Валентин, ты капканы на соболей ставишь? – обратился я к приятелю.

Нет, не ставлю.

– Почему? – удивился я. – Соболь ночью просился к тебе в дом.

– В этом году очень хороший урожай белки. Вот и соболь расплодился, белки служат основным его кормом, а этому захотелось рыбы, вот и пожаловал на запах.

– Ты не ответил, почему не ловишь соболей?

– Ловить зверя капканами – варварство. Представь себе, как он мучается, пока не замерзнет в капкане. Была бы моя воля, я запретил бы ставить петли и капканы. Добывать зверя надо из ружья, чтобы гибель наступала мгновенно. Кроме того, шкурки сильно обесценились, «овчинка выделки не стоит», – закончил он поговоркой.

Валентин достал из-под избушки пешню, шнур, и мы отправились на лед озера проверять сеть. В заливе, около ручья, торчала изо льда толстая проволока.

– Здесь будем долбить майну, – сказал он и начал колоть лед вокруг проволоки.

В его сильных руках пешня легко поднималась и с силой опускалась в образовавшуюся лунку.

Сменив его, я почувствовал, что пешня была тяжелой, мне приходилось затрачивать немало сил, чтобы поднять ее и с силой ударить по льду.

Когда майна была готова, он за проволоку поднял конец сети и привязал к нему шнур, который я растянул по льду озера.

– Теперь пойдем долбить вторую майну, через которую вынем сеть,- сказал Валентин, и мы направились на другой конец залива.

Из сети выпутали шесть пелядей весом около трех килограммов каждая.

– Небогатый улов, – подумал я.

Домой возвращались по знакомой лыжне, Валентин шел впереди широким шагом, приминая выпавший за ночь снежок. Мои лыжи легко скользили по накатанной лыжне, нагруженный рыбой рюкзак приятно давил плечи. В лесу стояла тишина, небольшой морозец бодрил и подгонял вперед. На хвойных лапах деревьев лежал пушистый снег, как вата на новогодних елках.

Прошли полпути, и я почувствовал, что рюкзак стал тяжелее. Подходя к дому, я уже не думал, что улов был плохим.

Прощаясь со мной, Валентин спросил:

– Еще раз составишь мне компанию?

На его приятном лице промелькнула хитрая ухмылка. Наверное, думал, что откажусь от длинного утомительного перехода, но он еще плохо знал меня.

– Обязательно пойду, если пригласишь.

Гобой

1

Всю ночь трубил охотник в рог – призывом оглашалась снежная округа. Тревожные звуки охотничьего рога неслись над садами совхоза «Мичуринец», по широкому глубокому логу и эхом отзывались вдалеке у Гусиного брода, расположенного недалеко от Новосибирска. Охотник шел по кромке поля, пшеничная стерня торчала из-под снега и шуршала под его ногами. Он непрерывно подавал сигналы своему гончаку Гобою. Слева простирался склон лога, заросший березовым лесом. Справа раскинулись поля с редкими колками. «Не может быть, чтобы собака ушла за пределы слышимости рога, – думал он, – у гончих хороший слух, они слышат сигнал за несколько километров».

Пожилой мужчина тешил себя мыслью, что собака наткнулась на следы коз или лося и увязалась за ними, он не хотел верить, что с Гобоем случилась беда. Вспомнил, как два года тому назад с приятелем Дуровым Алексеем Ивановичем ездил в Алтайский край за щенками к известному заводчику гончих Филягину. Щенкам было всего три недели, привез малыша за пазухой. По дороге он несколько раз мочил рубашку хозяина. Это не охладило пыл охотника вырастить себе помощника на охоте. В городской квартире полностью заменил ему мать. Первое время кормил молочными смесями для малышей, затем перевел на мясо и каши. Много играл и выгуливал. Щенки любят лежать около матери. Чтобы восполнить потерю этого удовольствия у рано лишенного матери щенка, хозяин часто ложился на ковер, покрывающий пол квартиры. Гобой моментально укладывался рядом, прижимался к его груди и начинал сосать рубашку. Он

вырос крупным и сильным выжлецом (название самца у гончих собак). На выставке занял первое место среди собак младшего возраста, показал хорошие полевые качества. И вот теперь его хозяин с тревогой в груди подает сигналы о своем местонахождении.

К утру небо стало затягиваться тучами, за которыми скрылись звезды, и спряталась желтая луна. На землю опустился предрассветный мрак, в воздухе чувствовалась прохлада, появилась изморозь. Легкий морозец и влажный воздух предвещали снегопад.

Как только наступил рассвет и очертания деревьев выплыли из туманно-снежной мглы, охотник надел широкие лыжи и отправился искать вчерашний след Гобоя.

2

Вчера вечером со своим постоянным спутником на охоты Алексеем Дуровым они приехали в излюбленное место в Новосибирском районе, недалеко от села Плотниково. Пустили в поиск собак и, неторопливо двигаясь вдоль лога, с радостным приподнятым настроением вслушивались в звуки зимнего леса, ожидая симфонии гончих после подъема ими зайца. На старой березе со сломанной бурей вершиной дятел морзянкой оповещал обитателей леса о том, что обнаружил короеда и пробивает к нему дупло, которое на следующий год непременно будет занято под гнездо мелкими птичками. На соседней березе непоседливые синички порхали с ветки на ветку. В желто-зеленом оперении, с черной шапочкой и галстуком, они мелькали в воздухе на фоне белого снега. Синички цеплялись за ветки то одной, то обеими лапками, иногда повисая на концах веточек спиной вниз. К стайке синичек присоединилось несколько пепельно-голубых поползней с короткими хвостами. Они своими длинными крепкими клювами обследовали ствол березы, спускаясь по нему головой вниз.

Собаки быстро подняли зайчишку с лежки, не дав ему поспать до сумерек, и, заливаясь звонкими радостными голосами, погнали по логу. По лесу понеслась многоголосая симфония. Флейта шла с заливом, не ограничиваясь одной нотой. Тембр ее голоса переходил от низких к высоким нотам и наоборот. Как аккомпанемент звучал грубый яркий голос Гобоя. Создавалось впечатление, что зайца гонит свора собак.

Обычно заяц делает круг и возвращается к месту своей лежки, где его поджидают охотники. На этот раз косой ушел далеко по логу в сторону покинутого поселка Мостовая и делал там круг за кругом. Голоса собак с трудом прослушивались.

– Может, пойдем на лай собак? – предложил Алексей Иванович, – поможем им.

– Пока мы идем по прямому направлению, заяц может вернуться, миновав нас, - ответил его приятель.

Вскоре собачья симфония, разливаясь по логу, стала приближаться к охотникам. Они стояли на склонах и всматривались вдаль. Вот вдоль ручья показался летящий белый комок. Он перелетел ручей, выскочил на кромку лога,

вернулся по своему следу к кустам, проскочил через кусты и устремился вдоль ручья. В это время из-за поворота лога показались собаки. Если заяц казался летящим белым шаром, то они в длинных прыжках казались распластавшимися в воздухе.

Заяц бегал недалеко от Дурова. После выстрела он перевернулся через голову и покатился по крутому склону лога.

Собаки, услышав выстрел, не пошли по двойному следу зайца, а помчались на выстрел. Они знали, что заяц добыт или его свежий след находится там.

Дуров не стал подбирать добычу, он ждал собак, стоя рядом. Разгоряченные и запыхавшиеся собаки обнюхали зайца и, убедившись, что это тот заяц, которого они гнали, тяжело дыша, отошли в сторону. Алексей Иванович не спеша достал из ножен охотничий нож, отрезал передние лапы зайца и отдал их собакам. Гобой проглотил пазанок, не жуя, Флейта помусолила в пасти и тоже проглотила. По охотничьему поверью задние лапы давать собакам нельзя, чтобы они не ходили в пяту зайца (в противоположную сторону движения зверя).

Подобрав зайца, охотники направились по склону лога к машине, собаки шли сзади и нюхали добычу, которая досталась их тяжелым трудом.

Около машины друзья покормили собак и принялись разводить костер, чтобы вскипятить чай и подкрепиться. Дуров привязал Флейту к машине, Гобой разгреб снег под березой и улегся на прошлогоднюю сухую траву.

– Может быть, немного отдохнем и еще по лесу пройдем пока не стемнело? - предложил Алексей Иванович.

– Куда нам спешить? – ответил приятель. Переночуем в машине вместе с собаками, добудем завтра еще одного зайца. Разве тебе не нравится сидеть у костра и наслаждаться прекрасной погодой? – Наступят холода – не захочется из квартиры выходить на улицу, не то что в лес ехать.

– Это, как повезет, может еще одну ночь придется провести на свежем воздухе, – скептически ответил Дуров.

Не успели охотники напиться чая, как Гобой вскочил со своей лежки и, молча, умчался в лог.

– Кого-то причуял, – сказал Дуров.

– Побегает – вернется, – ответил приятель и продолжал наслаждаться душистым чаем.

Стемнело, на небе высыпали звезды, взошла, как лимон, желтая луна. Гобой не возвращался, охотника охватило беспокойство.

3

Следы собаки охотник нашел в логу около незамерзшего ручья и пошел вниз по течению. Следы вели его по склону лога, спускаясь к густым зарослям тальника вдоль ручья. Вот охотник увидел следы зайца, спокойно уходящие из небольшого куста вербы на пологом склоне. Следы были свежие, собака пошла по ним. Не отрывая глаз от следов, охотник шел вдоль лога, затем по противоположному склону поднялся на сенокос. Здесь, возле стога, зайчишка предыдущей ночью долго жировал, истоптав всю поляну. «Ну и хитрец, –

подумал охотник о зайце, – чтобы сбить собаку со следа, прибежал на место жировки. Интересно, что он еще придумает?»

Охотник по следам, оставленным на снегу, читал как в книге о событиях прошлого вечера. Гобой сделал полукруг около стога, нашел угонный след и помчался к кустам, около которых из снега торчит пень. Подойдя к пню, охотник увидел заячью лежку. От нее заяц летел трехметровыми прыжками, за ним – следом собака. «Отсюда начался гон зайца по горячему следу, подумал – охотник, – но мы на противоположной стороне лога не слышали музыки гона».

Погода стала портиться, ветер усилился, в воздухе замелькали снежинки. Охотник спешил изо всех сил, в душе молил Бога, чтобы не начался буран и не завалил отпечатки следов снегом . Следы привели его в другой лог, затем пошли по склону в сторону деревни Издревой. Пробежав по логу больше километра, заяц начал делать круг и выбежал на кромку лога. Здесь след его прервался, на снегу были пятна крови и следы сапог человека и собаки. От места трагедии удалялись следы сапог и рядом следы Гобоя.

С тяжелым предчувствием охотник последовал по направлению следов. Они привели к березовому колку, за которым на снегу виднелись следы УАЗа. Снег вокруг машины был истоптан людьми, обутыми в сапоги и чуни. Около следов протектора от колес автомашины виднелось кровавое пятно. Видимо охотник бросил убитого зайца на снег, чтобы его приятели могли полюбоваться добычей. УАЗ уехал, увозя Гобоя в неизвестность.

Охотник стоял убитый горем. Свалившееся несчастье тяжелым грузом сгорбило его, пожилой человек постарел на несколько лет, слезы горести и обиды текли по его обветренным щекам. Он представил картину, разыгравшуюся прошлым вечером: «Заяц выскочил из лога на небольшую поляну. Стоящий в кустах охотник без труда добыл его. Следом прибежал Гобой и, прикусив добычу, стоя над зайцем, ждал поощрения. Хозяин всегда отрезал у зайца переднюю лапу и угощал его. Чужой человек решился на воровство, забрал зайца, привязал собаку чем-то за шею и увел к машине».

По законам охотничьей этики, добытый из-под чужой собаки зверь принадлежит хозяину собаки. Если он найдет нужным, может подарить его охотнику, который помог добыть зайца.

Возвращался охотник, спотыкаясь о кочки и пеньки, натыкаясь на ветки деревьев. Его глаза затуманили слезы, он переживал потерю друга и помощника. На него свалилось горе, как цунами, словами боль его не передать. Он будет долгими ночами не спать, а горевать и думать, как отыскать друга.

Ветер усилился, жестко, как песком, хлестал снегом по лицу, но охотник не чувствовал боли, душевная боль была сильнее. Пурга заметала за ним следы и прожитый кусок жизни.

4

В избе Шаламовых – пирушка, табачный дым завесой висит над столом. Как в тумане стоят бутылки с самогоном, на тарелках соленые грибы, капуста, картошка, вкусная закуска из зайчатины. Разговор идет на высоких нотах.

Самогон привел людей в такое состояние, когда каждому хочется высказать свое мнение, кажется, что его плохо слышат, и он старается говорить громко.

Вчера из Новосибирска к хозяину приехали друзья, добыли из-под чужой собаки зайца и обсуждают ход охоты.

– Зря мы начали охотиться в садах, загоны по посадкам смородины не дали результата.

– Там было много следов зайцев, которые убегали по густым зарослям в разные стороны.

– Надо было делать загоны по логам, тогда бы добыли не одного зайца.

– Я, когда услышал лай в логу, побежал наперерез и остановился в кустах на кромке лога. Не успел осмотреться, как на поляну выскочил зайчишка.

– Мне не дали густые кусты добежать раньше тебя до лога.

– Собака оказалась доброй, долго без сколов гнала зайца.

– Ты молодец, что не промахнулся, но зачем забрал чужую собаку? Хозяин, наверное, переживает.

– Собака, видимо, заблудилась и не хотела отходить от меня.

– Друзья, уж если так случилось, оставим собаку здесь и будем приезжать по выходным дням и охотиться с ней в свое удовольствие.

В разговор вмешался хозяин дома:

– Нельзя ее оставлять у меня, в селе мигом все узнают о собаке, и найдется ее хозяин.

– Собака, вроде, молодая, быть может, нам ее продать? – предложил самый молодой из участников застолья, – цена, быть может, небольшая, но можно все же погулять.

– Тебе что мало водки на столе? – обрушились на него товарищи.

– На столе не водка, а самогонка, – парировал пьяным голосом собутыльник, внесший предложение о продаже.

– Самогонка полезней и чище паленой водки, – обидевшись, заявил хозяин, - у нас в селе после того, как мужики отравились паленой водкой, все употребляют только напитки собственного производства.

– Ну, ты и загнул – «напитки». Вы что, самогонку по сортам различаете?

– Темный ты, Вася, человек, хоть и в городе живешь.

– Просвети, если ты светлый.

– Пожалуйста, – сказал, икнув, хозяин, – медовуху и бражку ты пробовал?

– Не пробовал. Ну и что?

– А это значит, что ты темный человек, – самодовольно заключил хозяин.

В это время на другом конце стола продолжался разговор о судьбе гончака.

– Таким добром нельзя бросаться, собака рабочая, ей нет цены. Я ее нашел и возьму с собой в город.

– Как ты ее будешь содержать в квартире на четвертом этаже?

– Многие люди содержат собак, и я буду содержать. Ты еще не раз попросишься со мной на охоту.

– Ты бы сходил, накормил собаку, она, наверное, голодная.

– Потерпит до дома, голодная скорее привыкнет ко мне.

Эти разговоры слышал сын хозяина. Он пошел на кухню, отрезал краюху хлеба, положил в карман и, накинув на плечи куртку, тихонько вышел во двор.

Гобой, привязанный веревкой в хлеву, увидев ребенка, напрягся всем телом и жалобно заскулил. Он вырос среди внуков хозяина и очень любил детей. Мальчик подошел к собаке, легонько погладил по голове и протянул кусок хлеба. Гончак больше суток ничего не ел, но не выхватил еду из руки ребенка. Он обнюхал руку и хлеб, только затем осторожно взял в зубы предложенный кусок и, зажав его передними лапами, стал понемногу откусывать. Мальчик присел около собаки и стал нежно гладить ее по спине. Гобой съел хлеб и обнюхал мальчика, чтобы на всю жизнь запомнить запах человека, который его накормил. Его тонкое чутье улавливало запах человека среди множества других запахов: от коровы, стоящей в дальнем конце хлева у ясель и пережевывающей сено, от свиней в свинарнике, отделенном от коровника перегородкой, от кур в курятнике.

Они сидели рядом, рука ребенка скользила по шерсти собаки. «Может мне отвязать ее и отпустить на свободу, – думал мальчик, – пускай бежит, ищет своего хозяина».

В это время со скрипом отворилась дверь дома, и на крыльцо высыпала шумная компания.

Вновь объявившийся хозяин собаки, отвязал ее и вывел из хлева. Открыв заднюю дверь машины, тянул веревку изо всех сил. Гобой, как мог, сопротивлялся. Он уперся передними лапами в землю и не двигался с места. Силы были почти равны. Мужчине надоело упрямство собаки, и он со всей силой ударил ее ногой в зад. Гобой взвизгнул от боли и обиды. Его впервые ударил человек. Другая собака за нанесенную обиду набросилась бы на человека и могла бы завоевать себе свободу, но только не гончая. Столетиями выработанный инстинкт заставляет ее повиноваться человеку.

5

Около автомашины Алексей Иванович встретил приятеля вопросом:

– Куда привели тебя следы Гобоя?

– Его украли.

– Как украли?

– Посадили в автомашину и увезли.

– Медальон на ошейнике был?

– Я пустил его без ошейника, чтобы не зацепился где-нибудь за сучок.

– Если бы на ошейнике нашли медальон с телефоном, могли бы позвонить о находке, - произнес Дуров, как бы между прочим.

Охотник понимал его правоту и свою оплошность, но чтобы оправдать себя перед собой, уныло произнес:

– Не для того воровали, чтобы потом возвращать.

Немного подумав, добавил:

– Надо будет во всех близлежащих селах повесить объявления. Собака – не иголка. Кто-нибудь из соседей заметит и сообщит за вознаграждение.

Охотник подробно рассказал приятелю обо всем, что прочитал по следам на снегу.

– При удобном случае Гобой может сбежать, - сказал Алексей Иванович, - оставь здесь какую-нибудь вещь, чтобы он около нее ожидал тебя.

– Если посадят на цепь, то не сбежит.

– Его же украли охотники, значит рано или поздно возьмут на охоту, и он сможет сбежать.

Охотник снял с себя куртку и положил под березу. Он вспомнил случай на охоте в Мошковском районе. Молодой выжлец Нагай увязался за косулями. Охотники целый день ходили по его следу, но найти собаку не могли. Вечером пурга замела следы, и им пришлось вернуться в деревню. На месте подъема коз хозяин Нагая воткнул в снег палки и повесил на них свои перчатки. Через сутки охотники пошли в лес. К их общей радости, они увидели около перчаток лежащего Нагая. Он разрыл снег до сухой травы и устроил лежку. Не меньше охотников обрадовался и Нагай. Соскочив с лежки, вилял хвостом, терся о ноги хозяина.

На следующий день, развесив объявления в Гусином Броде, Плотникове и Издревой с фотографией Гобоя и обещанием большого вознаграждения за сообщение сведений о собаке, охотник заехал к месту охоты. Куртка лежала на своем месте, следов поблизости на свежевыпавшем снегу не было. Он забрал куртку, а к дереву прибил свой тапок, которым любил играть Гобой. С тяжелым чувством невосполнимой потери и горя поехал охотник домой.

Развешанные объявления скоро дали о себе знать. Из Издревой позвонил Шаламов и сообщил, что собаку нашел житель их села Лебедев.

Радостный и счастливый, как на крыльях, полетел охотник в село. Дом Лебедева нашел быстро. С замиранием сердца входил в него. Хозяин небольшого роста с небритым лицом встретил его растерянным взглядом.

– Вы нашли гончую собаку? – спросил охотник.

– Да, я нашел.

– Где она?

– Я отдал ее хозяину за вознаграждение.

– Как фамилия хозяина?

– Я не спрашивал.

– Документы на собаку он тебе показывал?

– А зачем мне документы, я деньги получил и доволен.

– На какой машине он к тебе приезжал?

– На Ниве.

– Номер машины запомнил?

– Не запоминал.

– Какого цвета машина?

– Красного.

– Я думаю, что ты не говоришь мне всей правды. Скажи, как мне найти человека, которому ты отдал собаку, и я дам тебе столько же в дополнение к тому, сколько ты уже получил.

– Мне известна только дача, на которой он живет летом.

– Поедем, покажешь мне эту дачу.

Занесенная снегом дорога не позволила проехать на территорию дачного кооператива, пришлось идти пешком по глубокому снегу. Лебедев в валенках шел впереди, охотник в ботинках следовал за ним, черпая ими снег. Подойдя к даче с номером девяносто восемь, Лебедев остановился, показал на нее рукой и сказал:

– Вот в этой или соседней даче он живет летом. Здесь всегда стоит красная Нива.

– Как называется этот кооператив?

– Не знаю.

– Где мне найти сторожа кооператива?

Его дом на другом конце кооператива.

– Иди домой, а я отправлюсь искать сторожа, – сказал охотник и побрел по занесенной снегом дороге.

– А где обещанный миллион? – крикнул ему в след Лебедев.

– Деньги получишь, если я найду собаку, – ответил мужчина и продолжил свой путь.

У сторожа он узнал, что дачный кооператив принадлежит институту Геодезии и картографии. Получив телефон председателя кооператива, охотник с теплящейся надеждой найти друга, побрел к машине, не обращая внимания на мокрые ноги.

Узнав у председателя кооператива адреса и телефоны хозяев дач, у которых могла быть собака, охотник не стал звонить им по телефону, чтобы не спрятали Гобоя, а поехал по адресам.

Первая квартира оказалась недалеко от Оперного театра. На звонок дверь открыл пожилой полный мужчина очень серьезного вида. «Наверное, профессор», - подумал охотник и, поздоровавшись, спросил:

– Скажите, пожалуйста, вы на этой неделе ездили в Издревую?

– Побойтесь Бога! Что мне там делать зимой? А, собственно, в чем дело? Почему вы мне задаете такой вопрос? Заходите в комнату, через порог нельзя разговаривать.

Переступив порог и прикрыв за собой дверь, охотник кратко рассказал о поисках Гобоя. Собеседник внимательно и с интересом слушал историю пропажи и поиска Гобоя. «Он умеет внимательно слушать», – подумал охотник.

– Примите мое искреннее сочувствие, я не причастен к краже и ничем не могу вам помочь – произнес мужчина, когда выслушал печальную историю, – я желаю вам успеха в поиске.

Он на прощание протянул пухлую мягкую руку и не закрывал дверь, пока посетитель спускался до нижележащего этажа.

Квартира по второму адресу, данному председателем садоводческого кооператива, находилась в Кировском районе. Дверь открыла моложавая женщина. Из-за ее спины выглядывал черный ротвейлер с мрачным тяжелым взглядом. «Такому только скажи «взять», мигом набросится на человека», - подумал охотник.

– Скажите, пожалуйста, я могу поговорить с вашим мужем?

– Его нет дома, он в командировке.

– Мне сказали, что он купил в Издревой недавно гончую собаку.

– Зачем ему какая-то гончая, у нас своя прекрасная собака, – сказала женщина и погладила по голове стоящего рядом ротвейлера.

– Извините еще за один вопрос: ваш муж занимается охотой?

– Что вы! Какая ему охота? Он пишет диссертацию. Уже две недели сидит в Москве в библиотеке имени Ленина.

– Извините за беспокойство, мне дали ложные сведения.

Простившись с женщиной, охотник с тяжелым чувством на душе медленно переставлял ноги по ступенькам лестницы, спускаясь с пятого этажа. Они словно налились свинцом. Он ехал с надеждой встретить Гобоя, вернуть деньги, потраченные новым хозяином на покупку собаки, но его ждало жестокое разочарование. «Зачем Лебедев обманул меня? – думал он и не мог ответить на свой вопрос.

6

Заместитель начальника Барышевского отделения милиции майор Свиридов, выслушав охотника, сказал:

– Я сам охотник и понимаю, что значит потерять хорошую собаку. Сейчас я приглашу к себе оперативного работника, и вы поедете с ним в Издревую.

В кабинет вошел молодой человек в кожаной куртке.

– Поедешь с этим товарищем в совхоз Мичуринский и хоть из-под земли доставь ко мне Лебедева.

– Это тот, что проходил у нас по делу о воровстве?

– Найдешь – узнаешь, – сказал майор.

Лебедева дома не было, его нашли на ферме, где он работал скотником. Оперативник узнал своего бывшего знакомого и твердым голосом произнес:

– Садись в машину, поедем в отделение.

– Мне надо бы переодеться, а то ноги в навозе.

– Переоденешься, если вернешься.

Когда троица оказалась в кабинете майора, он сказал охотнику:

– Посидите в коридоре, я поговорю с Лебедевым и вас приглашу.

Разговор длился очень долго, за окном уже начало темнеть. В кабинет дважды входил дежурный по отделению, прежде чем предложил пройти туда заявителю.

Майор протянул охотнику бумажку и сказал:

– Езжай на Юго-западный микрорайон по этому адресу и забирай свою собаку. После того как заберешь ее, приезжай сюда, я сегодня дежурю до утра и хочу посмотреть на твоего гончака.

Обрадовавшись, что наконец-то собака нашлась, охотник взял бумажку и как на крыльях вылетел из кабинета, сел в машину и погнал ее, превышая установленную в Барышево скорость в сорок километров. Всю дорогу мечтал о встрече с другом, представлял себе, как обрадуется Гобой, прыгнет передними лапами ему на грудь и будет пытаться лизнуть в лицо, а он обнимет его за шею и прижмет к себе.

Поднимаясь на лифте девятиэтажного панельного дома, посмотрел еще раз на бумажку, врученную ему майором. На ней было написано – Иванов Игнатий Петрович.

К двери квартиры, указанной в бумажке, подходил с трепетно бьющимся сердцем, ожидая, что Гобой почует его через дверь и подаст голос, но за дверью была тишина. Он остановился и тихонько свистнул. Гобой голоса не подал. Плохое предчувствие овладело охотником, рушились мечты о встрече. Немного постояв и овладев собой, позвонил в дверь. К двери никто не подходил. Пришлось позвонить второй раз более настойчиво. За дверью послышались легкие шаги. Кто-то подошел и разглядывал его через глазок. Видимо, хозяин квартиры слышал свист на лестничной площадке и боялся открывать дверь.

Охотник сделал шаг назад от двери, расстегнул куртку и отбросил в стороны концы шарфика, чтобы через глазок могли видеть, что перед ними стоит человек в галстуке, а не бродяга.

Послышался скрип металлического засова, щелчок замка, и дверь приоткрыла женщина средних лет в ситцевом халатике, подпоясанном узким пояском. Она стояла в коридоре, держась рукой за дверную ручку, готовая в любой момент захлопнуть дверь. На круглом приятном лице с ямочками на щеках смотрели карие удивленные глаза.

– Здравствуйте! – сказал посетитель и слегка поклонился.

Он уже знал, что собаки в этой квартире нет, но ему надо было поговорить с женщиной и объяснить ей свой неожиданный поздний визит.

– Здравствуйте, – тихо ответила она, осмотрев посетителя с ног до головы.

Выражение ее глаз сменилось с настороженного на любопытное.

– Скажите, пожалуйста, Иванов Игнатий Петрович здесь проживает?

– Да, проживает.

– Можно его увидеть и с ним поговорить?

Его нет дома. А в чем дело?

– Мне сказали в Барышевском отделении милиции, что он купил в Издревой собаку.

– Зачем ему собака? – удивилась женщина, – во всяком случае, в дом он собак не приводил.

– Скажите, ваш муж – охотник?

– Упаси Бог, еще этого недоставало, чтобы он был охотником.

– Почему вам не нравятся охотники?

– У меня на работе у сотрудниц мужья охотники, так они каждую субботу уезжают на охоту с женщинами развлекаться, а жены, как дуры, дома сидят, их ожидают.

– У вас превратное представление об охоте. Скажите мне лучше: у вас дача в Издревой?

– У нас садовый участок в Павино.

Женщину озарила какая-то догадка, на лице появилась невеселая улыбка, и она, распахнув дверь, произнесла:

– Проходите, я вам расскажу, какие злые шутки случаются с владельцами распространенной фамилии Иванов.

«Приходит несколько лет тому назад мне повестка с вызовом в венерологический диспансер, – начала рассказ женщина. Дома был муж. Прочитав повестку, устроил скандал вплоть до развода. Ни какие мои доводы не принимал во внимание. Побежала я в диспансер, меня обследовали и дали справку, что я здорова. Захожу к заведующей отделением и спрашиваю:

– Зачем вы прислали мне повестку? Вы разрушили мои отношения с мужем. Она так спокойно, словно ничего не произошло, отвечает:

– У нас такой порядок. Когда к нам приходит больной, мы требуем назвать фамилию источника заражения. Больной назвал вашу фамилию, имя и отчество. Мы нашли в адресном бюро ваш адрес и направили повестку.

– Чем закончилась ваша размолвка с мужем?

– Помирились.

– Хорошо, когда все хорошо кончается.

– Наверное, вам в милиции дали ложный адрес, – подытожила она разговор.

В Барышево охотник ехал медленно, с горечью на душе и невеселыми мыслями. Уже давно зажгли электрическое освещение улиц, поток машин сократился, по тротуару шли редкие пешеходы.

Выслушав охотника, майор Свиридов сказал:

– В ваше отсутствие Лебедев сбежал, завтра мы разыщем его, и он сам нам покажет, где собака. Вам сообщим по телефону, когда ее найдем.

Этот разговор не улучшил настроение охотника, но вселял слабую надежду, что милиция поможет найти Гобоя. Несколько дней он ждал телефонного звонка.

7

Четвертый день в чужой квартире Гобой, свернувшись клубком, лежал на коврике. Отказавшись от еды, никому, кроме старшей дочки Иры, не позволял себя погладить. На хозяина смотрел пристальным недобрым взглядом. Хозяйке он казался больным лишь потому, что весь дрожал.

– Пора с собакой распрощаться, – ворчала строгая жена.

– Чем она тебе мешает? – спрашивал муж, – лежит спокойно в уголке.

– Она приносит грязь в квартиру, а мне убирать.

– Какая грязь? – удивлялся муж, – на улице лежит снег.

– Наступит весна, и вся грязь с ее ног будет на полу.

– Весной ноги будем ей мыть, возвращаясь с улицы.

У нас – дети, могут от нее заразу подхватить, – не сдавалась жена, – посмотри на него, он дрожит, по ночам скулит.

– Болезни собак не передаются людям.

– А глисты?

Завтра куплю в ветеринарной аптеке лекарство и дам ему.

Жена приводила все новые аргументы, чтобы избавиться от собаки:

– Его же надо кормить, он не какая-то маленькая болонка, которую можно прокормить остатками со стола. Ему придется варить, потребуются затраты.

Гобой в тревоге и испуге не может понять, почему оказался в незнакомой квартире, почему к нему не идет хозяин. От пережитого стресса ему лишь хочется лежать. Во сне ему снится хозяин, и он от радости скулит. Хозяин старый не обидит, о нем душа его болит. Два года жили неразлучно, водой их дружбу не разлить, один кусок всегда делили и вместе по лесу бродили. Охотник если не приходит, то должен он его искать. Скорее всего, хозяин бродит, где разошлись у них пути.

Однажды, гуляя по улице с Ирой, у него расстегнулся ошейник. Почувствовав свободу, он помчался, сколько было сил. Бежал, не зная куда, лишь бы подальше от ненавистного дома и его обитателей. Он летел, словно без ума, радуясь свободе и возможности размять мышцы. Гончак способен бегать очень много, но вот проезжая дорога, по ней сплошной поток машин, стеной стоят высотные дома. Гобой сбавил бег и остановился. Непонятное людям чувство толкнуло его как ток, он понял, что должен бежать на восток. Только сейчас он почувствовал, что голоден. На боках под кожей выпучились ребра, живот подвело. Вернувшись между домами во двор, потянул носом воздух. Слабый ветерок донес запах помойки, которую он скоро разыскал. В металлических баках, заваленных мусором, ничего съедобного найти не удалось. Одна косточка куриной лапы, валяющаяся около баков, только раззадорила аппетит. Он шел вдоль длинного панельного дома и наткнулся на место кормления голубей. На утоптанном снегу под окном дома валялись мелкие кусочки хлеба, выброшенные из форточки. Гобой с жадностью их собирал и глотал, вмерзшие в снег – выгрызал крепкими зубами. Скоро он сообразил, что под окнами домов можно найти пищу.

Ночью поток машин на улицах города стих и ему удалось пересечь широкую улицу Станиславского. Утром его путь преградила еще незамерзшая Обь. На широком забереге около лунок сидели рыбаки. Гобой обходил их с подветренной стороны, и внюхивался в долетающие до него запахи. Знакомого запаха родного дорогого человека не уловил.

Он вспомнил поездку прошедшей зимой с хозяином на озеро Чаны. Тот, вот так же, как эти рыбаки, сидел около лунки и ловил окуней, а он, молодой и задорный, с радостью носился по льду, подбегал к рыбакам, хватал в зубы трепещущихся окуней и уносил к хозяину. Рыбаки смеялись над его проделками и поощряли утащить рыбу у соседа. При хорошем клеве никто пойманных окуней для собаки не жалел.

За несколько дней характер Гобоя изменился. Он стал бояться людей, остерегался близко подходить и брать пищу из рук. Около одной лунки, обнаружив рассыпанный и примерзший ко льду мормыш, начал его выгрызать. Рыбаки обратили внимание на голодную собаку. Один достал из рюкзака бутерброд, отломил кусок и протянул псу со словами:

– Иди ко мне, возьми, на!

Гобой хорошо знал эти слова, но с места не двинулся, стоял в стороне, приветливо вилял хвостом, втягивал в себя вкусный запах колбасы, но боялся подойти вплотную.

Рыбак бросил ему кусок бутерброда. Проглотив его одним махом, Гобой продолжал вилять хвостом и смотреть в упор на рыбака.

– Хватит, дорогой, хорошего лакомства помаленьку, – сказал рыбак, – я достаточно поделился с тобой.

Его сосед, вытаскивая из лунки ерша, посмотрел на собаку и сказал:

– Мне кажется, это породистая собака.

– Породистые собаки не бродят на улице и не бывают такими тощими.

– Может быть, она заблудилась и потеряла свой дом.

– Хорошая собака всегда найдет свой дом. У моего приятеля Анатолия Летучего собака отстала на станции Совхозной. И что ты думаешь? Через несколько дней она нашла свою квартиру на третьем этаже в доме по улице Ленина, около вокзала. Хозяева собаки горевали все это время, прикололи к дверям магазина на станции объявление о потере собаки. Представь себе, какая у них была радость, когда услышали знакомое царапанье в дверь.

– Она, что бежала по шпалам до города?

– Зачем бежать по шпалам, когда она привыкла ездить с хозяевами на электричке и хорошо знала конечную остановку, где они сходили.

– Не много ли ты заливаешь?

– Если мне не веришь, я могу дать телефон Анатолия. Спроси у него.

Если он тебе байку рассказал, то и мне ее повторит.

– Ты просто неверующий Фома. Может ты не поверишь, что в Тольятти установлен бронзовый памятник собаке за верность?

– Вот это уже интересно, что же собака совершила, чтобы удостоиться такой чести?

– Она ехала с хозяевами в автомашине. В автомобильной аварии хозяйка погибла на месте, а хозяин скончался в больнице, собака выжила и несколько лет до конца своей жизни ждала их на месте аварии автомашины. Люди пытались взять ее к себе, но она всегда убегала к месту аварии. В любую погоду – в дождь и ветер, в снег и мороз она ждала своего хозяина.

Гобой тем временем подошел к кромке припая. Полынья посредине была широкой. В летнее время он бы спокойно переплыл ее, но в холодной воде ему плыть не захотелось. По опыту охоты на берегах Ини он знал, что зимой река замерзает и ее можно перейти.

С этого дня Гобой каждое утро появлялся на льду около рыбаков. Они подкармливали его, пытались поймать, но он не поддавался. Если же он задерживался, они заводили о нем разговор и поглядывали в сторону Горской, откуда он обычно спускался по косогору.

8

Первый звонок о местонахождении Гобоя был из общества охотников и рыбаков. Гончую собаку, похожую на Гобоя, видели из машины в районе улицы Станиславского. Охотник незамедлительно поехал туда, но поиски результата не дали. Зато появилась искра надежды, что собака жива и может найтись.

В декабре позвонил родственник Иван Чернай и сказал, что вчера видел Гобоя у кинотеатра Аврора. Гобой сидел против мангала продавца шашлыка и ожидал,

когда тот бросит ему кусочек мяса. Иван хотел поймать собаку, но она испугалась трости в его руке и убежала во двор квартала.

– Ваня, почему ты не позвонил вчера? Прошло почти двое суток, не будет же собака сидеть на одном месте.

– Извини, пожалуйста, забыл. Вот сегодня вспомнил и позвонил.

Продолжать разговор не было смысла. Охотник поблагодарил за сообщение, быстро оделся, взял охотничий рог и бегом выскочил на улицу.

Запыхавшись, глотнул холодного воздуха и закашлялся. Быстрым шагом направился к автобусной остановке, мороз щипал уши, напоминая, что надо их прикрыть шапкой. Охотник по многолетнему опыту знал, что его уши не реагируют на мороз до двадцати градусов. «Видимо мороз серьезный», – подумал он, погрел уши ладошкой и продолжал бежать к остановке. Стояли короткие дни второй половины декабря, еще не было шести часов вечера, а на улицах давно горело освещение.

В автобусе думал только о Гобое, представлял встречу с ним на улице, как он помчится к нему на зов рога. Казалось, что автобус идет очень медленно, долго стоит на остановках.

Выскочив из автобуса на остановке Горской, помчался к шашлычной. За мангалом стоял упитанный мужчина средних лет в полушубке, поверх которого был одет белый халат со следами множества пятен. Его крупное круглое лицо пылало здоровьем и напоминало цвет вареного рака. Оно покраснело то ли от мороза, то ли от жары мангала, а, может быть, от принятого согревающего напитка.

С тревожным волнением и учащенно бьющимся сердцем охотник подошел к продавцу, поздоровался и произнес:

– Мне сказали, что вчера около вас видели рыжую собаку с черной спиной?

Мужчина оказался разговорчивым, покупателей шашлыка не было, и он с удовольствием пустился в разговор.

– Собака здесь появлялась регулярно несколько дней. Сядет против меня и, молча, смотрит на меня просящими печальными глазами. Я всегда бросал ей косточку или обрезки мяса. В ней нетрудно было узнать гончака. Аккуратные висячие уши, чепрак на спине, широкая грудь, опущенный хвост.

Чем больше мужчина рассказывал о собаке, тем больше волновался охотник, отчетливей в ней узнавал Гобоя. Ему нетерпелось задать еще вопрос, и он перебил словоохотливого собеседника:

– Когда вы видели собаку последний раз?

– Вчера.

– В какую сторону она убежала?

– Она всегда уходила во дворы домов за кинотеатром.

До глубокой ночи ходил охотник по дворам за кинотеатром и трубил в рог. Снег скрипел под ногами, стоял мороз под тридцать градусов, губы примерзали к мундштуку охотничьего рога. Гобой на призыв не появился.

На следующий день чуть свет охотник ходил по дворам за кинотеатром Аврора, чтобы встретиться с владельцами, выгуливающими там собак. Он

показывал каждому фотографию Гобоя и спрашивал, видел ли он эту собаку. Из расспросов сложилась невеселая история.

Бродячую собаку часто видели у помоек. По утрам она ходила вдоль домов и находила около дверей мусоропроводов выброшенные дворниками кости и куски хлеба. Однажды она оказался на территории стаи бродячих собак, ей пришлось выдержать их натиск. Люди наблюдали такую картину: стая окружила Гобоя. Возглавлял стаю крупный «дворянин» ростом с овчарку. От дворняжки ему достались висячие уши и длинная шерсть, от овчарки – рост. Стая окружила Гобоя и злобно лаяла на разные голоса, пытаясь укусить незваного гостя, вторгшегося на их территорию. Он стоял, молча и гордо, ощетинив шерсть на загривке и оскалив белые зубы. Вожак стаи ждал, когда на Гобоя набросится мелюзга, чтобы потом напасть на противника. Стоило только любой собаке сделать выпад на гончака, он поворачивал в ее сторону голову и показывал длинные крепкие клыки. Противник тут же отступал. Гобой ожидал удобного момента, когда можно будет вцепиться в вожака. И вот такой момент настал. Вожак решил перейти на новое место и повернулся боком. Молниеносным прыжком Гобой оказался около него и вцепился в горло. Охотничьи собаки не кусают зверя куда попало, они берут его за горло. Вожак хрипел, извивался телом и бился ногами. Ни одна из собак стаи не осмелилась броситься на выручку своему предводителю. Когда противник обмяк и перестал сопротивляться, Гобой разжал челюсти. От его разъяренного вида стая разбежалась. После поражения вожака, с Гобоем никто не решился вступить в поединок. Придя в себя, вожак поднялся и, пошатываясь, с поджатым хвостом удалился с поля схватки.

У Гобоя уже был опыт драки с крупной собакой. Соседи по даче его хозяина держали крупного беспородного кобеля – смесь дворняжки с овчаркой. Он невзлюбил Гобоя, появившегося на даче щенком. Привязанный длинной веревкой к дереву, Джек постоянно прыгал передними лапами на невысокий забор, и «поливал» щенка своей руганью. Шли годы, Гобой повзрослел и стал отвечать на его выпады. Собаки часто вступали в драку через забор. Сосед Гена поощрял своего питомца, а однажды снял с него ошейник. Джек мигом перескочил через забор к Гобою и завязал с ним драку. Собаки, терзая друг друга, крутились волчком по двору дачи. На злобный лай выскочил хозяин Гобоя, и прибежала соседка Галя. Им с трудом удалось растащить собак. У Гобоя вся голова была в крови. Хозяин обмыл его голову водой, чтобы смазать раны йодом. К его удивлению, у собаки не было даже царапины. Кровь на шерсти была от Джека. С тех пор Джек никогда не лаял на Гобоя.

Владелец ротвейлера, выгуливающий свою собаку на поводке, посоветовал охотнику обратиться в тридцать пятую квартиру соседнего дома:

– Там проживает женщина, которая подобрала вашу собаку и выгуливала ее вместе со мной.

Подошедший мужчина со спаниелем, услышав разговор о потерянной собаке, сказал:

– Мне тоже приходилось неоднократно видеть вашу собаку.

Охотник незамедлительно отправился по указанному адресу. Поднимаясь по лестнице, просил Бога: «Господи, помоги мне найти Гобоя».

Ему открыла дверь немолодая женщина пенсионного возраста с приятным лицом и умными глазами. Она узнала по фотографии собаку, которую подобрала в холод на улице.

– Где сейчас собака?

– Она от меня убежала, – с сожалением ответила хозяйка квартиры.

У охотника потемнело в глазах, пол стал уходить из-под его ног, он прислонился к стене коридора. Еще одна надежда найти друга рухнула.

– Что с вами? – спросила женщина.

– Ничего страшного, сейчас пройдет, расскажите мне подробно о собаке?

– Я постоянно кормлю около дома голубей крупой и остатками черствого хлеба, надо же их поддержать зимой, чтобы благополучно дожили до весны. С некоторых пор обратила внимание на красивую рыжую собаку с черной спиной. Бросала ей кусочки хлеба, она с жадностью их хватала, затем стала приносить остатки своей еды. Между мной и собакой установилось доверие, через несколько дней я взяла ее на поводок и привела в свою квартиру. Собака оказалась понятливой и послушной, лежала только на коврике в коридоре. Два раза в день я выгуливала ее на поводке. Познакомилась с другими владельцами собак. Через неделю решила, что собака ко мне привыкла и спустила ее с поводка побегать с другими собаками. За это время Гобой отъелся, не стало заметно его худобы, шерсть лоснилась в лучах зимнего солнца. Оказавшись на свободе, он, не разбирая дороги, помчался по снегу от меня. Я была удивлена и обескуражена, посчитала его неблагодарным предателем.

– Не судите его строго, – с грустью произнес охотник, – он побежал искать своего хозяина.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

Прощаясь, сердобольная женщина протянула охотнику ошейник и поводок со словами:

– Это я купила специально для вашей собаки, возьмите, если найдете его – это ему будет подарок от меня.

– Спасибо. Если я найду его, мы с ним обязательно вас навестим, и вы сами ему вручите подарок.

Охотнику понравилась спокойная, доброжелательная и отзывчивая на чужое горе женщина. Спускаясь по лестнице с третьего этажа ее дома, он думал, что есть еще люди, любящие животных и готовые им помочь в трудный момент. Ему вспомнились слова Дурова о медальоне на ошейнике собаки. «Если бы на Гобое был медальон, – с сожалением и горечью думал он, – эта женщина обязательно бы позвонила мне».

9

Зима постепенно сдавала свои права наступающей весне. Дни становились длиннее, солнце светило ярче, юго-западный ветер приносил влагу с запахом приближающейся весны. Обь, закованная в ледяной панцирь, ждала подъема воды, чтобы сбросить с себя зимнюю одежду. На ее фарватере всю зиму

оставалась полоса незамерзшей воды. Она черной лентой разъединяла широкие ледяные поля у берегов реки. Лед у левого берега был усыпан рыбаками, как муравейник муравьями. Они вылезли из палаток, целлофановых мешков и бродили от лунки к лунке с удочками в поисках места хорошего клева.

Гобой медленно шел по льду, принюхиваясь к запахам исходящим от рыбаков, отыскивая тех, которые его подкармливали. Почуяв знакомый запах, остановился на почтительном расстоянии от рыбака в полушубке. Рыбак повернул к нему голову и произнес:

– Привет, дорогой, что-то ты долго не появлялся. Подожди немного, я дам тебе кусок хлеба.

В этот день ветер сменился на северо-восточный. Гобой стоял и втягивал в себя воздух с разными запахами. В потоке всевозможных запахов он уловил отвратительный, но очень знакомый запах Новосибирского жирового комбината. Он вспомнил, что рядом с источником этого запаха находится дом его хозяина. Неудержимая сила повлекла его на этот запах. Не дожидаясь обещанного куска хлеба, помчался по льду. Около полыньи остановился, еще раз убедился, с какого направления ветер приносит резкий запах, скатился со льда в воду и поплыл навстречу своей судьбе.

Фагот

Несколько месяцев охотник тосковал по Гобою. Ночами плохо спал, проснувшись, думал только о нем. Наконец понял, что сердечную боль и душевные муки можно заглушить приобретением щенка, которому посвятит все свободное время. Позвонил в Алтайский край известному заводчику гончих Филягину, узнал, когда у его собаки будут щенки, дождался нужного срока, поехал в село Тальменку и приобрел младшего брата Гобоя, которого назвал Фаготом.

Гончим собакам издавна дают клички, связанные с музыкальными инструментами, нотами и музыкой. Дворяне, которые, в основном, держали гончих собак, не хотели в своем лексиконе употреблять простонародные слова – кобель, сука, и до наших дней за гончими собаками прочно закрепилось название – выжлец и выжловка.

Хозяин постоянно баловал Фагота, часто брал на руки, прижимал к себе и ходил с ним по квартире, стараясь заглушить в себе боль и воспоминания о Гобое, садился вместе с ним на диван, несмотря на протесты жены, разрешал ему лежать на диване. Щенок быстро понял, что на диване спать лучше, чем на коврике. Каждое утро жена, увидев Фагота на диване, протестовала, но со временем смирилась, и диван превратился в лежанку для собаки. Щенок вырос избалованной собакой, считал себя вожаком стаи в квартире и командовал хозяевами. Он не ждал и не просил чего-нибудь, а требовал. Четырехкомнатная квартира была в его полном распоряжении, кроме кухни. Хозяйка отучила его

заходить в кухню, брызнув на его голову несколько раз водой, когда собака пыталась зайти на вкусные запахи, разносящиеся с кухни по квартире.

Фагот до безумия любил булочки, которые часто стряпала хозяйка. В таких случаях он подходил к двери кухни, садился в коридоре и не спускал глаз с хозяйки, пока пеклись булочки. Сердце строгой хозяйки растаивало как лед в жаркий день, и собака первой получала булочку.

Фагот любил лежать у ног хозяина под столом, когда тот сидел и что-то писал. Стоило хозяину сесть на диван, он мгновенно оказывался рядом и подставлял голову, чтобы тот его гладил.

Весной Фагота вывезли на дачу, которая находилась рядом с железной дорогой. Постоянный шум электричек неприятно действовал на тонкий слух собаки и мешал спать. Первое время, услышав шум приближающегося поезда, он бежал к ногам хозяина.

Лето в тот год выдалось жарким. Хозяин со щенком по несколько раз в день ходили купаться на реку Иню. Фагот быстро научился плавать, полюбил воду, с удовольствием приносил брошенную недалеко от берега палку.

Недалеко от дачного участка находился полигон для нагона гончих собак. Почти каждый день хозяин выводил своего питомца в лес. Оказавшись впервые в лесу, Фагот с удивлением и интересом смотрел на высокие деревья, кудрявые кустарники, густую траву. После городской квартиры для него все было ново, настораживало и даже пугало. Первые дни он боялся потерять хозяина и ходил рядом с ним по дороге. Затем стал отходить на небольшое расстояние, держа хозяина в поле зрения. Он нюхал цветы, гонялся за бабочками. Щенок рос любопытным и жизнерадостным.

Когда собака привыкла к лесу, хозяин находил место, где водились зайцы, усаживался на пенек или поваленное дерево и предоставлял ей свободу. С каждым днем Фагот отходил в лес дальше и дальше от хозяина, периодически возвращаясь и проверяя, не ушел ли он с места, на котором остался. Щенок внюхивался в запахи леса. Его чутье улавливало запахи прелых листьев, первых весенних грибов сморчков, следов выводка тетеревов, но он искал какой-то другой запах, какой еще не знал и сам.

Однажды, пробираясь между березовым колком и зарослями черноплодной рябины, Фагот увидел выскочившего зайца. Необыкновенный, приятный запах пронзил его обоняние, и он бросился в погоню с лаем. Этот запах навсегда запечатлелся в его мозгу. Врожденный инстинкт охотничьей собаки заставил его бежать за зайцем пока не выбился из сил. С этого дня он знал, с каким запахом след ему надо искать.

К осени Фагот не боялся уходить далеко в лес. Иногда, преследуя зайца или лису, убегал за много километров в незнакомые места. В таких случаях он не утруждал себя искать хозяина, а приходил на дачу раньше него, ориентируясь по шуму электричек.

Сезон охоты открылся в октябре. Стояли последние теплые осенние дни. Охотники-гончатники с нетерпением ждут этой поры, чтобы проверить работу своих питомцев по чернотропу до наступления снежного покрова.

Алексей Иванович Дуров предложил поехать на открытие охоты за деревню Каменку. Собирая в этом году в своих излюбленных местах грибы, он видел, как его собака неоднократно выгоняла зайцев.

– Зачем ехать за тридевять земель и жечь лишнее топливо, – резонно заметил он, – собаки натешатся и здесь, а мы, если повезет, добудем зайца.

В потемках они выехали из города, проехали деревню Каменку, в свете фар промелькнули каменные коттеджи, и машина выехала в поле. Дуров хорошо знал местность, приятель только успевал по его команде поворачивать то влево, то вправо по проселочным дорогам. К рассвету они спустились в широкую долину между высоких холмов, по которой протекал ручей.

– Здесь мы оставим машину, – сказал Дуров, – на десяток километров вокруг нас нет жилья. Сюда редко кто заезжает. Слева – деревня Витаминка, справа – Гусиный Брод, впереди – Жеребцово.

– До Жеребцово далеко? – поинтересовался приятель.

– По прямой линии километров десять, но прямо летает только ворона и то дома не ночует, – ответил Дуров.

Приятель много раз слышал эту поговорку и не придал словам Алексея Ивановича значения. Вскоре ему придется их вспомнить не один раз.

– Впереди виднеется озерцо, караси в нем, случайно, не водятся? – вновь спросил Дурова приятель, который впервые был в этих местах.

– Вряд ли, это запруда на ручье, когда-то в ней поили скот. С началом перестройки скот уничтожили, поля забросили, все вокруг заросло травой и березами.

Вдоль ручья метрах в трехстах от них протянулся осиновый колок с подлеском. За ручьем раскинулся крутой косогор, на вершине которого рос березняк.

– Наверное, надо начать охоту с обследования колка, – предложил Дурову приятель, показывая рукой в сторону ручья.

– Собаки лучше знают, где им искать зайца, – ответил Дуров, - выпускай их из машины.

Флейта и Фагот, опустив носы почти вплотную к земле, сделали несколько кругов по полю и, не сговариваясь, помчались к осиновому колку. Охотники последовали за ними. Когда собаки вбежали в колок, с противоположной его стороны как угорелый выскочил заяц. Перемахнув неширокий ручей, буквально полетел по косогору. Его лапы работали с такой скоростью, что казалось, он летит с вытянутыми вперед задними лапами. На фоне пожелтевшей травы его шерсть отливала чернотой, словно вымазанная сажей. Выскочившие из колка собаки понеслись с лаем по его следу. Заяц в это время уже был за косогором.

Охотники постояли около колка в надежде, что заяц скоро вернется к месту лежки, но он не торопился возвращаться. Не дождавшись косого, форсировали ручей по разрушающейся дамбе и стали подниматься по косогору. Ноги скользили по полегшей траве, покрытой росой. Приходилось падать на колени и хвататься руками за длинную густую траву, чтобы не скатиться вниз.

С высокого холма, протянувшегося далеко на север, перед ними предстала панорама холмистой местности, тянувшаяся на несколько километров на восток. Внизу, меж холмами, раскинулась широкая пойма ручья, заросшая лесом и

кустарником. Среди деревьев с облетевшими листьями, как новогодние елки с украшениями, стояли высокие рябины, сияя красными ягодами в лучах восходящего солнца. Берега ручья украшали грозди ягод калины, кусты которой разбежались среди зарослей тальника и ольхи. Солнце из-за холмов поднималось по чистому голубому небосводу, предвещая хороший осенний день без осадков.

– Они стояли, вслушиваясь в тишину наступившего утра, пытаясь уловить голоса собак, и любовались прелестями осени. Собак не было слышно.

Куда же они ушли? – удивился напарник Дурова.

– Наверное, в следующий лог, – ответил тот.

– В какую сторону нам идти их искать? – вновь произнес приятель.

– Давай-ка, спустимся в лог, пройдем вдоль ручья. Место привлекательное для косачей и рябчиков. Пока идем до следующего лога, может, и собаки вернутся или услышим их со следующего перевала.

В логу никакой пернатой дичи им встретить не удалось, зато у воды на илистом грунте увидели четкие отпечатки копыт косуль. Это их очень обеспокоило.

– Не дай Бог, чтобы собаки увязались за козами, – с тревогой произнес Дуров.

Настроение у них вмиг испортилось. Они смотрел на аккуратные отпечатки раздвоенных копыт косуль и каждый думал о своем. Приятель Дурова думал: «Почему козы оказались вблизи города, разве мало глухих мест вдали от населенных пунктов?». Разные мысли, как пчелы роились в его мозгу и жалили душу. «Неужели при первом выезде на охоту с Фаготом, я потеряю его», - мелькнула мысль и обожгла как крапивой.

Словно подслушав его мысли, высказал свои думы Алексей Иванович:

– Беда всех гончатников в том, что собаки часто увязываются за козами или лосями, уходят очень далеко в незнакомую местность и там теряются. Надо возвращаться к машине, может быть, собаки уже там.

Обратный путь оказался труднее. Известно, что мысли не имеют веса, но они тяжелым грузом давили на плечи, ноги спотыкались о кочки. Склон, по которому они поднимались на холм, зарос ежевикой. Ее длинные ползучие плети переплелись между собой, ноги постоянно цеплялись за них. Высвободиться от их крепких объятий можно было только движением ноги назад.

Поднявшись на вершину холма, они с надеждой осматривали местность, которую покинули несколько часов назад. С высоты прекрасно была видна запруда, на которой плавал табунок уток. За ней – колок, из которого собаки выгнали зайца, дальше – заброшенное поле, за которым, у подножья холма, блестела на солнце их машина. Собак не было видно. Охотников не радовали теплый осенний день, яркое солнце, неповторимые прелести осенней сибирской природы. Все мысли были о пропавших собаках.

Ближе к вечеру на поле из-за ручья показалась Флейта. Она медленно приблизилась к охотникам, безвольно опустив вниз хвост. Алексей Иванович, обрадовавшись встрече, встал перед ней на колени и обнял за шею. Затем прижал ее уши к голове и приблизил свое лицо к ее носу. Приятель подумал, что он хочет поцеловать в нос собаку, но он, глядя в ее глаза, произнес:

– Молодец, что вернулась, нам козы не нужны, у нас нет лицензии на их добычу.

Флейта, в знак согласия с ним, медленно повиляла хвостом.

Чужая радость усиливала беспокойство приятеля. Он взял рог и сказал Дурову:

– Пойду искать Фагота.

– Куда ты идешь, глядя на ночь? Надо его ждать у машины.

– Ты оставайся у машины. Если придет, подай мне сигнал гудком машины, а я не могу спокойно бездействовать.

– В какую сторону пойдешь?

– По направлению, откуда вернулась Флейта.

Продвигаясь по склону лога, в котором они видели следы коз, он размышлял: «Не могли козы уйти далеко из этой местности. Справа по Гусинобродскому тракту сплошным потоком идут автомашины, впереди проходит железная дорога через Жеребцово на Сокур, слева – Транссибирская железнодорожная магистраль. Зачем козам пересекать эти дороги? Если на десяток километров вокруг множество логов с густыми зарослями кустарников, в которых можно запутать следы и уйти от собак».

Выбравшись из лога, он остановился, чтобы перевести дух и осмотреться. Перед ним оказалась холмистая местность, заросшая редким березовым лесом. Уже давно стемнело, на небе зажглись звезды, яркий диск луны заливал бледным отраженным светом окружающее пространство. Немного постояв, подал сигнал рогом и прислушался. В ночной тиши далеко впереди раздался слабый гудок электропоезда.

С тупым упрямством он продолжал идти вперед по встретившейся на его пути дороге и подавать сигналы в рог. Хотя с каждым шагом понимал, что Фагота ему не найти и пора возвращаться к машине. Дорога вывела его на открытую местность. Впереди широкой полосой горели огни в окнах домов поселка. Дальше идти не было смысла, подал сигнал в рог, в ответ на который раздался лай деревенских собак.

Возвращался с надеждой, что Фагот уже у машины ожидает его. Дорога виляла по вершинам холмов, спускалась в лога и опять поднималась на их вершины. При каждом повороте он поднимал голову к звездам, отыскивал созвездие Большой Медведицы, находил Полярную звезду и сверял направление своего маршрута. Его генеральный курс должен лежать на запад. Часа через два дорога пересекла ручей. «Возможно это тот ручей, в долине которого стоит моя машина, надо крикнуть, чтобы отозвался Дуров, – подумал он и крикнул во все горло, – эге- ге - ге-е-е». Отзыв ге- ге-е -е пришел не из долины ручья, а откуда-то из дали по направлению его движения. Несколько раз крикнув, определил направление, где отзывался Алексей Иванович. «Значит, еще не дошел», – решил он и направился по направлению отзыва напрямую. Часа через два, преодолев очередной лог, перед ним открылось свободное от леса пространство, а вдали сияли огни большого города, разливаясь по горизонту на многие километры. Это был Новосибирск. Правее виднелись огни деревни Каменки. Остановившись, он стоял как вкопанный. Впервые почувствовал усталость, до его сознания медленно дошло – его манило к себе эхо.

Обессиленный не усталостью, а своей оплошностью, уселся на пень и стал прикидывать: сколько же километров он отмахал, пройдя до Жеребцово и вернувшись почти к Каменке.

На небе меркли звезды, на востоке появилась серая полоса, которая постепенно окрасилась в желто-золотой цвет, а затем запылала заревом. Солнце выглянуло из-за чистого горизонта без единой тучки, предвещая хороший солнечный осенний день.

Ему доводилось много раз встречать восход солнца. Каждый раз это природное явление было хорошо по-своему. Оно извещало о рождении нового дня и предсказывало погоду на грядущий день.

Осмотревшись по сторонам, он узнал единственную длинную лесополосу из посаженных тополей, тянувшуюся среди полей. Вдоль этой лесополосы пролегала вчера их дорога на охоту.

Через час он уже подходил к своей машине с надеждой увидеть Фагота. Заглянув через стекло в машину, увидел спящего Алексея Ивановича в обнимку с Флейтой, которая завиляла хвостом, приветствуя его возвращение. Настроение охотника окончательно испортилось, стукнув громко по дверце автомашины, произнес:

– Подъем! «Вставай» приехал!

Дуров проснулся, вылез из машины, надевая на ходу фуфайку, которой укрывался в машине. Вслед за ним выскочила Флейта.

– Где ты был столько времени?

– Почему ты не подавал сигналы, чтобы я мог выйти к машине?

– Я до двух часов ночи кричал и сигналил. Затем решил, что ты переночуешь у костра и прилег отдохнуть.

Приятелю пришлось кратко рассказать Дурову о своих ночных злоключениях.

– Что думаешь дальше делать? – озабоченно спросил Дуров.

– Надо ехать домой, У Фагота на ошейнике медальон, может кто-нибудь позвонит.

Домочадцы охотника расстроились, узнав о потере Фагота. Их постоянные вопросы его раздражали и сильнее ранили душу. Все воскресенье прошло в ожидании звонка. На любой телефонный звонок он с волнением и надеждой бросался первым поднимать телефонную трубку. Каждый раз его ждало разочарование, усиливая душевную боль. Звонили друзья и знакомые жене. На звонок, раздавшийся поздно вечером, подошел к телефону без всякой надежды услышать сведения о Фаготе. В трубке раздался приятный женский голос:

– Вы теряли собаку?

От неожиданной радости он лишился дара речи.

– Почему вы молчите? – мягко и спокойно звучал ее голос.

– Да, да, терял! – закричал он в трубку, – где вы ее видели ?

– Она у сторожа в дачном кооперативе «Смородинка» у станции Жеребцово, - ответила женщина и повесила трубку.

Радость обуяла его. Чтобы унять волнение, стал ходить по комнате из угла в угол.

– Что случилось? Что тебе сказали? – сыпала ему вопросы жена.

– Фагот нашелся, надо за ним ехать.

– Куда ты поедешь, глядя на ночь? Дождись утра, - резонно заметила она.

Через некоторое время в квартире раздался очередной звонок телефона. Его он уже не интересовал, трубку сняла жена.

– Это тебя, – произнесла она и протянула трубку.

– Вы теряли собаку? – спросил мужчина хриплым голосом.

– Да терял, я уже знаю, что она у сторожа дачного кооператива.

– Я сосед сторожа, он сказал, что без бутылки не отдаст собаку.

– Нет проблем, завтра утром буду у него.

– Удачи вам, всего доброго, – сказал мужчина и повесил трубку.

Ночью охотник спал плохо, тревожно и радостно было на душе, думал о встрече с Фаготом. Проснулся рано, дождался открытия магазинов, купил две бутылки водки, палку колбасы, булку хлеба и поспешил на вокзал.

Электричка прошла через центр города, за окном промелькнул собор Александра Невского, Красный проспект, стрелой вытянувшийся на север. Проехав по железнодорожному мосту через реку Иню, электричка свернула влево по магистрали в сторону станции Инская, от которой вновь свернула влево по железнодорожной ветке на Сокур. В этом направлении на электричке он ехал впервые, поэтому внимательно разглядывал окружающую местность. За окном мелькали пейзажи сибирской осени. По склонам невысоких холмов, как девчата при сборе грибов, разбрелись березки, сияя белизной стволов в лучах утреннего солнца, на сенокосных участках, среди березового леса, стояли стога, дожидаясь снежного покрова, по которому покинут родные поляны. В логах тальники и ивы справляли траур по ушедшему лету, сбросив листья, они оказались в темном наряде. «Какие прекрасные места, – подумал он, – побродить бы по ним с собакой». Его размышления прервал голос диктора, объявившего по трансляции: «Остановка поезда – Жеребцово».

Несколько пассажиров направились к двери вагона, он последовал за ними. Оказавшись на перроне, осмотрелся. В понедельник дачников было мало, все направились по тропе, ведущей к косогору, заросшему редкими кривыми березами, которыми побрезговали местные жители при заготовке дров. Догнав пожилую женщину с коляской, спросил:

– Скажите, пожалуйста, по этой дороге в дачный кооператив «Смородинка» попасть можно?

– Можно, можно, – ответила женщина, – здесь одна дорога идет вдоль всех дачных участков.

Убедившись в правильности маршрута к нужному кооперативу, увеличил скорость и стал обгонять дачников одного за другим. Ему не терпелось скорее встретиться с Фаготом.

Кооператив казался вымершим: дачный сезон давно закончен, овощи собраны и вывезены. Он шел по пустынной улице и думал, где разыскать сторожа, у кого спросить. В одном дворе заметил женщину с граблями в руках. Обрадовавшись, направился к ней чуть ли не бегом.

– Будьте любезны, скажите, как мне найти сторожа? – запыхавшись, обратился он к ней.

Она оперлась на грабли и задумалась. После длинной паузы произнесла:

– У нашего сторожа две дачи, одна находится в дальнем конце кооператива, вторую он строит здесь, недалеко. В первой даче он только ночует, день проводит на стройке. Скорее всего, он уже на строящейся даче.

Ему надоела словоохотливая дачница, ей, видимо, наскучило одиночество, и она была рада поговорить с незнакомым человеком. Она хотела еще что-то ему поведать, но он опередил ее:

– Как мне найти сторожа?

Поняв, что мужчина не расположен к разговору, сказала:

– Пройдете по улице до переулка, по нему свернете к лесу, последняя дача без крыши – его.

– Спасибо – поблагодарил он женщину и отправился разыскивать дачу сторожа.

Дом без крыши увидел издали. По двору шел мужчина в старенькой фуфайке и вязаной шапочке с махорчиком. Среднего роста, поджарый, с худощавым лицом он казался молодым стариком неопределенного возраста. В руке держал топор и разглядывал разбросанные по двору доски. Подойдя к ограде, охотник окликнул его:

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, вы – сторож дачного кооператива?

Услышав голос хозяина, из-под листа шифера, прислоненного к забору в конце участка, выскочил Фагот. Веревка, которой он был привязан к забору, отбросила его назад. Он жалобно скулил и вилял хвостом.

– Узнал хозяина, – произнес мужчина, – но без «калыма» я вам его не отдам.

– Будет вам «калым», – произнес охотник и пошел к собаке.

Фагот виновато вилял хвостом и извивался около его ног, чувствуя свою вину. Охотник не стал его ласкать, а достал из сумки суповую мясистую кость, которую взял из холодильника, и протянул ему.

Затем они со сторожем удобно уселись на березовые чурки около пня, на который охотник выставил водку, колбасу и хлеб. Сторож сходил в дом, принес стаканы и литровую банку соленых огурцов. Он предусмотрительно одну бутылку водки спрятал под кучу досок, лежащих рядом, деловито распечатал вторую, уже чувствуя себя хозяином «калыма», и, налив немного в стаканы, спросил:

– За что первый тост пить будем?

– За здоровье людей, которые подобрали и приютили мою собаку.

– Можно за это выпить.

Они чокнулись гранеными стаканами, выпили и закусили хрустящими огурчиками и колбасой.

– Расскажите мне, кто и как нашел Фагота?

– Еще рано рассказывать, не во время выпитая вторая рюмка – это загубленная первая.

Он плеснул в стаканы по глотку водки и предложил:

– Теперь давай выпьем за твои охотничьи успехи, чтобы больше не терял собаку.

– За это готов выпить больше, чем ты налил.

– Куда нам торопиться, день только начался, успеешь уехать в свой город.

Охотник понял, что сторож привык пить меленькими дозами, растягивая удовольствие, и смирился со своей участью. Только после тоста: «Бог любит троицу», сторож начал повествование:

– Поздно вечером ваша собака бегала по улице кооператива, расположенной вдоль железной дороги. Она вела себя беспокойно, обнюхивала каждого человека. Ольга Павловна заговорила с ней:

– Ты, наверное, заблудилась?

Собака завиляла хвостом.

– Кушать хочешь?

Она сильнее завиляла хвостом и облизала губы.

– Неужели ты понимаешь речь, пойдем ко мне, я тебя покормлю, – сказала Ольга Павловна и открыла калитку.

Собака последовала за ней на участок. Сердобольная женщина вынесла на крыльцо кусок хлеба и остатки своей пищи, оставив дверь открытой. Она рассмотрела медальон на ошейнике собаки с номером телефона ее владельца. У нас в кооперативе телефона нет, и она решила попросить дачников, отъезжающих в воскресенье в город, позвонить хозяину собаки. Утолив голод, собака зашла в дом, запрыгнула на диван и, свернувшись клубком, быстро уснула. На этом диване обычно спала Ольга Павловна. Она боялась разбудить и прогнать собаку, уселась в кресло и провела в нем всю ночь. Утром прибежала ко мне и попросила помощи. Я привязал к ошейнику собаки веревку и привел к себе на участок. Около нее поставил лист шифера и бросил разного тряпья. Чтобы теплее было спать.

– Спасибо вам, давайте выпьем за ваше здоровье, – предложил охотник, - не часто встречаешь людей, проявляющих заботу о животных.

Не успели они закусить после выпитой очередной порции, как через калитку, словно мяч, вкатилась жена сторожа. В противоположность мужу она имела чрезвычайно полную фигуру, с круглым бесформенным лицом и злыми глазами. Взглянув только на пень, она моментально оценила обстановку и неприятным грубым голосом изрекла:

– Опять привел алкаша! Когда это прекратится? Грядки не копаны!

Затем мельком посмотрев на охотника, продолжила изливать свою желчь:

– Немедленно убирайся, чтобы я больше не видела тебя!

Удивленный такой встречей, охотник попытался объяснить ей цель своего визита, но она перебила его:

– Не нужны мне твои объяснения, ходят тут разные. . .

Сторож молчал, не смея перечить супруге. На вопросительный взгляд охотника развел руками и пожал плечами.

Охотнику ничего не оставалось делать, как пойти к Фаготу, взять его на поводок и на прощание кивнуть сторожу.

Настроение, испорченное женой сторожа, быстро улетучилось вместе со всеми переживаниями из-за потери собаки. Фагот шел рядом, постоянно заглядывал в глаза хозяина и радостно вилял хвостом. Им было хорошо вместе. Выжлецу хотелось, чтобы хозяин погладил его. Охотнику тоже этого хотелось, но он

сдерживал свои желания, чтобы Фагот понял, что за такой проступок не гладят по голове.

Белые стволы берез, росших вдоль дороги, сияли в лучах осеннего солнца, разделяя с ними радостное настроение.

Приключения Фагота на этом не закончились. На следующий год хозяин охотился с ним по первому морозу в Колыванском районе. Пушистый снег прикрыл тонким слоем землю и первый лед на озерах и болотах. В одном из колков Фагот поднял лису. Хитрая плутовка перебегала из колка в колок, при этом успевала в каждом сделать петлю, чтобы задержать собаку. В конце концов, привела собаку к небольшому озеру, по периметру которого раскинулись трудно проходимые заросли тальника. Она спокойно ходила по кустам вокруг озера, а собака с трудом продиралась через густые кусты за ней. Охотник несколько раз видел лису, мелькающую среди кустов, но густые заросли не позволяли сделать выстрел.

Неожиданно охотник услышал вместо яркого гонного голоса Фагота, жалобный вой, призывающий на помощь. Его сердце наполнилось тревогой, он поспешил через кусты на помощь. Тонкий лед между кочек проламывался под его весом, унты быстро промокли. Жалобный вой друга придавал силы и гнал вперед. Когда он добрался до кромки озера, то увидел Фагота, барахтающегося в полынье, в десяти метрах от берега. Выбиваясь из сил, он пытался грудью сломать лед, отделяющий его от берега. Под его ногами не было опоры, чтобы забраться на лед и сломать его собственным весом. За полыньей уходила цепочка лисьих следов на противоположный берег озера. Лед выдержал лису, но проломился под весом собаки, преследующей ее.

Не раздумывая, охотник, бросив ружье на землю, поспешил к Фаготу, проломив лед у берега ногами. Дальше шел, ломая лед ударами кулака. Вода была выше пояса, когда он добрался до тонущей собаки. Схватил Фагота за загривок и вытащил на берег. Холодная вода ручьем стекала с обоих. Фагот отряхнулся, обдав хозяина брызгами. Охотник сел на снег, снял унты и вылил из них воду. Выжав воду из носков, обулся и поспешил к машине, до которой идти было километра два. Фагот первым прибежал к машине. Он понимал, что охота в этот день закончилась.

Включив двигатель машины и вентилятор обогрева салона, охотник подождал, когда воздух в машине нагреется. Затем разделся и выжал мокрую одежду.

Холодная «водная процедура» не повлияла на здоровье обоих и не охладила пыл к охоте. Через неделю они поехали в лес.

Этот случай повлиял на поведение Фагота. Летом, во время купания на реке, он не давал хозяину возможности заплыть далеко от берега. Моментально подплывал, хватал за руку и тащил на берег. Хозяин стал оставлять Фагота на даче, когда ходил купаться.

Как-то приехала на дачу внучка Катя, и они отправились на Иню. Фагот не дал ей купаться даже у берега. Стоило только Кате зайти в воду, он бросался к ней и за руку выводил на берег.

Тунгус

Северное солнце выглянуло из-за холма и покатилось по чистому весеннему небу. Оно поднималось все выше и выше по небосводу. В его лучах заиндевевшие за ночь вершины сосен и елей заиграли ослепительными блесками. Потеплел воздух. Постепенно стал отмякать наст – корка замерзшего снега, которую местные охотники называют чилимом. На его поверхности множество ледяных иголок и острых пластинок. В дыхании природы, в гомоне птиц чувствовался перелом в погоде. Зима больше не заиграет метелями, не ударит сильными морозами.

Тунгус бежал по следу лося, подушки его лап, изрезанные чилимом, кровоточили, оставляли кровяные следы на снегу. Пытаясь приглушить жажду и тяжелое дыхание, он на бегу лизнул наст. Вместо облегчения почувствовал порезы на языке.

Солнце пригревало сильнее и сильнее, чилим слабел. Вот он проломился под копытами сохатого, и зверь завалился тяжелой тушей в снег, оставив в нем вмятину. Лось пружинисто вскочил на ноги и вмиг оказался на насте. Теперь его прыжки стали короче, копыта часто пробивали замерзшую корку снега, и ноги безжалостно резала его кромка.

Настал решительный момент. Наст уже не держит зверя, но еще держит собаку. Тунгус из последних сил устремился вперед. Он должен догнать лося и задержать до подхода охотников. Его дыхание было частым, язык вывалился из пасти, живот подвело, под кожей можно было пересчитать ребра. Последние дни хозяин кормил его несколькими ложками каши вместо мяса, к которому он привык во время охоты.

Солнце подбиралось к полудню, отогрело наст, и он стал проваливаться под собакой. Тунгус потерял скорость бега, лапы, до костей изрезанная настом, кровоточили. Наконец он выбился из сил, ноги отказали служить, и он безвольно опустился на снег. Немного отдохнув, стал зализывать окровавленные раны.

За этим занятием его застали подошедшие охотники. Он посмотрел на хозяина виноватым взглядом и безвольно вильнул один раз хвостом, попытался подняться на лапы, но силы покинули его, и он рухнул на снег.

Охотники понуро стояли около собаки. Они понимали, что рухнула последняя попытка добыть пищу.

– Что будем делать? – спросил Осип у хозяина Тунгуса – Павла.

– Надо выбираться из тайги, пока сами не свалились с ног как Тунгус.

– Я не о том. Что будем делать с собакой? Ему не дойти до избушки, не то что до села. Корма у нас нет, чтобы ему оставить. Будет мучиться и умрет от голода.

– Что ты предлагаешь?

– Может помочь ему, чтобы не мучился.

Павел догадался, о чем ведет речь Осип, но решил уточнить:

– Что советуешь?

– Надо пристрелить. Он уже не работник и не жилец.

– У меня не поднимется рука, и тебе не разрешу, – с возмущением ответил Павел. – Восемь лет Тунгус мне верно служит, всегда был товарищем на охоте. И вот теперь ты предлагаешь его так отблагодарить? Пойдем к избушке.

Путь оказался нелегким. Лыжи проваливались в размякший снег, лыжню приходилось мять, проваливаясь почти по колено в снег. Голодные люди изнемогали от усталости, но опыт и упорство заставляли идти вперед. Они знали, что с каждым шагом сокращается расстояние до избушки. Добравшись до тенистого сосново-кедрового массива, вздохнули с облегчением. Здесь наст держал человека на лыжах, но стоило выйти на открытый от тени участок, как лыжи проваливались и охотник оказывался по пояс в снегу. Приходилось снимать лыжи, вытаскивать их из снега и укладывать перед собой, чтобы опираясь на них, выбраться из снежной ямы, стать на колени, а затем осторожно встать на ноги.

Нелегок труд охотника-промысловика. Удача – фарт зависит от погоды и многих других факторов. Зима в тот год была многоснежной. С мутного неба часто сыпал снег. Лоси и олени откочевали с их участка, пушные зверьки отсиживались в своих убежищах. После каждой метели приходилось откапывать капканы и ловушки. За весь сезон им не удалось добыть ни одного копытного зверя. Довольствовались редко встречавшимися глухарями.

Когда солнце покатилось к закату, охотники поднялись на вершину холма, с которого их взору открывалась долина. Где-то там, на берегу ручья, стоит их маленькая добротная избушка, рубленная из бруса. Брус доставляли вертолетом. В те времена охотничий промысел давал хорошую прибыль. Охотников завозили и вывозили с промысловых участков вертолетами. Павел около десяти лет промышлял на этом участке. Каждый год вертушка прилетала за ним в назначенное время. В этом году почему-то не прилетела. Как на грех сели батарейки рации, и он не мог связаться с промхозом. В ожидании вертолета закончились продукты. Вчера на берегу ручья они увидели следы лося и решили его добыть прежде, чем отправиться в дальний путь домой.

Не знали охотники, что начавшаяся перестройка многое изменила в жизни простых людей. Их промысловое хозяйство обанкротилось, у него не было денег на аренду вертолета.

Спуск с холма оказался не легче, чем подъем. Когда показалась избушка с дверью, подпертой колом, их силы были на исходе.

Затопив печь дровами, приготовленными утром, Павел повалился на нары. Теплый воздух от печки - буржуйки стал быстро распространяться по избушке. Он приподнялся, снял суконную охотничью куртку и вновь улегся на спину с закрытыми глазами. Его мысли были о брошенном Тунгусе. Как на яву, он видел лежащую на снегу собаку с изрезанными окровавленными лапами, с умными, все понимающими глазами. Его видение прервал голос Осипа:

– Выходить придется с рассветом и идти только по насту, – он продолжал начатую в уме мысль, – как ты думаешь, за сколько дней преодолеем восемьдесят километров?

– Нам придется сделать круг, – ответил Павел.

– Это еще зачем?

– Пойдем на профиль, по нему за день доберемся до нефтяников. У них добудем продуктов, отдохнем и спокойно двинемся домой.

– Тогда поднимайся, попьем чая и на боковую, чтобы встать раньше.

Павел поднялся задолго до рассвета, затопил печь, поставил варить кашу из последней горсти овсянки. За дверью послышался слабый скулящий голос Тунгуса. Павел не поверил своим ушам и опрометью бросился открывать дверь. Свет от лампы осветил через проем сидящего на снегу Тунгуса. Необычайная радость охватила Павла, он подошел к собаке и погладил по голове. К его горлу подступил комок. В ответ на ласку Тунгус жалобно заскулил. В этом звуке слились воедино радость встречи с хозяином, боль от полученных травм, обреченность и горечь разлуки. В мыслях Павел уже простился с верным другом.

Собака оказалась преданней людей. Ночью по насту, превозмогая голод и боль, она пришла к людям, которые бросили ее на произвол судьбы.

– Заходи в зимовье, - только и смог произнести Павел.

Тунгус с трудом поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, зашел в избушку.

Увидев Тунгуса, Осип по-своему обрадовался и обдумывал, как высказать свои мысли.

Павел разделил сваренную кашу на две части. Одну миску поставил перед Осипом со словами:

– Ешь, пора в путь.

Затем, посмотрев на свою порцию, поставил миску перед Тунгусом. Тот благодарным взглядом посмотрел на хозяина и не спеша стал языком подбирать кашу из миски.

– Что ты делаешь? – удивился Осип, – собака обречена. Тебе самому нужны силы, чтобы выбраться из тайги.

– В старые времена у приговоренного человека к смерти выполняли последнее желание. Я выполнил желание Тунгуса.

Немного подумав, Осип высказал давно таившуюся у него мысль:

– Может, мы его освежуем? Мяса хватит, чтобы напрямую добраться до дома, не надо будет делать крюк к нефтяникам.

Эти слова возмутили Павла, он почувствовал плевок в душу на свои переживания, поэтому ответил грубо:

– Я скорее застрелю тебя, чем Тунгуса.

С этого момента он почувствовал, что больше у него дружбы с Осипом не будет, и он не возьмет его в следующий сезон напарником в свои угодья.

Охотники надели рюкзаки с пушниной, закинули на плечи ружья и вышли на улицу. Павел остановился около дверей и посмотрел в избушку. Тунгус не вылез из-под нар. Тогда он открыл дверь настежь и придавил колом, чтобы не захлопнулась.

Павел шел впереди, он знал направление на профиль. Небо на востоке начинало сереть, предвещая рождение нового дня. В тайге стоял полумрак, она казалась вымершей, только скрип наста под лыжами нарушал покой спящего леса. Идти через кедрач было легко, стволы кедров-великанов на несколько метров от земли не имели ветвей. Когда вошли в массив пихтача, пришлось

продираться через густой подлесок. Его лапы цеплялись за одежду, царапали лицо. С восходом солнца Павел повернул правее, градусов на тридцать.

– Почему ты изменил направление маршрута? – послышался сзади голос Осипа.

– Профиль проложен строго с севера на юг, так мы быстрее попадем на него.

После этих коротких фраз бывшим приятелям не о чем было разговаривать. Каждый думал о своем. Павел – о Тунгусе, вспоминал отдельные эпизоды охот с ним, которые останутся в памяти на всю жизнь. Осип прикидывал в уме, на какую сумму сдаст добытую пушнину и как распорядится полученными деньгами.

Неожиданно лес перед охотниками расступился, они вышли на широкую просеку среди хвойного леса, называемую профилем. Павел достал из рюкзака маленький аккуратный топорик и по привычке сделал затес на молодой сосне.

– Ты собираешься сюда когда-нибудь придти? – удивился Осип.

– На всякий случай, вдруг пригодится, – ответил Павел.

Профиль вывел охотников поздним вечером к буровой вышке, залитой электрическими огнями, как новогодняя елка. На их пути в нескольких километрах от вышки стояли вагончики участка гидронамыва. Остановившись у ближайшего их них, Павел снял лыжи и постучал в дверь.

–Кто там? Входи! Дверь не закрыта, – раздался голос.

Валентин Петров, взглянув на вошедших людей с заросшими лицами и впалыми глазами, вмиг оценил обстановку. Перед ним стояли мужчины среднего роста в охотничьей одежде. У одного борода была черной, как сажа, у второго – рыжей. По их заросшим лицам трудно определить возраст, но судя по осанке и глазам, они были не старики.

– Раздевайтесь, садитесь к столу, – сказал Валентин.

Он ценил и соблюдал традиции севера. Путника, уставшего с дальней дороги, прежде всего, надо накормить. Если захочет, сам расскажет, кто он и куда идет.

Неожиданным гостям приглашение дважды повторять не требовалось. Они поставили ружья в угол, туда же положили на пол рюкзаки, повесили куртки на вбитые в стену гвозди и присели к столу.

– Попейте сначала с дороги чая, – сказал Валентин, ставя перед охотниками эмалированные кружки, – а я на скорую руку что-нибудь приготовлю.

Он не спеша нарезал хлеб, пододвинул на средину стола сахарницу и, сняв со шнура, натянутого у дальней стены вагончика, двух вяленых язей, положил перед гостями. Затем снял с плиты горячий чайник и, поставив на берестяную подставку на угол стола, произнес:

– Наливайте сами, будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – продолжил поговорку Павел.

На его губах скользнула улыбка и потухла под густой черной бородой. В карих глазах усталость сменилась блеском. Он подумал: «Мы встретили хорошего человека, теперь благополучно доберемся домой».

Тем временем Осип налил в кружки рыжеватого цвета жидкость. По вагончику распространился аромат таежных трав. Чай был заварен шиповником и разными травами.

После нескольких дней голодания охотники с удовольствием жевали хлеб с кусками жирной рыбы и запивали чаем.

– Никогда не думал, что чай с соленой рыбой вкуснее, чем с сахаром, – произнес Осип.

– Не торопитесь наполнять желудки чаем, – сказал Валентин гостям, – сейчас будут готовы макароны по-флотски.

За неимением макарон, он насыпал в кастрюлю с кипящей водой вермишели. Затем вынул из ножен охотничий нож, всегда висящий у него на поясе, открыл две банки говяжьей тушенки и выложил ее в кипящую вермишель. Валентин хотел еще поджарить лук на свином сале и заправить им готовящееся блюдо, но передумал, видя как голодны люди.

Утолив немного голод, Павел обратился к хозяину вагончика:

– Как звать тебя, добрый человек?

– Валентином.

– Мое имя Павел, а это мой напарник по охоте – Осип. Мы промышляли в верховье ручья Холодного.

– Запозднились что-то вы с выходом из тайги, – удивился Валентин, - сезон охоты давно закончился.

– Нас должен был вывезти вертолет, но в назначенное время не прилетел. Прождав его, мы упустили время, вдоволь наголодались и намучались.

– Это я по вам сразу определил. Вы из какого места в наши края попали? - спросил Валентин.

У охотников не принято задавать вопрос со слова - куда или откуда. С давних пор укоренилось поверье, что эти слова не принесут удачи.

– Мы живем в Старом Васюгане.

– Большой круг приходится вам делать, чтобы попасть домой.

Без продуктов нам до своего поселка не добраться, вот и решили завернуть к нефтяникам, чтобы разжиться харчами на дорогу.

– Весной не сложно было бы сплавиться по реке, а в оттепель изрядно намучаетесь.

– Идти придется по насту, морозы еще должны постоять.

Разговор длился долго. Охотники подробно рассказали о неудачной охоте в последний день. Каждый рассказал о брошенной собаке со своей точки зрения. Валентин не мог понять, как можно бросить на произвол судьбы собаку, которая многие годы служила верой и правдой. Он расспросил о рабочих качествах и возрасте собаки, узнал кличку. Затем спросил:

– Как добраться до вашего зимовья?

Павел охотно рассказал:

– В трех часах хода по профилю увидишь затес на сосне, поворачивай вправо под прямым углом и выйдешь в распадке на ручей Холодный. Там сам сообразишь, в какую сторону по ручью идти к избушке.

Городскому жителю трудно понять, как по двум ориентирам в тайге можно найти избушку, удаленную на несколько десятков километров. В большом городе, порой, трудно найти дом, расположенный внутри квартала. Охотники же ориентируются в лесу как в собственном доме.

Ночью подул северяк, мороз окреп, оттепели не предвиделось. Прощаясь с Валентином, задержав его руку в своей руке, Павел сказал:

– Спасибо тебе за приют и помощь, окажешься в нашем поселке, заходи, будешь званым гостем.

Весь день на дежурстве Валентин думал о брошенной собаке, ему было жаль ее и стыдно за людей, бросивших друга. Он представил себя на ее месте – голодным, обессиленным, без всякой надежды на спасение. После этого он не мог оставаться равнодушным к ее судьбе и принял решение завтра отнести ей пищу. Рассудив, что собака, оправившись от голода и ран, сможет уйти домой.

С напарником по дежурству на земснаряде, не работающем в это время года, договориться о переносе смены труда не составило. Чуть свет, положив в рюкзак хлеб и куски мяса, надел лыжи и покатил по профилю. Ему, потомственному охотнику, пробежать несколько десятков километров не составляло труда. Невысокого роста, коренастый, он легко скользил на лыжах в привычном темпе, при котором не сбивается дыхание. Орлиным взглядом зорких глаз осматривал стволы деревьев.

К избушке Валентин добрался во второй половине дня. Из раскрытой двери раздалось рычание Тунгуса, лежащего под нарами.

– Не сердись на меня, - как можно ласковее произнес Валентин, – я принес тебе еду.

Услышав незнакомую речь, Тунгус грозно зарычал, переходя на лай.

Достав из рюкзака кусок мяса, Валентин подошел к нарам и протянул к собаке руку с мясом. Около его пальцев лязгнули собачьи зубы. Он еле успел отдернуть руку.

– Ты слишком серьезный пес, – произнес Валентин и бросил мясо собаке.

Тунгус был очень голоден, но не схватил сразу брошенный кусок. Он обнюхал его и, не учуяв ничего подозрительного, осторожно взял в пасть.

Валентину понравилось поведение собаки. Он вышел из избушки, набрал дров из поленницы и вернулся, чтобы затопить печь. Тунгус его встретил молчанием.

– Вот так-то лучше, – сказал Валентин и бросил ему второй кусок мяса, – на сегодня достаточно.

Затопить печь березовыми дровами – дело плевое. Он оторвал от полена кусочек бересты, нащипал лучины, положил их в печь, над ними аркой – дрова и поднес зажженную спичку. Огонь весело побежал по бересте, вспыхнула лучина, и дрова начали разгораться. Только теперь Валентин почувствовал, что голоден. Взял чайник, стоящий на плите, и направился к двери. Около порога остановился, посмотрел по сторонам, надеясь найти пешню или топор. «Видимо хозяин избушки спрятал ценные вещи где-нибудь на улице, – подумал с сожалением, – придется колоть лед ножом».

Натоптанная в снегу тропинка привела его к замерзшей проруби на ручье. Она выделялась гладким чистым льдом среди окружающего снежного покрова. Наполнив чайник кусочками чистого голубоватого льда, вернулся в избушку. Прежде всего, заглянул под нары. Тунгус вяло вилял ему хвостом, в печальных глазах собаки промелькнула радость. «Неужели он испугался, что я брошу его, и обрадовался, когда я вернулся?» – подумал Валентин.

Вскоре избушка наполнилась живительным теплом, Валентин снял куртку, выложил из рюкзака на стол хлеб, вяленую рыбу, отварное мясо и принялся за еду.

Засыпая на нарах, он думал о собаке, но окончательного решения, как с ней поступить, не принял.

К утру, избушка выстыла. Затопив печь, Валентин взял кусочек мяса, присел около нар и тихим спокойным голосом произнес:

– Тунгус, иди ко мне.

Собака, лежащая калачиком, вытянула голову, втянула в себя воздух с запахом человека и мяса. Немного повременив, выползла из-под нар. Валентин протянул к ней руку с мясом на ладони. Тунгус лизнул ему пальцы, взял мясо и мигом проглотил. «Ты умеешь быть благодарным», - произнес Валентин, внимательно осматривая собаку. Перед ним лежал пес серой волчьей масти с крупной головой, на которой торчали острые уши. Длинная, как у овчарки, морда заканчивалась черным носом. В приоткрытой пасти виднелись белые крепкие зубы с длинными мощными клыками. «Не завидую тем, кто испытал на себе эти клыки», - подумал Валентин, а вслух произнес:

– Давай-ка посмотрим, на что ты способен сегодня.

Взяв кусочек мяса, отошел к двери и позвал к себе собаку:

– Поднимайся на лапы, иди ко мне, а то отлежишь себе бока.

Тунгус медленно поднялся с пола. Он был высокого роста, истощенный до последней степени. Хребет и ребра выпирали из-под кожи. На изрезанных лапах наросли коросты.

– Тунгус, иди ко мне, – еще раз позвал Валентин собаку и протянул к ней руку с мясом.

Медленно переставляя лапы, пошатываясь, он побрел на зов. Его зад заваливался в сторону, и ему стоило больших усилий удержаться на ногах.

– Ну и довели тебя горе-хозяева до полного истощения, – произнес Валентин и отдал ему мясо. Затем провел по голове и спине рукой. От прикосновения руки Тунгус вздрогнул, по его коже пробежала дрожь.

– Тебя разве никогда не гладили? – спросил он собаку.

Тунгус не мог ответить на его вопрос, только смотрел удивленными глазами.

– Лежать! – твердым голосом приказал Валентин.

Тунгус повиновался и медленно опустился на пол у порога.

«Ноги заживут быстрее, чем собака окрепнет и наберет вес», – подумал Валентин.

Поев на дорогу и потягивая горячий чай из деревянной плошки, Валентин принял решение забрать с собою Тунгуса. «Вес у него небольшой, двадцати килограммов не будет, – думал он, – донесу как-нибудь».

Прежде всего, дал Тунгусу обнюхать рюкзак, затем осторожно приподнял зад собаки и надел на него рюкзак.

Словно понимая намерения человека, собака доверилась ему и не сопротивлялась. Натянув на нее рюкзак до шеи, завязал его и осторожно поднял на плечи.

Переступив порог, плотно закрыл дверь, надел лыжи и отправился знакомым маршрутом. Тунгус лизнул его ухо. Этот «поцелуй» растрогал Валентина, хотя он и не был сентиментальным человеком. Появилось приятное, радостное настроение, которое прибавило ему силы. «Неужели собака понимает, что я ее спасаю, – подумал он, – даст Бог, мы с тобой подружимся и еще поохотимся вместе». . .

На хорошем корме Тунгус отъелся и быстро поправился. Он уже верховодил среди местных собак, некоторые задиристые кобели испытали на себе его крепкие зубы. Вскоре началась течка у Найды, Тунгус «пас» ее две недели, не подпуская к ней ни одного соперника. Валентин радовался, что у его собаки появятся добрые щенки.

Быстро пролетела весна, растаяли снега в тундре и тайге, отшумели весенними водами ручьи и реки, вскрылись ото льда многочисленные озера. Перелетные птицы вывели потомство, и табунки уток с утятами плавали на каждом, даже самом захудалом, озерке. У зайчих уже появился второй помет зайчат. Эти кроткие, пугливые зверьки поступают со своим потомством почти как кукушки. После родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы. Если какая-нибудь другая зайчиха наткнется на чужих зайчат, она обязательно накормит их. Зайчата часто становятся добычей бродячих собак.

Каждый день, возвращаясь с работы, Валентина у вагончика встречали Найда и Тунгус. Собаки имели разные характеры и вели себя каждая по-своему. Найда извиваясь всем телом и усиленно виляя хвостом, бросалась к ногам, показывая всем видом, что она хочет, чтобы ее погладили. Тунгус останавливался в шаге от Валентина и, вильнув несколько раз хвостом, стоял невозмутимо, давая понять, что он серьезная рабочая собака и ей не до ласк. Он не любил, когда его гладят. Первым делом Валентин кормил собак и разговаривал с ними. Работая целый день на бульдозере, ему не с кем было переброситься словом.

Сегодня Тунгуса не было на месте. Валентин не придал этому значения, мало ли какие дела могут быть у собаки. Когда Тунгус не пришел на второй и третий день, он забеспокоился. Тешил себя мыслью, что возможно он загулял на собачьей свадьбе. Стал расспрашивать владельцев собак, но никто Тунгуса не видел. Через неделю понял, что собака пропала. Постороннему человеку в руки он не мог даться, значит, не поладил с медведем и попал под его тяжелую лапу. Валентин долго переживал утрату, ему жаль было пса, рухнули надежды на охоту с ним. Каждый вечер, перед тем как уснуть, до мельчайших деталей вспоминал встречу с ним в избушке и нелегкий переход от нее к своему вагончику.

На следующий год весной Валентин летел на вертолете из Стрежевого в поселок нефтяников Ломовской. Закончилось таяние снегов, реки вышли из своих берегов, залив все пониженные места бесконечного пространства болот, тундры и лесов. Под вертолетом вся поверхность земли представляла сплошную водную гладь с небольшими островами грив и лесов.

Пилоты получили радиограмму залететь в поселок Старый Васюган и взять на борт больного жителя. Когда подлетели к поселку, он предстал островом среди моря воды. Дома вдоль реки стояли в воде, как деревянные кораблики, готовые пуститься в плавание. Вертолет приземлился на поляну в центре поселка. Его

быстро окружили немногочисленные жители. Для них это чрезвычайное событие и возможность общения с внешним миром.

По метеоусловиям вылет вертолета отложили на несколько часов. Валентин пошел осмотреть поселок. По улице ему навстречу бежала стая собак, среди которых высоким ростом выделялся кобель, похожий на Тунгуса. «Не может быть», – подумал он, но сердце тревожно забилось.

Тунгус! – крикнул Валентин срывающимся голосом.

Кобель отделился от сородичей, подбежал к Валентину и, остановившись в метре от него, приветствовал своего спасителя виляниеем хвоста. Это был Тунгус. Он узнал своего спасителя.

– Здравствуй, бродяга, я рад, что ты живой и остался верным своему первому хозяину, – с горечью произнес Валентин.

Тунгус вильнул еще несколько раз хвостом и побежал догонять свору.

Валентин провожал его взглядом, к горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы. Ему было грустно, что он не смог приручить к себе Тунгуса, и радостно, что тот оказался живым. Видимо, охотничьей собаке недостаточно ласки, ей дороже что-то другое. У него не появилось желание идти дальше по поселку и разыскать Павла. Немного постояв в задумчивости, вернулся к вертолету.

М у з а

Испытания гончих охотничьих собак проводились с раннего утра на землях бывшего совхоза «Садовод», расположенных недалеко от моего садоводческого участка. Я свою собаку Музу выставлять на испытания не стал, она уже имела полевой диплом второй степени. Мне не хотелось раскрывать все ее способности. На моей памяти были случаи воровства и уничтожения хороших собак.

Майское солнце поднялось к полудню, нещадно палило своими лучами, мне опостылело полоть грядки, все мои мысли были об испытательном полигоне, хотелось послушать голоса гончих, увидеть гонного зайца.

Наконец, я не выдержал внутренних мучений, бросил жене короткую фразу: «Вернусь через час, грядки дополю вечером» и пошел заводить машину. Стоило мне открыть дверцу, как Муза оказалась раньше меня в машине.

– Тебе нельзя, – строго сказал ей, – ты можешь помешать проведению испытаний, выходи из машины.

Муза жалобно заскулила и стала перебирать передними лапами на заднем сиденье от нетерпения ехать в лес. Мне стало ее жалко.

– Хорошо, поедешь со мной, но из машины тебя не выпущу, – сказал я и погладил ее по голове.

Охотники расположились станом на кромке березового колка, окруженного со всех сторон зарослями черноплодной рябины. На поляне стояло с десяток автомашин, к ним были привязаны собаки. Поставив свою «Ниву» в сторонке, я подошел к костру, вокруг которого расположились охотники, ожидая очереди испытания своего питомца. Поздоровавшись, спросил:

– Какие успехи?

– Нет успехов, – кто-то вяло ответил.

– Стоит жара, очень сухо, погода не для испытаний, – вторил ему другой охотник.

– С утра пускаем пятую собаку, ни одна не подняла зайца, – сказал Александр Борисович Крутин – председатель секции гончих собак.

– Гончая собака должна поднимать зайца в любую погоду, – заметил я, – другое дело, сколько времени она будет его гонять.

Мои слова задели чувства присутствующих, и в мой адрес посыпались предложения:

– Ты бы привез свою Музу, чтобы мы посмотрели, как она работает.

– Она у него в машине, – произнес, подходящий к костру охотник.

– Выпусти ее, пусть хоть она покажет нам зайца, – предложил Владимир Вид.

Отказать в этой просьбе – означало для нас с Музой – потерять авторитет среди гончатников. Обращаясь к Крутину, спросил:

– Можно выпустить Музу?

– Он посмотрел на часы и сказал:

Через десять минут заканчивается час поиска очередной собаки, после истечения этого времени можешь выпустить Музу. Мы решили отложить испытания до вечера, когда спадет жара.

Выждав указанное время, я отправился к машине. За мной последовали любопытные. Открыв дверцу машины, произнес: «Муза, искать». Она выскочила из машины, осмотрелась и наметом понеслась в заросли черноплодной рябины. Не прошло и десяти минут, как она подала голос и, заливаясь, погнала зайца. Гон пересек пыльную центральную дорогу садов и удалился в заросли облепихи. Я поспешил за собакой и, выбрав удобное место, стал наблюдать за разворачивающимися событиями. Через редкие кусты засохшей облепихи хорошо просматривалось большое пространство, покрытое сухой прошлогодней травой. Заяц ходил по кругу, мелькая между кустов темно-серым цветом на фоне желтой травы. Вот он сделал двойку и, отскочив в сторону, запал. Муза с налета проскочила оборвавшийся след и замолчала. Зайчишка выскочил из укрытия и поскакал в обратном направлении. Муза, молча вернувшись по сдвоенному следу, сделала небольшой круг и, обнаружив угонный след зайца, с голосом пошла по следу. Такая игра зайца с собакой продолжалась трижды. Муза утомилась и убавила скорость бега. На четвертой заячьей скидке, она не пошла по сдвоенному следу, а причуяв затаившегося зайца в сухой траве, в один прыжок оказалась над ним. Взметнувшийся вверх зайчишка оказался в ее зубах.

Когда я подбежал к месту трагедии, Муза держала задавленного зайца за шею и рычала на меня, давая понять, что это ее добыча. Мне пришлось разжать ее челюсти и забрать зайца. Она обиженно скулила и смотрела на меня просящими глазами. Отрезав и бросив ей передние лапы зайца, подумал, что это редкий и неординарный случай, когда гончая ловит зайца. Вне сезона охоты добывать зайца – отъявленное браконьерство, но бросать его, было жаль. Тем более, меня обуяла радость и гордость за свою собаку, хотелось похвастаться перед теми, кто с издевкой прокатывался по способностям моей Музы. Взяв добычу за задние

лапы, подал команду гончей «вперед» и бодро зашагал к стану. Заяц оказался увесистым и оттягивал руку.

Муза первой подбежала к костру и стала обнюхивать сидящих охотников, виляя каждому хвостом в знак приветствия. Еще издали я услышал громкий недовольный голос эксперта Юрия Балясникова:

– Почему собака не на поводке? Немедленно уберите собаку!

– До испытаний еще много времени, – сказал кто-то из охотников.

– Уберите собаку! – повторил он, повышая голос.

Подойдя к машине, я открыл заднюю дверцу и позвал Музу. Она подбежала к машине и заскочила на заднее сидение.

Около стана меня встретил упреком Балясников:

– Плохо твоя Муза сегодня гоняла зайца, много было сколов.

– Важен результат, – ответил я и бросил к костру зайца, добавив: «На котловое довольствие».

Раздались голоса восторга и удивления. Какой-то скептик произнес:

– Подобрал дохлого зайчишку.

Крутин положил руку на зайца и сообщил:

– Теплый, недавно был живой.

– Значит больной, – не унимался скептик, – здорового косого собака не может догнать.

– Вскрытие покажет, – сказал Александр Борисович и предложил Борису Глазкову освежевать зайца.

– Друзья, не надо спорить, вмешался в разговор Виктор Степанович Гущеваров, авторитетнейший гончатник, – на охоте еще и не такое бывает. Не зря же существует поговорка: «Бывает и медведь летает». Мой смычок эстонских гончих как-то гонял по чернотропу зайчонка-листопадника. Заяц решил схитрить. Выскочил в кустах на тропу и помчался в обратную сторону, угодив в пасть собаке, которая шла по тропе.

Большого труда снять шкурку, когда ее не надо беречь от порезов, не составило. Александр Борисович осмотрел внутренности зайца и вынес вердикт: «Был здоров, пригоден в пищу». Затем отрезал голову и, держа ее за длинные уши, протянул мне со словами: «Это приз Музе». Я забрал голову и уехал на дачу допалывать грядки.

Через некоторое время я узнал, что от тушеной с картошкой зайчатины никто из скептиков не отказался.

Д ж е к

Мария Алексеевна возвращалась домой после работы по улице Джетысуйской. Южное солнце клонилось к закату, в воздухе стояла духота, насыщенная ароматом спелых фруктов. Арык, протекающий вдоль улицы, не приносил прохлады. По другую сторону арыка тянулись сады жителей города Алма-Аты. Абрикосовые и вишневые деревья стояли аллеями со спелыми фруктами. Из

арыка донесся жалобный писк. Она подошла ближе и увидела в воде слепого щенка, пытавшегося вылезти на сушу. В ее душе возникло негодование к людям, которые утопили новорожденных щенков, и жалость к уцелевшему из выводка. Не раздумывая, она спустилась к воде, вынула сосунка и принесла домой.

Джек вырос в крупного пса, по масти и внешнему виду похожего на овчарку. От дворняжки ему достался только хвост, всегда поднятый вверх серпом. Он рос вместе с внучкой Марии Алексеевны, Леной. Им почти одновременно исполнилось по три года. Джек позволял Лене любые шалости над собой. Она обнимала его за шею, садилась верхом, приносила спелые абрикосы и заталкивала ему в пасть. Все ее игры с участием Джека.проходили около его конуры.

Руководство города Алма-Аты приняло постановление о ликвидации бездомных и беспородных собак. Все владельцы собак обязаны были показать своих питомцев в ветеринарной лечебнице. Семья Марии Алексеевны долго не решалась вести в лечебницу беспородного Джека, опасаясь за его судьбу. Вскоре у них во дворе появился участковый милиционер. Джек рвался на цепи, не подпуская к двери дома непрошеного гостя и «поливая» его собачьей руганью. На лай из дома вышла Мария Алексеевна и закрыла собаку в конуре.

– Справка на собаку из ветлечебницы есть? – спросил участковый.

– Нет, – ответила хозяйка.

– Даю вам срок неделю, затем приду, проверю, – строгим голосом произнес блюститель порядка.

Переживая за Джека, которого могут усыпить, Мария Алексеевна с дочкой Ниной повели его в ветлечебницу. Оказавшись впервые на многолюдной улице, по которой ехали и гудели автомашины, стучал колесами по рельсам трамвай, Джек испугался. Он озирался по сторонам, поджал хвост между ног, прижимался к хозяевам.

В таком испуганном состоянии его ввели в ветлечебницу. Ветеринар, окинув его взглядом, сказал лаборанту:

– Восточноевропейская овчарка, сделайте прививку от бешенства и выдайте свидетельство.

Домой Мария Алексеевна с Ниной возвращались в приподнятом настроении. Их дворняжка превратилась в овчарку.

Проснувшись после обеденного сна, Мария Алексеевна позвала Лену. Девочки в доме не было. Тогда бабушка вышла в сад и крикнула внучку во весь голос. Та не прибежала на ее зов, как обычно. Это озадачило и обеспокоило бабушку. Она стала искать ее в саду, в сарае, вышла на улицу, но девочки нигде не было. С испуга она подумала:

«Вдруг внучка упала в колодец». Страшные мысли появились в ее голове. Опрометью подбежала к колодцу и заглянула в него. Там было темно. Тогда она схватила длинную палку и стала ею щупать в колодце и громко кричать: «Лена! Лена!». Гулкое эхо из колодца разносилось по двору.

Спокойно спящая Лена в конуре Джека проснулась, вылезла из своего укрытия, подошла к бабушке сзади и спросила:

– Бабушка, ты зачем так громко кричишь?

От неожиданности Мария Алексеевна обомлела и потеряла дар речи. Она схватила на руки внучку и прижала к себе. На ее глаза навернулись слезы радости.

Браконьеры

Петька приехал на дачу с Александром Борисовичем Крутовым. Петькой фамильярно называл его Александр Борисович. Тот не обижался на такое панибратское отношение к своей персоне, хотя имел полное право, так как происходил из рода Пит Эстон фон Роде, широко известного во всей Прибалтике. Его далеких предков в младенческом возрасте вывезли в Россию,(они постепенно обрусели), и вот теперь их потомка называют Петькой.

Дача находилась на окраине деревни Шелковичихи, невдалеке, по глубокому логу, протекала речка Березовка, берега которой поросли тальниками, на высоких склонах лога росли редкие, толстые, сучкастые и изогнутые березы. Жители деревни, выпиливая лес на дрова, не тронули эти березы из-за их кривизны. Вдоль лога раскинулись совхозные поля с многочисленными березовыми колками. В этих местах всегда водились зайцы, и Александр Борисович с Петькой часто на них охотились. Сегодня, вместо того чтобы идти на охоту, Александр Борисович взял лопату и отправился в огород копать грядки под будущий урожай. Петьке копка огорода была ни к чему, он надеялся, что они отправятся на охоту, но Крутов, не сказав ему ни слова, копает себе огород и копает, вместо того чтобы спешить в близлежащий лес.

Петька понял, что Александр Борисович сегодня в лес не пойдет, ему же надоела городская суета и не терпелось отправиться на охоту. Посмотрев на спину Александра Борисовича, покачивающуюся в такт с движением лопаты в его руках, Петька отправился по деревенской улице разыскивать своего Друга, который был частым спутником в его охотах. Душа прирожденного охотника истосковалась по лесу, по его запахам, волнующим душу. Петька не любил город с его узкими улицами, высокими домами, с множеством людей, двигающихся во все стороны, как муравьи около муравейника. Его влекли к себе просторы полей, густые заросли леса. Это была его стихия,

здесь была своя жизнь, разыгрывались свои драмы и трагедии. Зов далеких предков всегда тянул его в лес, он был счастлив, когда находил след зайца и мог часами преследовать зверя.

Двигаясь по пыльной деревенской улице, он внимательно рассматривал все, что происходит на дороге и во дворах жителей. Посредине дороги куры разгребали лошадиный навоз и склевывали непереварившиеся зерна. Петька обошел стороной, чтобы не мешать их занятию. На солнечной стороне улицы, у ворот, лежали и грелись в лучах осеннего солнца ленивые деревенские собаки.

Петька зашел в знакомый двор, дом был на замке, в воздухе стоял запах свежего сена, сваленного около изгороди, в стороне виднелась большая куча наколотых березовых дров, еще не сложенных в поленницу. Он обошел все уголки двора, заглянул в сарай, даже в конуру, Друга нигде не было.

Его приятель, как многие бомжи, питался на помойках и свалке. Петька отправился на свалку, где дачники из расположенных вблизи кооперативов сваливали бытовые и пищевые отходы. Петька хорошо знал это место, ему часто приходилось проходить мимо, направляясь на охоту. Свалку часто навещали лисы, здесь можно было найти голову селедки, кусок черствого хлеба и другую, вполне пригодную, еду.

Своего Друга он заметил издали и окликнул его. Друг перестал копаться в отходах, повернул голову в его сторону, обрадовался встрече и пошел к приятелю с предчувствием предстоящей охоты и пиршества.

Они поприветствовали друг друга манерами, принятыми в их обществе, и направились в лог, по которому протекала речка Березовка. Продвигаясь по склонам лога, вверх по течению речки, осматривали каждый пень, каждую поваленную березу, стараясь поднять зайца. Петька не оставлял без внимания ни один куст, ни одной густой заросли тальника. Его опыт подсказывал, что заяц мог залечь на дневку в таких местах. Через несколько километров они поднялись из лога на бывшее совхозное поле, заросшее молодыми березками. Невдалеке, среди молодого березняка, возвышался, как гигант над пигмеями, колок вековых берез. Петька направился к колку, Друг последовал за ним. На кромке колка они обнаружили тропу, натоптанную зайцами. Друг остановился на тропе, а Петька углубился в колок. Теперь он знал, что заяц где-то поблизости, ему надо его найти и выгнать на Друга. Продвигаясь вглубь колка, он внимательно обходил и осматривал все подозрительные места, где мог прятаться заяц. Зверек выскочил из прошлогодней пожелтевшей травы. От неожиданности Петька подал радостный голос. Это был сигнал для друга, что гон начался.

Друг прилег на тропе и стал ждать, когда заяц набежит на него. Голос Петьки то удалялся, то приближался. Заяц ходил по кругу в средине колка и не хотел выходить на кромку, где притаился Друг. После непродолжительной паузы Петька азартно подал голос, напоминающий слова: «тут, тут, тут, ах, ах, ах».

Заяц мчался по тропе огромными прыжками, едва касаясь ногами земли, создавалось впечатление, что серый комок летит над землей. Друг плотнее

прижался к тропе, все его мускулы напряглись, он приготовился к броску на безобидного зверька. Прыжок был рассчитан очень точно. Когда заяц оказался в воздухе около него, Друг мгновенно подпрыгнул и схватил жертву за горло. Они оба упали около тропы. В неравной борьбе победу одержал Друг. Вскоре к месту сражения подоспел Петька. Они первым делом выели все внутренности зверька, вместе с кишками и кусками шкуры, затем принялись за переднюю часть зайца. Насытившись, прилегли отдохнуть, поглядывая на остатки мяса. На деревьях уже сидели две вороны в ожидании остатков трапезы.

Домой Петька вернулся в потемках, положил заднюю часть зайца на крыльцо, и улегся около двери, свернувшись калачиком. На шум вышел из дома Крутов. Оценив обстановку, он стал отчитывать гончака:

– Как тебе не стыдно? Охотничий сезон еще не начался, а ты добыл зайца, это же браконьерство. Когда ты перестанешь дружить с этой безродной дворняжкой? Ты же эстонская гончая, мне стыдно за тебя, придется держать тебя на привязи. . .

Петька лежал с раздутым животом, почесывал задней лапой за правым ухом и внимательно слушал своего хозяина.

Дружок и Котя

На окраине села Шелковичихи под Новосибирском, вдоль речки Березовки, вытянулся небольшой выселок одной улицей домов в двадцать, называемый Копаем. Живут здесь в основном пожилые трудолюбивые люди, переехавшие из Новосибирска. Занимаются огородничеством, держат некоторую живность, чтобы обеспечивать себя и близких родственников продуктами питания. Чего только они ни выращивают. Кроме картошки и овощей, росли яблони и ягодные кустарники, виноград и даже дыни и арбузы. В одном из домов живет с женой Галиной мой приятель Валентин Петров – страстный охотник и грибник. Когда я впервые посетил его усадьбу, то в буквальном смысле утонул в море цветов. Галина до пенсии работала агрономом и знала толк в выращивании цветов и овощей.

Однажды, проходя мимо речки, Галина услышала жалобный писк. Придя домой рассказала мужу. Валентин тут же собрался и отправился выяснить, в чем дело. Около речки обнаружил маленького серого щенка. Ему было чуть больше недели от роду. Кто-то пытался щенка утопить, но тому удалось выбраться из воды. Валентин не мог оставить в беде маленькое существо, взял его в руки и принес домой. В углу комнаты стояла тарелочка с молоком для котенка Коти. Валентин мокнул мордочкой щенка в молоко и опустил на пол. Щенок облизал мордочку и стал лакать молоко. Щенок и котенок были слишком малы, чтобы проявлять неприязнь друг к другу, ели из одной миски, спали рядом на одной подстилке. Подрастая, они играли вместе и были неразлучными друзьями. Глядя на их игры, Валентин назвал щенка Дружком. Он тогда не думал, что когда щенок вырастет, станет его настоящим его другом.

Жители поселка часто могли наблюдать такую картину: Валентин идет выгуливать Дружка на поляну вблизи речки, щенок бежит впереди него, а сзади идет котенок Котя.

Постепенно, когда собака и кот выросли, у каждого из них на берегу реки появилось свое занятие. Валентин ходил и собирал грибы, Дружок носился по склонам реки, разыскивая следы неизвестных ему зверей. Здесь можно было встретить следы зайцев, лис, сурков и даже барсуков. Котя, найдя мышиную нору, усаживался около нее в ожидании добычи.

Однажды Котя нашел мышиную нору и уселся возле нее, ожидая, когда мышь выглянет из норы. Его напряжение росло, видимо, он чувствовал приближение мыши в норе к выходу. Котя вытянул к норе правую переднюю лапу и выпустил когти, готовый в любой момент схватить мышь.

В этот момент на поляне появился жизнерадостный Дружок. Увидя сидящего у норы Котю, решил проверить, кого он там ожидает. Подбежал к норке и сунул в нее свой нос. Возмущенный бесцеремонным поведением Дружка, Котя ударил его лапой по шее, когти застряли в ошейнике. От неожиданности Дружок поднял голову, и Котя повис на ошейнике, едва доставая задними лапами до земли. Чтобы освободиться от Дружка, Котя колотил его свободной передней лапой по морде. Наблюдая эту картину, Валентин подумал: «Жаль, что у меня нет видеокамеры, можно было бы снять уникальную сцену». Обращаясь к Дружку, сказал:

– Ты поступил очень плохо, испортил Коте охоту.

Валентин всегда дома и в поле разговаривал со своими питомцами. Они привыкли к его речи, а может быть, и запоминали отдельные слова.

На одной из прогулок осенью, когда Дружок был еще щенком, к Валентину подошел знакомый мужчина. Дружок внимательно следил за незнакомцем. Когда тот протянул Валентину руку для рукопожатия, Дружок бросился на него и вцепился в унт. Валентину с трудом удалось разжать собаке зубы и высвободить унт из пасти.

– К тебе, оказывается, нельзя подходить близко, когда с тобой рядом этот зверюга.

– Какой он зверь, - ответил Валентин, – он еще щенок.

– Что из него получится, когда он вырастет? – спросил сосед.

– Не знаю, что получится, но я его ничему не учу.

Вырос Дружок в крупного пса, похожего на овчарку, с задатками охотничьей собаки. Скорее всего, охотничья собака повязалась с овчаркой, и хозяин решил избавиться от потомства.

Как-то Валентин проснулся, как всегда, очень рано и продолжал лежать в постели. Дружок посмотрел на него, взял в зубы тапок и принес его к кровати.

– Ты хочешь, чтобы я поднимался и мы шли гулять? – спросил Валентин.

Неизвестно, понял Дружок эти слова или нет, но, услышав речь хозяина, в знак согласия завилял хвостом.

– Тогда неси второй тапок, – сказал Валентин.

Дружок наклонил голову и внимательно смотрел на хозяина.

– Неси второй тапок, - повторил Валентин и покачал ногой с надетым тапком.

Дружок встрепенулся, словно что-то вспомнил, и принес второй тапок. С этого дня он всегда по просьбе хозяина приносил ему тапки и носки. Ему доставляло удовольствие служить Валентину.

Однажды утром Дружок принес хозяину тапки и один носок.

– Ищи второй носок, – приказал Валентин.

Дружок обежал по кругу комнату, но носка нигде не было видно. Тогда он остановился и стал принюхиваться. Запах доносился из брюк, висящих на спинке стула. Он подбежал к брюкам, взял их в зубы и начал трепать. Когда из штанины выпал носок, бросил брюки на пол и принес его хозяину.

– Молодец, – как всегда похвалил его Валентин, – вот только брюки не надо бросать на пол, а то будет нас с тобой ругать хозяйка.

. Дружок давно оставил подстилку кота и спал на коврике около кровати Валентина. Котя в холодное время года подходил к приятелю и укладывался около его живота. Так им обоим было теплее спать.

Вечером, если кот с собакой гуляли на улице, Валентин звал их в дом и только потом ложился спать. Однажды Дружок прибежал, а кота не было. Котя отправился по деревне искать подружку или приключения. Валентин сказал Дружку:

– Ищи Котю и гони его домой.

Дружок понял хозяина и побежал по деревенской улице. Хорошее чутье ему быстро позволило по следам Коти найти его в чужом огороде. Поддев кота носом, заставил бежать домой.

Вот с Галиной у Дружка отношения не сложились. Она его маленького пнула ногой несколько раз, чтобы не крутился под ногами. Нанесенная обида ему запомнилась на всю жизнь

Однажды во время дневного сна Галина решила разбудить мужа, чтобы попросить что-то сделать. Стоило ей только протянуть руку, Дружок соскочил с коврика и вцепился в нее. От шума Валентин проснулся и освободил руку жены из пасти собаки. Дружок охранял не только Валентина, но и все его вещи. Он не подпускал Галину к его кровати. Валентину приходилось самому снимать постельное белье, чтобы передать его жене для стирки.

Отправляясь на электричку, Валентин насыпал в карман семечек. Он любил на вокзале кормить голубей, воробьев и синичек. Стоя на перроне, бросал птичкам семечки. Они крутились у его ног. Рядом стояли люди и с интересом наблюдали за птичками. Дружок сидел на поводке у ног хозяина и охранял его. Валентин протянул ладонь с семечками к птичкам. Одна синичка оказалась смелее всех. Она подлетала к ладони, порхала около нее, и, схватив семечко, улетала, чтобы расклевать в стороне от назойливых воробьев. В очередной подлет синички к руке, стоящий рядом парень решил ее поймать, но не успел. Его рука оказалась в пасти Дружка.

Валентин крикнул: «Фу», и Дружок выпустил руку. Из ран на руке сочилась кровь. Неудачливый ловец обрушился с претензиями на Валентина, что собака покусала его. Люди, наблюдавшие эту сцену, остудили пыл парня.

С наступлением зимнего охотничьего сезона Дружок был постоянным спутником и помощником Валентина. Зайцев он не признавал за дичь и не хотел

преследовать. Валентин разводил кроликов, которых Дружок не трогал и считал своей обязанностью их охранять. Когда он первый раз на охоте среди поля поднял зайца, то бросился за ним и бежал до тех пор, пока заяц не заскочил в кусты. Около кустов Дружок остановился в раздумьи. Видимо, решив, что если заяц не хочет с ним общаться, то пусть убегает себе на здоровье. Так он поступал каждый раз при встрече с зайцами. А вот лис ненавидел лютой злобой, и преследовалх и с голосом по любой чаще, пока были силы.

Лисиц развелось около Шелковичихи несметное множество. Этому способствовали: мусорная свалка, на которой лисы находили пищу, брошенные барсучьи норы, которые заняли лисы и нашествие крыс на поля и огороды дачников.

Началась его ненависть к лисам после одного случая. Валентин поставил в лисью нору капкан, в который попался крупный лис. Дружок обнаружил его первым и сунул нос в нору. Лис его укусил, и у них завязалась драка. Лису капкан не позволял уйти глубоко в нору, а сопротивляться, сидя в норе, было удобно. Когда подоспел Валентин, у Дружка вся морда была искусана в кровь. Пришлось лиса вытаскивать из норы за цепочку, которой капкан был привязан к дереву. Дружок вцепился ему в горло и держал до тех пор, пока тот перестал биться. С той поры у Валентина началась удачная охота на лис.

Как-то летом во двор пришел чужой кот, у него с Котей завязалась драка, шум от которой слышался в доме. Валентин вышел на крыльцо, следом за ним – Дружок. Из-за бани раздавалось яростное шипение и мяуканье. Дружок моментально помчался туда. В следующий момент Валентин увидел мчащегося через огород серого кота, за ним Котю, а следом за ними Дружка. Троица перемахнула через невысокий забор и скрылась в огороде соседей. Валентин схватил поводок и последовал за ними.

Соседский кот заскочил на веранду, через открытую дверь – в комнату и спрятался под диван. Хозяева и гости, сидевшие за столом, удивились резвости кота. Они еще больше были удивлены и даже испуганы, когда вслед за их котом в комнату ворвались крупный черный кот и огромная собака. Котя нырнул под диван за противником, а Дружок распластался на полу, заглядывая под диван и пытаясь лапой вытащить серого кота. Подоспевший Валентин разрядил обстановку. Он взял Дружка на поводок и извинился перед соседями.

Домой Валентин возвращался с Котей на руках и с Дружком на повадке.

Кошкин

Гуляя по лесу около нашего дачного участка, наша невестка Татьяна увидела на тропе маленького серого котенка. Она присела около него и спросила:

– Ты чей? Как ты здесь оказался?

Котенку исполнилось несколько дней от роду, он даже плохо ползал. Таня взяла в руки пушистый мягкий комочек и произнесла:

– Пойдем искать твоих хозяев.

Она обошла соседние дачные участки, но хозяев котенка найти не удалось. Ей пришлось взять котенка себе и увезти домой в Бердск.

Через некоторое время я с женой Наташей приехал навестить семью сына. Увидев подросшего котенка, Наташа спросила:

Как назвали котенка?

– Кошкин, – ответила Татьяна.

– Это же фамилия, – удивилась Наташа, - а как его зовут?

– Это и есть его кличка.

В разговор вмешалась моя внучка Наташа и недовольным тоном произнесла:

– Мои родители не могли дать котенку настоящего кошачьего прозвища, хотели даже назвать Путиком.

Татьяна очень любит животных. Она даже опекает бродячих собак. Постоянно их подкармливала, заставила своего мужа Сашу сделать для них будку.

Кошкин попал в золотые руки и идеальные условия жизни. Вырос красивым пушистым котом. Для отдыха выбрал диван в комнате Саши. Если Саша ложился на диван почитать книгу, он непременно устраивался у него на животе и, свернувшись клубком, спокойно лежал. Рано проявил независимый характер, не принимал ласку от посторонних людей. От моих попыток погладить старался быстрее избавиться и удалиться. Видимо, ему не нравился запах собаки, который всегда от меня исходил. Он оказался отличным охотником за мышами, проявляя повадки своих диких предков. Однажды утром его не оказалось в доме. Татьяна в расстроенных чувствах, обыскав весь дом, открыла наружную дверь и в изумлении остановилась на крыльце. Перед ней лежали две задавленные мыши. Выяснилось, что Кошкин через открытую форточку выпрыгнул во двор и всю ночь успешно охотился. С тех пор он днем спал на диване, а на ночь уходил на охоту.

Уезжая в отпуск, Таня с Сашей попросили нас на время приютить Кошкина. Держать его на даче вместе с собакой Музой было опасно. Мы решили, что это время Наташа поживет в городской квартире и будет ухаживать за Кошкиным. Передавая кота на попечение, Татьяна дала наставления:

– На улицу Кошкина не выпускать, дверь на балкон не открывать, форточки держать закрытыми.

Она очень дорожила котом и боялась его потерять. Кошкин первое время очень скучал по ней. Он прыгал на тумбочку, с нее на шкаф, где стояла корзинка, в которой его привезли, терся головой о корзинку и ложился рядом с ней. Видимо, от корзинки исходил запах его хозяйки.

Как-то я приехал с Музой в квартиру забрать нужные вещи. Кошкина закрыли в спальне. Муза улеглась в коридоре около дверей спальни и несколько часов караулила кота. Уж очень ей хотелось с ним «познакомиться».

Постепенно Кошкин освоился в новой обстановке, признал Наташу хозяйкой и ходил за ней по пятам. В какой комнате находится она, там и он. По вечерам, когда Наташа включала телевизор, запрыгивал на стол, поворачивался спиной к экрану и весь вечер, молча, смотрел на нее. Ее это умиляло, и она не прогоняла его со стола.

Вернувшись из отпуска, Татьяна, прежде чем направиться домой, заехала за Кошкиным. На звонок в дверь он вместе с Наташей бросился к двери. Раньше на звонки он никогда не реагировал.

Войдя в коридор, Татьяна взяла Кошкина на руки и прижала к себе. Встреча двух любящих сердец была радостной и трогательной.

Близкие сердцу

Из своего детства я помню, что у нас всегда была цепная собака. Маленькому, мне родители запрещали подходить к ней близко, чтобы не укусила. Стоя в отдалении, подолгу наблюдал за ней. Мне было жаль привязанного пса, лишенного возможности побегать, хотелось подойти и погладить его. Он внимательно смотрел на меня и приветливо вилял хвостом. Возможно, ему тоже хотелось, чтобы я подошел к нему и погладил по мягкой густой черной шерсти. Позже, читая книги о пограничниках и их верных собаках, мне всегда хотелось иметь такого верного и преданного друга. Такая возможность представилась уже в зрелом возрасте.

Проживая в Заполярье, познакомившись с местными охотниками, я уяснил, что для охоты на севере нужна только лайка. С другой породой собак здесь в суровых климатических условиях делать нечего. Лаек держали многие охотники, но ни у одной собаки не было родословной, не говоря уже о полевом дипломе. Я загорелся желанием приобрести породистую лайку с родословной.

Оказавшись в командировке в Новосибирске, зашел к своему приятелю Виктору Константиновичу Ветренко, работающему главным охотоведом области и обратился с просьбой помочь мне купить щенка в питомнике, расположенном в поселке Кубовая. В то время питомник принадлежал Управлению охотничьего хозяйства Новосибирского облисполкома. Выслушав мою просьбу, Виктор сказал:

– Мы продаем щенков только по разнарядке Министерства. Все заявки промысловые хозяйства подают в Москву, а нам спускается разнарядка: кому и сколько щенков продать.

Такая причина отказа в продаже щенка меня озадачила, и я спросил:

– В Министерстве разве могут знать, сколько щенков родила каждая сука?

– Они знают общее число щенков по нашим сообщениям.

– Разве щенки никогда не дохнут?

– Случается, что дохнут, иногда может сука в большом помете по неосторожности задавить щенка.

Я уцепился за эту мысль и стал давить на его чувства:

– Так продайте мне щенка из большого помета, который может погибнуть. Этим ты поможешь товарищу и спасешь жизнь породистого щенка.

Не знаю, убедил я его или нет. Скорее всего, чтобы избавиться от меня, Виктор достал из стола лист бумаги со штампом: «Главный охотовед области» и написал записку директору питомника, чтобы он продал мне одного месячного щенка.

Спрятав в карман драгоценную бумагу, я поблагодарил Виктора и поспешил покинуть Управление охотничьего хозяйства.

В те годы, не имея собственного транспорта, добраться до Кубовой было сложно. Поехать со мной за щенком предложил мой школьный приятель Анатолий Лещинский. От Чернышевской пристани мы поплыли на моторке, следовавшей до Кудряшевского бора, и сошли на берег в Красном Яру. Затем пешком по сосновому бору добрались до Кубовой.

Директор питомника Александр Иванович Дуфанец встретил нас приветливо. Узнав, что я приехал из заполярного города Игарки, предложил взять двух щенков, а когда они вырастут сообщить ему об их рабочих качествах. И так у меня оказались в небольшой корзинке, плетенной из лозы, два щенка с кличками – Жим и Жаля, а в кармане родословные с заслугами их предков. Они успешно совершили перелет по маршруту Новосибирск – Красноярск – Игарка. За дорогу я скормил им через соску литровую бутылку жидкой манной каши. Постоянно заглядывал в корзинку и гладил спящих малышей.

Мои сыновья Саша и Дима безгранично радовались приобретению, жене Наташе ничего не оставалось делать, как смириться с проживанием щенков в двухкомнатной квартире. Я соорудил им конуру из картонной коробки и поставил в коридоре.

– Как они будут жить в этой коробке, когда вырастут? – удивилась Наташа.

– Когда вырастут, построю им теплую конуру во дворе, – ответил я.

Щенки росли быстро, научились выполнять команды, приносить поноску. Детям позволяли над собой любые шалости, я часто присоединялся к их играм. Характеры у собак были разные. Жим рос серьезным, послушным, знающим себе цену, Жаля – энергичной, жизнерадостной проказницей. Бывало, жена моет пол, подойдет к Жиму и скажет:

– Жим, уйди из коридора в комнату.

Он беспрекословно поднимется и уйдет. Когда мытье пола подойдет к месту, где лежит Жаля, та даже ухом не поведет.

– Жаля, уходи, я буду мыть пол, – скажет Наташа.

Та продолжает лежать, словно обращаются не к ней.

– Ты не хочешь меня слушаться? Я сейчас тебя мокрой тряпкой шлепну, - скажет Наташа и замахнется на Жалю.

В ответ на такие действия Жаля зарычит, нехотя поднимется и уйдет в комнату.

Щенки в нашей семье вели себя как в стае. До поры вожаком стаи был я, поскольку их кормил.

Во время моих командировок Наташа выходила гулять с детьми и собаками. Однажды, когда прогулка заканчивалась, она позвала собак с собой. Жим послушно пошел к дому, а Жаля продолжала носиться по двору. Тогда она крикнула:

– Жаля, домой! Алик приехал!

Собака моментально прибежала на высокое крыльцо дома, вслед за ней бросился бежать младший сын Дима. Оказавшись в квартире, Жаля обежала комнаты, но не найдя хозяина, успокоилась, поняв обман. Дима, не найдя отца, горько заплакал. С обидой за обман, глядя на маму мокрыми глазами, спросил:

– Где папа?

Наташе пришлось успокаивать сына и объяснять ему, почему она так поступила.

Лето в тот год было жарким, что довольно редко для Заполярья. В предыдущий год мне все лето приходилось ходить в меховой куртке. Мы всей семьей с собаками отправились на песчаный берег Енисея. Ребята и подросшие щенки носились по песчаной отмели вперегонки. Солнце пекло, как на Черноморском побережье. Енисей, на удивление спокойно, катил свои воды в Ледовитый океан. Двое молодых людей, гуляющих с девушками по берегу, решили искупаться. Зайдя в воду по пояс и окунувшись, они выскочили на берег как ошпаренные. Мне захотелось научить собак до открытия охоты на уток доставать поноску из воды. Они охотно приносили мне палки, брошенные на берегу. Когда я бросил палку в воду недалеко от берега, Жаля не задумываясь бросилась за ней, а Жим остановился у кромки воды. Я бросая палку все дальше и дальше от берега, Жаля плыла за ней и выносила ее на берег. А Жим боялся замочить лапы.

Наблюдавшие за нами зрители советовали:

– Заведи собаку на мостки и спусти в воду. Вмиг научится плавать.

Я допустил непоправимую ошибку, послушавшись этих советов. Жим выплыл на берег, но с тех пор стал бояться близко подходить к воде. Надо было постепенно без принуждения приучать его к воде.

Наступил сезон охоты на уток. Продвигаясь по берегу вдоль озера, заметил выводок уток. Сделав полукруг, осторожно, прячась за кустами, подошел к месту, где видел уток. Передо мной плавал табунок чернетей. После выстрела утки скрылись под водой, лишь одна осталась на поверхности озера и била крылом по воде. На выстрел прибежали собаки. Жаля, увидев на воде бьющуюся утку, прыгнула в воду с метровой высоты берега и вынесла на отмель добычу. Жим отошел от берега.

Мои попытки заставить Жима приносить мне битую утку, успеха не имели. Запах утки ему был неприятен, и он не хотел брать ее в пасть.

С наступлением охоты на пушного зверя, я каждое воскресенье ходил с собаками в лес, который вплотную примыкал к старой Игарке, всего в двух кварталах от моего дома. В тридцатые годы сосновый лес был вырублен, за тридцать лет вырос молодой, над которым местами возвышались старые сосны, сохранившиеся как семенники. Для меня охота была забавой. Обычно проходил десять километров до реки Гравийки, делал круг и возвращался домой. Мне нравилось изучать новые места, чувствовать себя первопроходцем. Разбросанные вдоль реки валуны моренного происхождения представляли картину далекого прошлого после прохождения здесь ледников.

Моей добычей были белки, иногда соболь. Стрелял их из ружья двенадцатого калибра, и шкурки имели множество дырок от дроби. При сдаче пушнины в заготовительный пункт приемщик пушнины предложил мне купить

мелкокалиберную винтовку. Покупка винтовки за тридцать пять рублей считалась почти даром. С тех пор белок и соболей я стрелял только в голову.

Однажды собаки ушли за Гравийку. На охоте вожаком стаи стал Жим. Он увел за собой Жалю, и мне пришлось идти по следу за ними. Там не было сплошной тайги. Множество озер и участков тундры как ожерельями окаймляли сосновый лес. Охотничьи лыжи легко скользили по неглубокому снегу. С северной стороны от следа собак белоснежными скатертями лежали замерзшие озера и бугристые поля участков тундры. Следы шли по пихтачу и привели на высокую гриву, поднявшись на которую, услышал лай собак. Приблизившись к ним, увидел, что они лают на завал из поваленных деревьев, прикрытый снегом. При моем приближении, чувствуя поддержку, они озлобились как никогда. Такого злобного лая у своих собак я еще не слышал.

«Берлога! – обожгла меня мысль, – что делать? Подойти ближе к берлоге и взять собак на поводок опасно. Если хозяин берлоги выскочит, нам не миновать беды. С мелкокалиберной винтовкой на медведя не ходят».

Пришлось сказать собакам «фу» и повернуть назад. За моей спиной долго раздавался их лай. «Не дай Бог выскочить медведю из берлоги и порвать моих собак», – думал я. По пути несколько раз стрелял, чтобы привлечь их внимание. Жим и Жаля догнали меня на полпути. «Живы и невредимы, значит, медведь остался в берлоге», – подумал я.

Через неделю задолго до рассвета, который в это время года начинается после одиннадцати часов, мы двинулись на медвежью охоту. За мной по тайге следовали Виктор Морозюк и два охотника, которые представились Вениамином и Владиславом. Они, перекинув через плечи постромки, тащили за собой нарты. С нами бежали пять собак. Старая лыжня еле угадывалась в полутьме под выпавшим снегом. Меня это не очень волновало. Я хорошо знал направление на гриву с берлогой, а там собаки помогут отыскать мишку в его зимней квартире. Мне не доводилось охотиться на медведя зимой, и меня переполняли радостно-тревожные чувства предстоящей охоты. Беспокойство вызывали только мои молодые неопытные собаки. «Как бы ни попали под тяжелую лапу топтыгина», - думал я.

К берлоге подошли в светлое время суток. Холодное солнце висело низко над тайгой. Казалось, что щеки обжигает не мороз, а солнечные лучи. За неделю берлогу сильнее завалило снегом. Из сугроба через небольшое обледеневшее чело струился теплый воздух. Собаки устроили настоящий концерт. Их многоголосый лай, думалось, может поднять мертвого из могилы, но медведь не хотел покидать теплую берлогу. Мы стояли дугой с ружьями наизготовку, ожидая появления зверя.

Один охотник не выдержал долгого ожидания, отошел к нартам, достал топор и срубил высокую стройную молодую пихту. Очистив ее от веток и оставив на вершине ерш из коротких сучков, протолкнул шест через снег в берлогу. Медведю не понравились толчки шестом. Раздался треск веток, взметнулся фонтан снега, и над белоснежной поверхностью берлоги появился медведь. Дневной свет ослепил и остановил его на доли секунды. Может быть, он решал на

кого ему броситься – на собак или людей. Этого времени было достаточно, чтобы прозвучали выстрелы, и хозяин тайги повалился на бок.

– Зачем торопились стрелять? – произнес твердым голосом Морозюк, - надо было дать ему время вылезти из берлоги, теперь придется самим его вытаскивать.

Собаки с яростью набросились на поверженного зверя. Жим вцепился в загривок и трепал медведя с такой яростью, что в стороны летели клочья шерсти.

– Вена, – обратился к приятелю Владислав, – пошуруй еще в берлоге шестом, может, там пестун остался.

Морозюк, глядя на Жима, обратился ко мне:

– Ты не забыл, что обещал мне щенка из первого помета?

– Конечно, не забыл, первый щенок будет твой.

При возвращении домой, натягивая лямку от загруженных нарт, у меня не было того чувства, которое испытывал перед охотой. Я не испытывал радости. Охота мне представлялась добычей обреченного зверя.

Рыбак и Трезор

Эту историю рассказал мне мой приятель Анатолий Орел, который жил в поселке Березовке на берегу реки Ини. Иня – один из крупных притоков Оби на территории Новосибирской области, берет начало в горах Кемеровской области, довольно многоводна весной и в период таяния снега в горах. Рыба в ней водится разная. Правда, периодически исчезает при сбросе ядовитых отходов из кемеровских промышленных предприятий. Весной рыба из Оби заходит на икромет и запасы ее быстро восстанавливаются. Вот раки после такого сброса исчезли и не встречаются в реке уже несколько лет.

С Орлом нас сблизили несчастья. У меня на охоте пропала гончая собака по кличке Гобой. Разыскивая ее по ближайшим селам, прежде всего заходил к охотникам - гончатникам. Орел принял активное участие в поисках моей собаки. Вскоре и его постигло несчастье – у него погибла гончая. Я поехал на Алтай к известному заводчику гончих Филягину и купил щенков, одного подарил Орлу. Он дал ему кличку Гобой в память о моем выжлеце.

В очередной раз мы встретились на рыбалке. Оба облюбовали заводь на Ине. Течение вырывалось из-за мыса, проносилось мимо небольшого плеса стоячей воды и уносилось мимо тальников, росших в воде вдоль берега. Рыба, поднимаясь по течению, не обходила эту заводь.

– Был у меня интересный случай на рыбалке в этом месте, – начал рассказывать Орел. – Поставил поздно вечером сеть вдоль тальников ниже заводи, намереваясь рано утром снять ее до прихода рыбаков. У сельского жителя всегда уйма дел, а в этот день жена попросила меня отогнать корову в стадо. Пришлось на рыбалку припоздниться. За мной увязался пес-кавказец Трезор. Собака злая, во двор никого не пустит, но на улице людей не трогает. Возвращаться и закрывать его во дворе времени не было. Думаю: пусть немного

побегает. Прихожу и вижу: вдоль моей сети ходит голый человек, выбирает рыбу и складывает в целлофановый мешок.

– Ты что делаешь! – кричу ему, – охламон, ты этакий.

– Тебе что, рыбы жалко? – отвечает и продолжает свое дело.

– Сеть-то не твоя, попросить надо было, я бы тебе рыбы дал.

А он послал меня подальше отборной бранью. Разозлился я, схватил его сапог и запустил в него. Сапог пролетел мимо, упал на быстрине и поплыл по течению. Я схватил второй сапог и запустил им в нахала. Сапог поплыл следом за своим напарником. «Рыбак», поливая меня руганью, пошел к берегу. В это время на нашу перебранку прибежал Тризор и своим басом возвестил, что готов стать на защиту хозяина. Пасть у него такая, что булку проглотить может. «Рыбак» побоялся выходить на берег около меня. Я схватил его одежду и бросил в воду со словами:

– Оденься, не так больно будет, когда собака тебя драть начнет.

Одежда поплыла вслед за сапогами, а «рыбак» отправился вниз по течению, чтобы выбраться на берег в просвете между тальниками. Трезор бросился по берегу следом за ним и не выпустил его из воды. Вскоре вижу, «рыбак» поплыл на противоположный берег реки, вышел из воды в чем мать родила и побежал к подвесному мосту, чтобы вернуться на свой берег.

– Через несколько дней я узнал окончание этой истории, – продолжал Орел. В одном из дачных кооперативов работает сторожем наш деревенский парень Сергей. При встрече он мне рассказал: «Стою я как-то утром около магазина, женщины собрались перед открытием. Смотрю – бежит мимо голый мужчина. Одна женщина удивилась:

– Пьяный, что ли?

Не похоже, – отвечает вторая, – наверное, был у любовницы, а муж домой вернулся.

Нагай

Испытания гончих собак проводились на землях совхоза «Садовод». В заброшенных садах зайцы облюбовали заросли черноплодной рябины и облепихи. Им там удобно было скрываться от своих недругов – лис и бродячих собак. Охотники – владельцы гончих – собрались на берегу пруда, вытянувшегося более чем на километр по руслу речки Крутихи. Бабье лето дарило последние погожие дни осени: солнце заливало лучами поверхность водоема, играло блесками на листьях деревьев, росших на холмистых берегах пруда, в воздухе летало множество паутинок. Березовый лес оделся в прощальный желтый наряд.

У меня недавно после укуса клеща скончался выжлец Фагот. На испытания я пришел, чтобы посмотреть и послушать работу гончих. Гончатники хорошо представляют состояние человека, потерявшего собаку в расцвете сил, которой

отданы годы на воспитание и подготовку к работе. Глядя на меня, известный заводчик гончих Сергей Солодовченко сказал:

– Не переживай сильно, чтобы забыть потерю, необходимо приобрести новую собаку.

– Надо много времени, чтобы вырастить из щенка хорошую собаку, – ответил я.

– Дарю тебе одного из своих выжлецов, – сказал Сергей.

– Такой дорогой подарок не могу принять.

Сергей подошел к привязанному у дерева семимесячному щенку, поднял его на руки и отнес в мою автомашину. Все присутствующие охотники стали уговаривать меня не отказываться от подарка. Александр Крутин подвел итог уговоров:

– Отказываться нельзя, когда дарят от чистого сердца.

Так на моей даче оказался выжлец по кличке Нагай. Около месяца я не выводил его в лес, держал во дворе, во время кормления стоял рядом, часто ласкал, завоевывая доверие и любовь. Приучил прибегать на сигнал охотничьего рога и выполнять простейшие команды.

Через месяц, при первом выходе в лес, я переживал: «Не убежит ли от меня мой питомец?» Когда Нагай вдоволь набегался, подал сигнал в рог. Он прибежал ко мне, в его умном взгляде чувствовался вопрос: какую команду надо выполнить? Угостив его пряником, произнес:

– Пойдем домой!

Возвращались мы рядом, как равные партнеры. Меня переполняла радость – Нагай признал меня хозяином и партнером в лесу.

Ежедневные выходы в лес дали свои результаты. Нагай научился находить, поднимать и гонять зайцев. За это время возмужал, грудь раздалась, лапы стали мощными и сухими. Он вырос спокойной, ласковой и добродушной собакой.

На охоту по первому снегу мы поехали в деревню Алексеевку Мошковского района к моему давнему приятелю Володе Трофимову.

В большой деревне после перестройки осталось с десяток жилых домов, остальные разобраны и вывезены или стоят с заколоченными окнами. Дома разбросаны по склону, спускающемуся к пруду у плотины на небольшой речушке. За прудом высокий холм, покрытый хвойным лесом. Дальше на возвышенности идут поля с березовыми колками, сенокосные луга, изрезанные многочисленными логами. Вот в этих местах нам предстояло завтра охотиться.

Володя, городской житель, шофер высшей квалификации, после ухода на пенсию купил в Алексеевке дом и занялся сельским хозяйством. Он держит корову, лошадь, овец, кроликов и разную птицу. Животных очень любит и балует. Овечка ходит за ним по пятам, стараясь вытащить из кармана сухарик или пряник. Стоит ему подойти к лошади, она моментально начинает обнюхивать его карманы, требуя гостинцы.

Жена Володи – Альбина, симпатичная энергичная блондинка, встретила нас радостно и приветливо. Знакомы мы очень давно по совместным дальним поездкам за кедровыми орехами и клюквой.

Ночью выпал небольшой снежок, предвещая хорошую охоту. Чуть свет мы вышли из дома, спустились к пруду, перешли по плотине на противоположный берег и стали подниматься по распадку на плато. Стояла теплая погода, редкие снежинки плавно опускались на землю. Дышалось легко и свободно. Чистейший воздух очищал легкие, привыкшие к городскому воздуху, насыщенному выхлопными газами автомашин и выбросами из дымовых труб. Не успели мы пройти километр, как из кустов выскочили три козы, пересекли перед нами дорогу и грациозными прыжками умчались в гору. Нагай с голосом бросился их преследовать.

Охота на зайцев была испорчена. Когда я понял, что козы к месту лежки не вернутся, отправился по их следу разыскивать Нагая, постоянно подавая сигналы из рога. Двигаясь по следам собаки и коз, я изучил окружающую местность, побывал во многих логах и лесных массивах. На моем пути попадались свежие следы зайцев, но они меня не интересовали. Во второй половине дня повалил хлопьями снег и завалил следы. Мне пришлось повернуть назад. Около места, где встретили коз, воткнул в снег две палочки и надел на них перчатки.

В дом Трофимовых пришел в темноте. Меня встретили вопросом:

– Нашел собаку?

– Не нашел, хорошо, что сам не заблудился.

Ночью спал плохо, вспоминал Нагая. Постоянно думал: «Неужели потерял навсегда собаку на первой охоте». Поднялся с постели задолго до рассвета, оделся и тихонько вышел из дома, чтобы никого не будить. К оставленным перчаткам шел с тревожной надеждой найти там гончака. В полумраке около воткнутых в снег палочек увидел темное пятно, которое постепенно увеличивалось в объеме, ко мне навстречу медленно шел Нагай, виляя хвостом. Сердце радостно забилось, мы оба были рады встрече. Я встал перед ним на колени и обнял его за шею. Забирая перчатки, увидел лежку, на которой Нагай дожидался меня. Каким-то чувством он понял, что я должен придти за оставленными вещами.

С тех пор Нагай неоднократно уходил за козами и лосями, гонял их по несколько дней, но всегда возвращался домой. Трудно понять, какой великолепный инстинкт надо иметь, какое чувство пространства и топографии, чтобы оказавшись за многие километры в незнакомом лесу, через лога и поля добраться до дома. Нагай превосходно обладал этими чувствами.

Карина

В теплый воскресный день, когда дачники занимались своими делами на приусадебных участках, их внимание привлек всадник, проезжающий по узкой улице дачного кооператива. Одетый в камуфляжную форму, он гордо восседал на гнедой кобылице. Подъехав к калитке моего участка, всадник легко спешился, привязал лошадь к ограде и вошел во двор.

Это был мой приятель Олег Георгиевич Мыслин – потомственный казак, родословная которого прослеживается до семнадцатого века. Мы оба многие

годы работали в областном управлении архитектуры и у нас сложились приятельские отношения. Меня всегда удивляло, что он, городской житель, имеет собственную лошадь. Вот что он мне рассказал во время наших встреч:

« В детстве каждое лето проводил на Ине в поселке Ремесленный. С деревенскими ребятишками помогал пасти, гонять на водопой и купать совхозных коней. Затем ездил верхом в конных клубах Новосибирска. Езда на лошадях доставляла особую радость. Вот так, с ранних лет, я стал мечтать о собственной лошади. Никогда не упускал случая поездить верхом, где бы я ни находился.

Сторож нашего дачного общества талыш Алихан – страстный любитель и знаток лошадей. Талыши – персидская народность, проживающая на юге Азербайджана и севере Ирана. Первым делом он приобрел молодую кобылицу Карину, ставшую хорошей помощницей в его хозяйстве. С Алиханом я быстро подружился. Он оказался трудолюбивым, порядочным и бывалым человеком.

Приезжая на дачу, я всегда отправлялся верхом на Карине вдоль берега Ини или к пруду у поселка Быково. Первое время Карина относилась ко мне настороженно. Алихан проводил с ней много времени, и она привыкла к своеобразной манере обращения с ней. Он постоянно разговаривал с Кариной, и создавалось впечатление, что она понимает его. У Алихана особенный посвист, услышав который, Карина отзывалась забавным ржанием, напоминающим блеяние овцы, и всегда шла на этот сигнал.

Карина стала приносить потомство. Первой появилась на свет Кармелита, через год – Казбек. Карина оказалась заботливой и внимательной матерью. В поле она наслаждалась пробежками, постоянно оглядываясь на жеребят. Если жеребенок отставал, издавая жалобное ржание, она без команды переходила на шаг, поворачивала голову и поджидала отставшего.

Время быстро летело, Кармелита с Казбеком выросли. Содержать «табун» Алихану стало трудно и дорого. Он задумал продать кого-нибудь из своих питомцев, но не мог решить кого продать, с каждым было жалко расставаться.

За три года я привязался к Карине, научился ее понимать, чувствовать настроение. Да и Карина ко мне привыкла. Видя, как не просто хозяину расстаться с кем-нибудь из друзей, я предложил «купить» у него Карину. При этом она остается со своим хозяином и детьми, а я беру на себя все обязанности по ее содержанию. Алихан обрадовался такой сделке, мы ударили по рукам. Вот так и сбылась моя детская мечта.

Вскоре я понял, что к лошадям нужно особое отношение. Обычно относился к ним как к собакам: ласкал, кормил и ожидал взаимности. Карина оказалась сложнее этого стереотипа, проявляя не только недюжинный ум, но и хитрость, и более сложные «черты характера». У нее выразительные хитрые глаза. Она может быть, по настроению, тихой, послушной и даже «предупредительной». В некоторых случаях становится капризной, обидчивой и даже вздорной. В такие моменты она может легонько укусить за руку, бок или схватить шапку. Делает это не в полную силу, а как бы демонстрируя свое отношение к тому, что я слишком сильно затянул заднюю подпругу или допустил другую ошибку. Ее

поведение можно предугадать. Она, как и все лошади, предварительно прижимает уши. Это верный признак недовольства или агрессии.

Карина никогда не лягает людей. Хотя таким образом успешно отгоняет от себя не в меру назойливых поклонников или расшалившихся жеребят.

Ее отец – орловский рысак – наградил Карину длинным поджарым корпусом, небольшой сухой головой, размашистым быстрым аллюром рысью. Она любит скакать. В галоп срывается сразу, как только ей позволит всадник. Подгонять ее не надо, стоит лишь немного отпустить повод, слегка сжать голенями бока и податься в седле вперед. Она моментально улавливает намерение всадника и с шага срывается в галоп. На развилках дорог мне достаточно погладить ее по боку или сказать: скачем вправо, и она уверенно выбирает нужное направление.

У Карины отличная память. Стоит мне один раз проехать сложным маршрутом, она может его точно повторить даже через год. Меня всегда удивляет ее способность ориентироваться в незнакомой местности. Куда бы я ни заехал, она всегда найдет дорогу домой.

Из всех лошадиных лакомств Карина предпочитает хлеб. Когда я иду за ней в поле с краюхой хлеба, она выражает предвкушение лакомства особым негромким звуком, напоминающим что-то среднее между ржанием, блеянием и храпом.

Больше всего она любит чистку. Стоит при этой процедуре не шелохнувшись, только иногда слегка приподнимает то одну, то другую ногу, выражая удовольствие тихим ржанием. . .

Услышав лай Музы, я вышел во двор и, увидев Олега, направился навстречу для дружеского рукопожатия. Его приезд всегда радостное событие для нас. Жена Наташа напекла булочек, я приготовил рыбу для копчения.

Когда мы вошли на веранду, Наташа, поздоровавшись с Олегом, сказала:

– Сейчас я нарежу хлеба для Карины, затем буду угощать вас.

Карина, увидев приближающуюся Наташу, потянулась к ней, шевеля губами и перебирая передними ногами от нетерпения получить гостинец.

С протянутой руки она берет хлеб осторожно, степенно, слегка касаясь ладони мягкими губами. Жует не торопясь, без жадности, смакуя еду, а затем вновь берет осторожно очередной ломоть. «На десерт» не прочь принять кусочек-другой сахара.

Прощаясь с нами, Олег пообещал:

– Следующий раз приеду с жеребенком Куражем – сыном Карины. Пока он еще мал для больших переходов.

Он легко вскочил в седло, и Карина с места помчалась рысью.

Осень

Осень – чудесная пора года. В то же время она – предвестница наступления холодов, прощания с перелетными птицами, наступления умирания и замирания в природе. Деревья в лесу приобретают новую окраску, созревают ягоды, наступает грибная пора, открывается охота на птицу и зверя. В эту пору невозможно усидеть дома.

По лесной тропинке брели двое – Старик и Собака. Они были старенькими и чем-то походили друг на друга. Старик медленно продвигался вперед по тропе, Собака шла по зарослям. Из резвой гончей она давно превратилась в «пешеходную» собаку. Несмотря на возраст, инстинкт заставлял ее искать след зверя. Она периодически выходила к тропе и, убедившись, что хозяин идет по тропе, вновь исчезала в лесу.

Отошли в прошлое времена, когда Старик охотился в этих местах со своими друзьями. И вот теперь он бредет по лесу с последним своим другом – Собакой. Такие прогулки помогают им не терять интереса к жизни, к природе. Он с наслаждением вдыхал воздух с ароматами леса, присущими только осенней поре. Вот на его пути стоит полусгнивший пень, плотно облепленный опятами. Кажется, что на него одета кольчужная шапка. Вдоль тропы растут сыроежки с розовыми, белыми, желтыми шляпками.

Старик еще не потерял остроту зрения и заметил, как кто-то метнулся с земли на дерево. Присмотревшись, увидел белку, с беспокойством наблюдавшую за ним.

– Не волнуйся, милая, – тихо произнес Старик, – мы тебя не тронем.

Услышав человеческий голос, белка торопливо стрельнула по стволу к вершине и затаилась. В просветах между кронами деревьев просматривалось голубое небо. Неуловимый ветерок легонько раскачивал верхушки берез, с которых бабочками-лимонницами слетали на землю пожелтевшие листья.

Полюбовавшись белкой, старик продолжил путь. Вдоль небольшого ручейка осень раскрасила своими необыкновенными красками березы, осины и черемухи. Она не обошла стороной ни одно дерево, к каждому прикоснулась. Для берез не пожалела позолоты, для осин - киновари, для черемух - пурпура. Ярким кумачом одела калины. Даже трудно разобрать издали, где ягоды, а где листья. На кромке леса огромным костром пылала рябина, длинные языки пламени замерли, не излучая искр и дыма. «Скоро подует холодный северный ветер, – грустно подумал Старик, – как разбойник налетит и сорвет листья с деревьев. Закончится чудная пора в природе».

Неожиданно послышался азартный лай Собаки, волнующий сердце охотника-гончатника. «Нашла все-таки след зайца», – обрадовался Старик и поспешил занять место, с которого можно будет увидеть поднятого с лежки беляка.

Лесную тишину нарушила симфония звуков, милых сердцу охотника. Иногда казалось, что зверька гонят несколько собак. Он давно не берет с собой в лес ружье. Ему жаль наших «меньших братьев», большую радость доставляет наблюдение за их жизнью. Знакомый лай взбодрил его и прибавил сил.

Гон длился недолго, лай оборвался так же внезапно, как и возник. «Быстро устала», – подумал Старик и пошел разыскивать Собаку. Она лежала на траве с раскрытой пастью, высунула язык и тяжело дышала. Увидев хозяина, заскулила от своего бессилия и виновато медленно вилялала хвостом. Он присел, погладил ее по голове и с грустью произнес: «Наступила и наша с тобой осень. Отдохни немного, и повернем в обратный путь». Услышав

спокойный голос хозяина, Собака поняла, что он не сердится на нее, и веселее завиляла хвостом.

Необычные встречи

Медвежья грива

Высокая грива, заросшая смешанным лесом, проходила меж двух болот в лесотундре между Енисеем и Обью. За болотами на сырой пониженной местности раскинулся кедровый лес. Там в изобилии водилась боровая птица – глухари и тетерева. Пройти в этот таежный уголок на охоту можно было единственным путем – по гриве. Почти всегда проходя по гриве, Валентин встречал там медведей. Сухая широкая грива, длиной в несколько километров, привлекала их обилием корма. На болотах сколько угодно можно лакомиться клюквой, в кедрачах – «жируй на здоровье» кедровыми орехами.

Осенью, в период изобилия корма, медведи, услышав шаги человека, всегда уходили в сторону и уступали ему дорогу, прячась в чаще или за деревьями. Иногда он видел из-за толстого ствола дерева только торчащий зад зверя. Несколько забавных встреч ему запомнились навсегда.

1

Ранним осенним утром Валентин, захватив котомку, отправился по кромке гривы к облюбованному накануне месту собирать клюкву. Ружье с собой не взял, чтобы не мешало сбору ягод и чтобы не увязались за ним собаки.

Солнце заливало лучами болото, на моховых полянках сияли кумачом большие пятна клюквы. Он не торопился начинать сбор ягод, искал удобное место. Ему нравилось собирать клюкву с кочек. Утопив ведро в мох около кочки, ягоды легко сгребать совком. До его слуха донеслись шлепки по воде. Заинтересовавшись источником этого шума, стал осторожно, прячась за деревьями, продвигаться вперед. Перед ним предстала картина, достойная кисти художника. Ураган свалил в болото старую березу. Ее вывернутые из земли корни лежали на гриве, ствол и крона – в болоте. Медвежонок забирался на ствол березы, проходил по нему до болота и скатывался со ствола в воду. Его занятие походило на увлечение наших детей. Вдали от него на болоте медведица ела ягоды.

Осторожно, чтобы не испугать медвежонка, Валентин повернул назад, сделал полукруг и продолжил свой путь. Он боялся встречаться с разъяренной медведицей, защищающей своего медвежонка.

2

Через несколько дней Валентин вновь отправился по гриве. Шел осторожно подальше от кромки болота, вслушиваясь в птичьи голоса и шорохи в лесу. Со стороны болота доносились всплески по воде от брошенных предметов. Любопытство заставило его повернуть в сторону шума. Прячась за деревьями, не наступая на сухие ветки, подкрался к кромке гривы. На мысе, выдвинутом в болото, лежало поваленное ветром дерево. Медведица выгребала передними лапами из-под корней землю и с силой бросала ее между задних ног в болото. Ее голова и туловище находились в вырытой яме. Куски земли пулеметной очередью отлетали на десять – пятнадцать метров и дробью рассыпались по воде. Ее силе и напряженной работе мог позавидовать любой землекоп. Валентину ничего не оставалось делать, как оставить занятую работой медведицу в покое и продолжить свой путь.

3

Захватив лукошко, Валентин вышел из вагончика. Стоял осенний солнечный день. На голубом небосводе ни одного облачка. Собаки, дремавшие в тени, подняли головы. Убедившись, что хозяин идет без ружья, и значит, им в лесу с ним делать нечего, вновь растянулись на мягкой моховой подстилке. Только щенок Шарик соскочил со своего места и увязался за хозяином. «Пускай побегает, – подумал Валентин, – ему полезно знакомиться с лесом».

Шарик бежал впереди хозяина и постоянно оглядывался, проверяя, не отстал ли тот от него. В стороне оказались поваленные сосны. Шарик подбежал к лесному завалу и щенячьим неокрепшим голосом начал тявкать.

Валентин подошел к щенку, тот прижался к его ноге и продолжал тявкать.

– Когда ты научишься по-настоящему лаять? – спросил Валентин и толкнул ногой Шарика под лежащую сосну.

Раздался шум ломаных веток, с противоположной стороны из-под завала выскочил медведь и помчался под уклон, сверкая пятками.

Шарик провожал его тявканьем. Валентин подошел к щенку, погладил его и произнес:

– Прости меня за то, что я обошелся с тобой грубо. Из тебя вырастет хорошая охотничья собака.

Щенок и ворон

Среди тундры на сухой гриве рос единственный кедр – исполин. Его длинный ствол диаметром в несколько обхватов поддерживал развесистую крону. В нескольких сотнях метров от него за болотом раскинулся кедровый лес, в котором не было таких великанов, как этот кедр. Возможно, он был родоначальником этого лесного массива и сохранился единственный от росшей здесь сотни лет назад кедровой тайги.

Старый кедр облюбовал такой же старый ворон. Возможно, они были ровесниками из прошедших веков. Им было, что вспомнить из увиденного за

свою долгую жизнь. Ворон каждый вечер прилетал к своему другу и ночевал на ветках в густой кроне. Кедр не раз укрывал своего приятеля от непогоды и кормил орехами.

Шли годы, менялись столетия, и вот в тундре появились нефтедобытчики. Они обустроили гриву под свой поселок. Установили вагончики для жилья, поставили столовую, а недалеко от кедра устроили помойку.

Старый ворон по-прежнему прилетал поздно вечером к кедру, ему не нравилось соседство непрошеных гостей, но он не мог изменить своей привычке и покинуть преданного друга. Вскоре ворон понял, что от соседства людей можно извлечь пользу. На помойке всегда можно найти достаточно корма, если не удалось его раздобыть в тайге.

В тени под кроной кедра облюбовал место щенок. Ворон знал, что на дереве любая собака птицу не достанет. Поэтому не обращал внимания на щенка, который ростом был меньше его.

На кедре созрели орехи, и ворон решил ими полакомиться. Он не мог, как кедровка, сидеть на тонкой ветке и шелушить шишку. У него был свой метод, отработанный за многие годы. Тяжелым крепким клювом ударял по шишке и сбивал ее на землю. Затем слетал к шишке и добывал из нее орехи. Так поступил и на этот раз. Резким ударом клюва оторвал шишку от ветки, которая полетела на землю и ударила дремавшего щенка. Тот взвизгнул от неожиданности и вскочил на ноги. Увидев катящуюся от него шишку, бросился за ней и, схватив ее в пасть, со злостью начал жевать. Кедровая смола прилипла у него во рту, и он выплюнул жеваную шишку.

Ворон с любопытством наблюдал за щенком. Ему не понравился соперник, который подобрал сбитую им шишку. Он сбил еще одну, щенок мгновенно бросился за ней, но в пасть брать не стал. Ворон продолжал сбивать шишки, а щенок бегать за ними. Наконец, ворону надоело дразнить щенка, и он полетел в тайгу, где можно без помех полакомиться орехами.

Как-то ворон увидел, что щенок грызет мясистую аппетитную косточку. Он слетел на землю и стал прыгать около щенка. Тот бросился на ворона, который ловко увернулся и отлетел дальше. Щенок вернулся к косточке. Ворон вновь подлетел к нему и стал дразнить, издавая хриплые звуки. Щенок бросился на него, ворон отлетел метра на два и стал манить щенка за собой, тот вновь бросился за птицей. Так продолжалось до тех пор, пока щенок не отбежал от косточки на приличное расстояние. Ворон взлетел, пролетел над щенком, схватил косточку и уселся на дереве. Обескураженный щенок задрал вверх голову и стал тявкать на умную птицу.

Ворон не мог, сидя на ветке, держа в клюве косточку, ей воспользоваться. Он привык добычу клевать на земле. Сделав попытку прижать косточку лапой к ветке, уронил ее на землю. Щенок мигом подхватил косточку и начал обгладывать мясо. Ворон слетел с дерева и, притворившись раненым, стал манить щенка за собой. Эта сцена повторялась несколько раз, косточка переходила от одного владельца к другому.

Хозяин щенка наблюдал из окна вагончика и думал: «Ворон тренирует будущую охотничью собаку».

К осени щенок подрос, возмужал и поумнел. Как-то ворон увидел его, лежащего без признаков жизни. Каркал с дерева, чтобы разбудить и подразнить, но щенок не реагировал на все его попытки. «Может, он околел, - подумал ворон, - и пора собирать на пир своих сородичей». Чтобы убедиться в своем предположении, ворон слетел на землю и, каркая с приличного расстояния, постепенно приближался к жертве. Щенок не дрогнул ни одним мускулом, казался мертвым. Ворон с опаской приблизился к хвосту и клюнул в кончик. Реакции щенка не было. Осмелев, ворон подошел ближе. Щенок молниеносно вскочил и вцепился в бок противника. Ворон хлопнул по земле большими крыльями и взлетел в воздух, оставив в пасти щенка пук черных перьев.

Так щенок отомстил ворону за издевательства над собой в детстве.

Волки

Октябрь в том году выдался снежным. Часто налетала пурга, ветер подхватывал снег и разносил его по бескрайним просторам тундры. Воздух наполнялся снежной пылью, становился густым, затруднял дыхание. Крутящиеся снежные вихри беспрепятственно носились по занесенной снегом равнине. В такие снежные дни табун северных оленей в несколько сот голов ложился на отдых. Их полностью заносило снегом, равнина становилась бугристой, из многих бугров торчали ветвистые рога, как одинокие кусты тальника.

Когда стихала пурга, олени начинали продвигаться на юг, в лесотундру, где можно укрыться от пронизывающих ветров и легче добывать из-под снега ягель. Они легко разгребали копытами мягкий снег и поедали свой любимый корм. Впереди и по бокам прокладывали дорогу крупные самцы с острыми ветвистыми рогами, которые служили грозным оружием против главного их врага – волка. В центре табуна шли важенки с подросшими за лето оленятами. Погода с ветром и без гнуса в весенний период позволила сохранить хороший приплод, многие важенки имели по два детеныша. У белой важенки родилось два олененка. Они имели разные характеры, мать внимательно наблюдала за ними. Смирный не отходил от нее далеко, он всегда был сыт, поедая разрытый ее копытами ягель. Смелый носился по табуну, приглашая сверстников вместе побегать. Он был развитей и крепче Смирного. Мать, наверное, гордилась им и надеялась, что из него вырастет крупный северный олень.

Полярная ночь еще не наступила, табун торопился уйти из открытой со всех сторон тундры. В этих местах в ноябре солнце скроется за горизонт и наступит долгая полярная ночь, появится солнце вновь только в конце января.

За табуном оленей шла стая волков. Они, как пастухи, постоянно следовали за оленями. Это было их стадо. Они не позволяли другим своим сородичам близко приближаться к нему.

Стаю вел опытный полярный волк. Он много раз встречал и провожал зиму, на его густом загривке стала появляться седина. Ему хорошо были знакомы законы тундры и все методы охоты на оленей. Одинокого оленя можно было окружить, ему никогда не вырваться из волчьего кольца. Небольшой табунок оленей можно загнать на засаду, успех будет гарантирован. С крупным табуном такой прием неприемлем. Вожак помнит молодые годы, когда несколько молодых волков устроили засаду перед огромным табуном оленей. Они ждали, когда табун подойдет к ним, чтобы неожиданным броском погнать оленей в сторону и наброситься на зазевавшегося оленя. Неожиданно табун кого-то испугался и понесся на них. Только будущий вожак, один, успел отскочить в сторону, остальные были смяты, и по ним прошлись сотни копыт. Когда табун скрылся, на снегу тундры остались только кровавые пятна мясного волчьего месива, втоптанного в мох.

Сытые волки не преследовали табун. У табуна всегда была передышка – покормиться и отдохнуть. Проголодавшись, Вожак поднимал стаю. В нее входили прибылые, переярки, волчица и несколько взрослых волков. Они по следу догоняли табун и начинали погоню. Больные и слабые олени отставали и становились их добычей. Так из года в год шла естественная выбраковка поголовья.

Волки медленно шли по следу табуна, как вдруг вожак остановился. Запах свежего следа незнакомого волка взбесил его. Кто осмелился пойти за его табуном? Вытянув спину и хвост, он начал со злостью скрести снег лапами, давая стае знак начать преследовать нарушителя закона.

Нарушителем был старый одинокий волк. Он никогда не был вожаком, многие годы успешно охотился со своей стаей. Все обязанности у волков были распределены. Ему предназначалось находиться в засаде. Сила и ловкость позволяли в несколько прыжков настигнуть и мертвой хваткой схватить за горло и повалить оленя. Подоспевшая стая помогала покончить с жертвой. Постепенно он старел, сила и ловкость поубавились. После того как первый раз в жизни промахнулся и упустил оленя, волки враждебно смотрели на него. Эти взгляды красноречиво говорили о том, что при следующем промахе они набросятся и разорвут его. Опыт подсказал, что надо покинуть стаю. Весну и лето, питаясь леммингами и песцами, вел сытое существование. С наступлением холодов и появления снежного покрова подолгу приходилось голодать. Встретив следы оленей, он пошел за табуном. Какой волк упустит возможность полакомиться олениной?

Он не только услышал, почувствовал всем телом погоню за собой. Резко обернулся, сел на снег и оскалил зубы. К нему приближалась стая волков, обходя его полукругом. Понимая, что наступает его конец, решил оказать сопротивление. Ощетинившись и оскалив зубы, приготовился к схватке. У него еще были силы, чтобы разорвать плечо первому, налетевшему на него молодому волку и вцепиться в горло второму. Он знал, что гибель одного из волков могла отвлечь от него внимание стаи, но силы были неравные. Его участь была решена в считанные минуты.

Олени медленно продолжали продвигались по тундре. Телята держались ближе к маткам, около их копыт легче добыть корм. Некоторые пытались подойти к участку, очищенному от снега натренированными ногами оленей рогачей, но при дружелюбном отношении к ним самцов, торчащие у поверхности снега рога, не давали возможности воспользоваться очищенным от снега ягелем. Они еще не знали, какого запаха и шума надо опасаться. Телята во всем подражали своим матерям и верили, что рядом с ними безопасно.

Внезапно олени, замыкающие табун, почувствовали опасность, они сорвались с места и стали напирать на впереди идущих оленей. Их страх передался табуну, подняв высоко головы, быстроногие обитатели тундры стремительно понеслись по белоснежной равнине. За их спиной поднималось снежное облако, прикрывая их путь, как дымовой завесой.

Волки следовали по пятам, они не стремились преодолеть снежную завесу, зная, что скоро какой-нибудь олень выбьется из сил, отстанет от табуна и будет их добычей.

Табун приближался к берегу Енисея. Волки торжествовали. Они ожидали, что олени остановятся перед препятствием, повернут назад, и у волков будет добыча и славный пир на берегу реки.

Их надежды не оправдались. Табун по крутому склону спустился на лед реки. Олени знали, что по льду волкам их не догнать, решили оторваться от преследователей и скрыться на противоположном берегу.

По льду разносился звенящий шум от сотен копыт. Этот шум привлек внимание одинокого рыбака, проверяющего сеть недалеко от берега. Рядом с ним лежали две собаки, запряженные в легкие ездовые нарты.

Рыбак повернулся в сторону шума, собаки соскочили и ощетинились. Через Енисей устремилась живой волной темная колышущаяся масса оленей.

– Что они делают? Куда несутся? – испуганно проговорил рыбак.

. . . Навигация в том году сильно затянулась. Запоздали два морских лесовоза, которых только вчера увел за собой ледокол. По фарватеру Енисея ледокол прорезал канал, который был забит мелкими льдинами, не успевшими за сутки крепко смерзнуться. . .

Табун подлетал к каналу. В бешеной скачке, на полном бегу, передние олени залетели на тонкий лед канала. Послышался треск, льдины расходились, и животные оказались в воде. На них прыгали бегущие сзади. Олени в воде не тонут, образовалась переправа из живых тел, по которой перешел весь табун и унесся к левому берегу реки. Смелый прыгнул на спину плавающего оленя, но сорвался и оказался в ледяной воде. Олени пытались выбраться на лед, некоторым удавалось выбросить передние ноги на кромку льда, но, не имея опоры под задними ногами, они сползали в воду.

Белая важенка почувствовала беду. Она замедляла бег и постоянно оглядывалась, но не видела Смелого.

Эта трагедия проходила на глазах рыбака.

Волки не решились преследовать оленей по льду реки. Они стояли на высоком берегу Енисея и наблюдали за удаляющимся с большой скоростью табуном.

Когда Вожак увидел трагедию, разыгравшуюся на реке, он повел стаю за собой на лед. Голодные волки неслись легкими, длинными прыжками. Они знали, что предстоит обильное пиршество.

Рыбак, увидев стаю волков, сначала испугался. Затем сел на нарты и погнал собак в город. Ему хотелось собрать товарищей, отогнать волков и воспользоваться их законной добычей. Он хлестал собак бичом, заставляя бежать на пределе возможностей, не думая, что может загнать бедных животных. Его охватила жадность к даровой добыче.

В это время волки вытащили из канала несколько оленей, напились теплой крови, рвали туши и глотали куски мяса, иногда вместе со шкурой. Набив желудки до отказа, улеглись на лед переваривать пищу.

Рыбак собрал своих друзей - единомышленников. Захватив с собой ружья, топоры, багры, ножи и лыжи, на нескольких автомашинах помчались к месту трагедии.

Волки, услышав шум приближающихся машин, тяжелой рысцой побежали вдоль канала, затем свернули к своему берегу. На автомашинах легко можно было их догнать и перестрелять, но охотники за легкой добычей даже не подумали об этом. Увидев барахтающихся в воде оленей, бросились доставать их баграми, добивать топорами и таскать к своим машинам. В азарте они были похожи на тех же волков.

Смелый подплыл к кромке льда, надеясь, что двуногие существа помогут ему выбраться из воды. Он почувствовал боль под ребром. Рыбак багром вытащил его на лед и вонзил в его сердце острый охотничий нож.

В тот год многие жители Игарки купили на зиму оленины.

Написав эту главу, вспомнил статью в газете «Известия», напечатанную в семидесятые годы прошлого столетия. Табун оленей в несколько тысяч голов на пути своей обычной миграции наткнулся на проложенную в тундре трубу газопровода. Животные побоялись перейти через нее и двинулись вдоль трубы, которая привела их на улицы Норильска. Многие жители города повели себя не лучшим образом, они бросились заготавливать оленину.

Хитрые зайцы

Заехал как-то ко мне на дачу мой приятель Александр Борисович Крутин с супругой Надеждой и эстонской гончей собакой Дымкой. Я распахнул калитку и вышел их встречать. На заднем сидении машины стояла Дымка и перебирала лапами от нетерпения, когда ее выпустят из машины. Она всегда сопровождала своего хозяина во всех поездках. Заднее сидение машины было ее местом, как, впрочем, и у моей собаки Музы. Собаки, живущие в квартире с хозяевами, становятся членами семьи, особенно у охотников.

Александр Борисович вышел из машины, мы поздоровались, и он открыл заднюю дверцу машины. Дымка стрелой вылетела из машины и помчалась во двор, где ее поджидала Муза. Собаки были знакомы с детства, много раз вместе охотились и всегда радовались при встречах, предчувствуя совместную поездку в лес. Они выражали радость всевозможными жестами. Припадали на передние лапы друг перед другом, прыгали друг на друга. Дымка толкала Музу грудью и отскакивала в сторону, предлагая ей погнаться за собой. Муза пыталась передней лапой придавить Дымку к земле и положить на лопатки, как это делала, когда Дымка была щенком, но ей это не удавалось. Дымка возмужала и стала крепкой собакой.

Собаки продолжали резвиться, а мы уселись за стол, стоящий под кронами сосен и берез. Стояли изнуряющие жарой последние дни июля. В тени деревьев было прохладно и легко дышалось. На моем земельном участке отгорожен штакетником уголок в три сотки нетронутого леса. Здесь растут сосны и березы толщиной в обхват, черемухи и рябины. Моя жена Наташа накрыла стол для чаепития, поставила конфеты и недавно испеченные булочки.

Постепенно разговор перешел на охотничьи темы. Надежда, глядя на резвящихся собак, сказала:

– Им бы сейчас в лес да за зайцами побегать.

– Не скоро им придется бегать за зайцами, – ответил Александр Борисович.

– Это почему? – спросила Надежда.

– В европейской части России охоту на зайцев открывают в августе, а у нас в Сибири только в конце октябре.

– Разреши вам рано открывать охоту, вы всех зайцев уничтожите, – вмешалась в разговор Наташа.

– К сожалению, так думают многие, в том числе охотничье начальство, - ответил Крутин, – вот я вам расскажу несколько случаев из моей охотничьей практики.

«Лет пять тому назад поехали мы с Альбертом Сергеевичем на охоту под Жеребцово. Я пригласил с собой соседа Николая Скороходова с сыном. Он давно просил меня взять его на охоту. Думал, что они люди молодые, здоровые – пусть вместе с собаками побегают.

Приехали к месту охоты, несколько часов снег топтали – ни одного заячьего следа. Только к обеду собаки подняли зайца, у всех появилось хорошее настроение. Каждый, наверное, думал, что вчетвером, да с двумя собаками, мы быстро его добудем. Но не тут - то было. Заяц ходил кругами по логам так умело, что мы не успевали перебежать из оного лога в другой и встать у него на пути. Намаялись досыта. Когда зайцу надоело преследование собаками и людьми, он заскочил в старую барсучью нору на склоне лога и устроился там на отдых. Представьте себе картину: перед норой стоят четыре охотника и две собаки и не знают, как из норы выгнать зайца.

– Оставьте его в покое, – сказал я приятелям, – умных зайцев надо оставлять для приплода.

– Мы, что зря потели, – сказал Николай, – будем копать, лопата есть в машине?

– Конечно, есть.

– Несите.

Отец с сыном по очереди принялись за работу. Земля была мерзлой, трудно поддавалась их усилиям. Они сняли фуфайки и, прорубив мерзлый слой, стали углубляться в склон лога. Прокопав около метра, увидели, что нора обрывается колодцем вглубь.

– Здесь его надо экскаватором выкапывать, – сказал Николай и прекратил бесполезное занятие.

«Не поймали зайца, так хоть согрелись, – сказал я незадачливым охотникам. – Поехали домой».

– Единичный случай не является показателем того, что зайцы умеют прятаться и их трудно найти, – сказала Наташа.

– Это не единичный случай, вот послушайте еще одну историю.

«Охотились мы в Морозовском охотхозяйстве. Места замечательные, глубокие лога, завалы из поваленных бурей деревьев. Места самые что ни есть заячьи. Снег неглубокий, собаки легко с азартом гоняли зайца и неожиданно смолкли. Пошли мы по следу зайца, чтобы помочь собакам его поднять. И что вы думаете? Заяц в чащобе сделал несколько кругов и двоек, а затем залез в дупло поваленной старой толстой осины со сгнившей сердцевиной. Собаки много раз пробегали мимо дерева, затоптали его следы, но почуять зайчишку через слой древесины им не удалось.

– Что будем делать? – спросил, кажется, Сергей Полоник.

– Надо выстрелить в дупло, – предложил кто-то.

– После выстрела в дупло с маленького расстояния зайца разнесет в клочья, – сказал я, – зачем нам такая добыча?

Сергей срубил шест и стал им шуровать в дупле. Дупло оказалось длиной метра четыре.

– Зайца там нет, – заявил Сергей, – шест упирается в твердую древесину.

– Не может быть, – сказал Игорь, – след шел в дупло. Надо отрубить пустотелую часть ствола и посмотреть на свет – есть там заяц или он нас обманул.

Так и решили. Трухлявое дерево поддавалось легко. Когда ствол перерубили, Игорь заглянул в дупло и произнес:

– Вот он голубчик!

Затем сунул руку в дупло и извлек из него за уши зайца.

Не успели мы разглядеть трофей, как пленник с силой оттолкнулся задними ногами от Игоря. Уши выскользнули из руки ловца, и заяц умчался в лесные дебри.

– Меня заинтересовало, почему Игорь жердью не задавил зайца, и тот не подавал признаков жизни, – продолжал рассказ Александр Борисович. - Заглянув в дупло, увидел, что в нижней его части было углубление, в котором прижался и притаился зайчишка. Жердь прошла над ним, и Игорь колотил ей по древесине в конце дупла».

– Два примера – это еще не правило, – вновь засомневалась Наташа в способностях прятаться зайцев.

– Вы хотите, чтобы я еще вам привел какой-нибудь случай?

– Хочу!

– Тогда слушайте очень забавную историю. Охотились мы на землях совхоза «Садовод». После перестройки там повсюду были разбросаны шестиметровые металлические трубы, используемые для полива садов. Собаки по чернотропу гоняли зайца. Когда зайцу надоело бегать от преследователей, он заскочил в трубу и притаился. Собаки лаяли около трубы, засовывали в нее головы, но залезть в трубу не могли. Зайчишка, видимо, знал, что собакам в трубе его не достать и спокойно в ней отсиживался. Я взял за один конец трубу и хотел вытряхнуть зайца, но одному поднять трубу оказалось не под силу. Тогда мои приятели решили мне помочь. Втроем мы поставили трубу вертикально и немного наклонили в сторону, чтобы придавить зайца, когда он высунет голову из-под трубы. Не успел я моргнуть глазом, зайчишка ужом выскользнул из-под трубы и скрылся. Наши руки были заняты, и никто не смог выстрелить.

– Зайцы прекрасно умеют обманывать собак и охотников в любых ситуациях, вмешался я в разговор.

– Расскажу вам случай, как заяц на испытаниях собак обманул мою Флейту. Прежде всего, надо рассказать о Флейте. Она дочь моей Музы. В выводке была самая энергичная, смелая, подвижная, и я решил ее оставить у себя. С трех месячного возраста каждый день водил в лес. Муза помогла быстро развить в ней задатки гончей собаки. Когда Флейте исполнилось четыре месяца, Муза выгнала на нее зайца. Заяц метнулся в сторону, а Флейта, взвизгнув, бросилась за ним. С того дня в ней проснулся азарт к охоте. К шести месяцам уже самостоятельно гоняла зайцев. Она полюбила лес и пользовалась любым случаем, чтобы убежать с дачи. Мне это доставляло немало неприятностей. Забор из штакетника, высотой больше метра, для нее не представлял препятствия. Перескочив его, уходила в совхозные сады и гоняла зайцев. Услышав ее голос, мне приходилось брать Музу и отправляться в лес. Это заставило меня прибить над забором рейку. Так она научилась с разгона проскакивать под рейкой и уходить в лес. От ее неуемной энергии страдала даже Муза. Бывало, лежит Муза на подстилке, Флейта уцепится зубами за подстилку, тянет и треплет ее до тех пор, пока Муза не уйдет со своего места. Выгуливал я их постоянно в одно время. К этому времени собаки подходили к двери дачи. Муза тихонько скулила, вызывая меня на прогулку, а Флейта начинала скрести в дверь и требовательно лаять. После шести месяцев я посчитал, что Флейту можно выставить на полевые испытания.

Испытания проходили ранней осенью в березняках нагонного участка. Погода была благоприятной, хотя тропа была пестрой. Выпавший накануне снег таял. Флейта подняла зайца. Он поводил ее по березовым колкам и убежал в широкий лог, внизу которого был кочкарник, заросший тальниками. Заяц, видимо, побегал в кустах, сбегал на противоположную сторону лога и, вернувшись, запал в кочках. Судьи и наблюдатели расположились по склонам лога и наблюдали за поведением Флейты. Она прибежала в кусты, покрутилась там, но поднять зайца не смогла. Найдя угонный след на противоположную сторону лога, побежала по нему. Убедившись, что это двойка, вернулась в кусты. Заяц не подавал признаков жизни. Что-то заставило Флейту второй раз побежать по двойке. В это время заяц

выскочил из своего укрытия и побежал по своему следу в березняк, откуда его пригнала собака. Флейта вернулась в кусты. Ей не хватило опыта, чтобы сделать круг вокруг кустов и найти угонный след зайца.

– Зато в следующем году на испытаниях гончих собак в Искитимском районе Флейта получила диплом второй степени, – поддержал меня Александр Борисович и добавил:

Грибы на даче

Яркое солнце заливало своими лучами холмистую местность вдоль Гусинобродского тракта. После недавно прошедших обильных дождей растительность оживилась. Трава на лугах спешила вырасти к сенокосу, листья берез, омытые дождем от придорожной пыли, радостно сияли изумрудными блесками.

Я возвращался на дачу с рыбалки на Оби, время было далеко за полдень, меня мало радовали окружающие красоты местности, которыми обычно восхищался. Мое настроение было подавленным – с удочки сорвался огромный язь. Всю дорогу анализировал причины схода язя и пришел к выводу, что во всем виноват сам.

. . . Обычно я рыбачу на Оби против речного порта с надувной резиновой лодки. Первоначально якорь бросал среди флотилии резиновых лодок у левого берега реки. Постепенно пришел к выводу, что рыбалка рядом с более опытными рыбаками, может привести к инфаркту. Представьте себе: рыбак слева от тебя вытаскивает язя, а у тебя не клюет, затем рыбак справа вытаскивает леща, а у тебя все еще рыба не клюет. От зависти и переживаний можно заболеть любой болезнью. Не зря же говорится, что все болезни от нервов. Теперь я уплываю от рыбаков ближе к фарватеру и в одиночестве наслаждаюсь окружающим пейзажем и рыбалкой. Ниже по течению виден метромост, правее панорама правого берега реки с высокими домами на улице Восход, которые кажутся воротами в город, напротив - речной порт. От причала периодически отходят теплоходы. Красота необыкновенная, ее можно увидеть только с реки. Начинаешь даже мыслить стихами: «теплоходы в рейсе, белые борта, блеск натертой меди, всюду чистота». В это время звенит колокольчик, привязанный к леске, и отрывает от размышлений. Кто-то на глубине шести метров попался на крючок и настойчиво подает сигналы: дзинь, дзинь. . .

Попавшая на крючок рыба сопротивляется с неимоверным усилием. Приподняв ее на несколько метров от дна, приходится давать слабину леске, чтобы не оторвался поводок, а рыба могла свободно уйти ко дну. Так продолжается несколько минут. Когда рыба устанет, она позволяет подвести себя к поверхности воды. На небольшой глубине я увидел крупного язя с черной спиной и красными плавниками. Не успел опустить в воду сачок, как язь вильнул хвостом и с большой скоростью поплыл ко дну. Натянутая леска звенела, скользила между моими пальцами и обжигала их. Борьба продолжилась.

Подтянув в очередной раз язя к лодке, и опустив в воду сачок, я нечаянно задел сачком за хвост. Сильным рывком рыба оторвала тонкий поводок и скрылась в обских глубинах. После двенадцати часов рыба перестала клевать, но я продолжал ожидать поклевки. Не зря же поговорка гласит, что рыбак надеждою живет. И вот теперь опаздываю на дачу. . .

Мое настроение еще сильнее испортилось, когда посмотрел на часы и вспомнил, что жена просила приехать раньше и прополоть морковные грядки. Видите ли, ей трудно наклоняться, а мне, старше ее на семь месяцев, она считает – не трудно.

Проезжая мимо села Гусиный брод, мои глаза расширились до размера три на четыре. Вдоль дороги стояли и сидели ребята и женщины. Перед ними стояли ведра с грибами. «Пошел белый гриб» – мелькнула у меня мысль, и я увеличил скорость автомашины.

Приехав на дачу, выгрузил рыбу, положил в багажник ведро, корзину и только собрался ехать в лес, появилась жена и сразу с тирадой упреков:

– Я же просила тебя приехать с рыбалки раньше, а сейчас уже шесть часов, когда ты успеешь прополоть морковь?

– Морковь подождет, белый гриб пошел.

– Пускай гриб идет сам по себе, а к нам завтра приходят гости, мне будет перед ними стыдно за свои грядки.

– Гостей много, весь твой клуб ветеранов, вот их и организуем полоть грядки.

– Тебе все бы шуточки шутить.

– Никаких шуток, завтра грядки будут прополоты, а сейчас надо ехать за грибами. Сегодня пятница, надо успеть в свои коронные места, а то будет поздно.

Жена, конечно, расстроилась, но разве меня удержишь силой, когда «гриб пошел».

На дачу вернулся в темноте, грибов привез полный багажник. Десятка два вырвал с корнями, чтобы посадить на дачном участке. Наш участок примыкает к лесу и во дворе растут сосны и березы. Первым делом посадил грибы под деревьями.

Грибам жена обрадовалась, про морковь не вспоминала. До поздней ночи мы занимались заготовкой грибов – отваривали и жарили.

Утром, как обычно, жена поднялась раньше меня и направилась через залесенный участок в «кабинет задумчивости». Вдоль тропинки под деревьями всюду росли белые грибы. Она остановилась от удивления, даже забыла, куда и зачем шла, повернула назад и побежала меня будить.

– Алик, вставай! – услышал я сквозь сон.

– Дай еще немного поспать.

– Вставай! Я тебе что-то покажу, – тормошила меня жена.

Пришлось подняться и следовать за ней. Она привела меня к посаженным мною грибам и с гордостью говорит:

– Смотри, сколько у нас во дворе выросло грибов, а ты за ними ездишь, Бог знает куда.

– Надо же! Вот здорово! – удивлялся я.

Во второй половине дня у нас собрались члены клуба ветеранов НИИЖТа. Все удивлялись грибам на участке и фотографировались около них. Никто не обратил внимания на грядки морковки.

С тех пор прошло много лет, я упорно молчал, чтобы не разочаровывать жену и ее друзей.

Сорока и лиса

Первый снег выпал в ноябре. Мягким пушистым слоем покрыл землю в огороде, пометил буграми прикрытые лапником розы, хлопьями лег на необлетевшие листья сирени. Я вышел на крыльцо дачи с миской в руке, чтобы покормить Музу. Вдохнув свежий воздух с запахами хвои сосен, росших рядом с домиком, подумал: «Завтра пойду на охоту». Первый снег всегда приносит охотнику радость и надежду на успешную охоту.

Муза не стала ждать приглашения к еде, выскочила из конуры и подбежала ко мне, на миску с едой даже не взглянула, вильнула хвостом и остановилась у калитки.

– На охоту пойдем завтра, – сказал я, – сегодня вряд ли мы найдем зайцев. После первого снега они будут плотно лежать, не поднимутся, пока на них не наступишь.

Не знаю, поняла меня Муза или нет, но она подбежала ко мне, покрутилась у ног, виляя хвостом, и вновь подбежала к калитке.

– Ты настаиваешь идти в лес? – спросил ее.

Она вновь подбежала ко мне, коснулась моих ног и всем своим видом приглашала следовать за ней. Ее желание идти на охоту превосходило мое. Охотничий инстинкт звал Музу в лес. Пришлось уступить ее настойчивости и сказать:

– Ждать, пойду собираться.

И вот, мы идем вдоль небольшой речки Шабанихи. Муза обшаривает склоны лога, я осторожно продвигаюсь вперед, всматриваясь в снежный покров, на котором не видно ни одного следа. Каждая поваленная береза притягивает к себе сильнее, чем магнит железо. Подойдя вплотную, кричу и ударяю ногой по стволу, но ни одной березы зверек не облюбовал для укрытия.

Муза раньше меня поняла, что в логу нам зайца не найти и умчалась в заросли черноплодной рябины. Вскоре она подала голос. Он звучал не в полную силу, в нем слышалась радость и предупреждение мне, что она обнаружила след зверя. Меня охватила охотничья страсть и радостное ожидание предстоящего гона. Я стоял как вкопанный, боясь пошевелиться и подшуметь зверя, сердце учащенно колотилось в груди, слух напрягся до предела. И вот в воздухе понеслась музыка гона. Муза подняла зверя с лежки. Первую минуту она шла взахлеб по горячему следу, затем тональность ее голоса стала меняться. Складывалось впечатление,

что по следу идут две собаки. Азартный гон уходил по прямой линии. По голосу собаки и манере движения зверя можно было понять, что Муза гонит не зайца.

Я поспешил занять место вблизи лежки, с которой был поднят зверь. Обычно звери ходят по кругу и возвращаются к своей лежке, чтобы запутать следы. Здесь я убедился, что поднятая с лежки лиса не собирается делать круг. Гон уходил все дальше и дальше и, наконец, удалился за пределы слышимости. Настроение мое испортилось, лиса может увести собаку очень далеко, и ее придется разыскивать. Были случаи, когда собак, ушедших за лисой или козой, находили в другом районе области.

Через некоторое время гон послышался в верховье лога и приближался в мою сторону. Пришлось перебежать к речке, встать за стволом старой березы и приготовиться к встрече с рыжей плутовкой. Впереди виднелись заросли кустов акации, перед ними заснеженная поляна, на которой предполагал увидеть красавицу лису. Вновь во мне закипела охотничья страсть, предвкушал радость ценной добычи.

Когда гон подошел довольно близко ко мне, из кустов акации вылетела сорока, уселась на березу, росшую недалеко от меня, и застрекотала яростно и тревожно. «Зачем ты поднимаешь шум и предупреждаешь лису, - подумал я, - она же твой враг, а не я». Но сорока продолжала беспокоиться, перелетая с ветки на ветку, непрерывно стрекотала.

Лиса из зарослей акации свернула вглубь лога, перебралась через речку, и я увидел на противоположном склоне крупную крестовку с пушистым длинным хвостом, удаляющуюся от меня.

Муза, выбившись из сил, прекратила преследование зверя и через несколько часов вернулась ко мне.

Лебединая верность

Майское солнце заливало своими лучами солонцы с бедной растительностью вокруг озера Белянихи, раскинувшегося в Краснозерском районе Новосибирской области. Вдоль берегов озера и на многочисленных островах, разбросанных на широких плесах, стояли пожелтевшие прошлогодние камыши. Лед на озере недавно растаял, остатки снега сохранились лишь в густом осиновом колке, протянувшемся невдалеке от озера, да в густых камышах, препятствующих проникновению в них солнцу.

Начинался прилет водоплавающих птиц. Над озером пролетали табуны различных видов уток – они спешили к местам своих гнездовий. Не спеша, пролетали кряквы и серые утки, торопливо махали крыльями нырковые утки – гоголи и чернеть. Высоко в небе с гоготом шли клиньями табуны гусей, издавая трубное клокотание, проплывали белоснежные лебеди. В этих звуках слышалась радость от прихода весны и поры любви.

За пролетом птиц наблюдал охотник, притаившийся на лодке в камышах. Он ожидал, когда к его чучелам, поставленным на воде вдоль мыса зарослей высоких

камышей, подсядут утки. Пролетные табуны уток проходили высоко над плесом, не обращая внимания на его чучела. Местные утки, остановившиеся на Белянихе для вывода потомства, тоже не интересовались его чучелами. Селезни гонялись за своими избранницами, одинокие самки крякали в камышах, зазывая селезней. По озеру разносились мелодии весеннего утиного концерта, в нем слышались радость хорошей погоде, прилету на родину, возможности завести потомство и продолжить свой род.

Охотник не разделял их радости, ему хотелось увидеть селезня вблизи своих чучел, чтобы выстрелом превратить его в кусок мяса. Он заметил, что табун лебедей, снижаясь, делает полукруг над озером. «Наверное, хотят сесть на воду и отдохнуть перед дальней дорогой», - подумал он. Когда лебеди довольно высоко пролетали над ним, он поднялся на ноги в лодке, вскинул ружье и выстрелил. Один лебедь начал снижаться в камыши, затем его крыло надломилось, и он глухо ударился о воду. Охотник схватил в руки шест и, торопясь, начал проталкивать плоскодонную деревянную лодку сквозь густые заросли камыша к месту падения птицы. Лабза – плавающие островки из густо переплетенных корней камыша и водной растительности мешали быстрому продвижению лодки. Он торопился найти добычу.

Густые камыши, стоящие островами среди водоема, смягчили удар Лебедушки о воду. У нее было перебито крыло и от удара о воду болело все тело.

Табун красавцев лебедей взмыл под небеса и продолжил свой путь на север к местам своего гнездования – в безлюдный край полярного лета. Только один отделился от табуна и, летая высоко над озером, издавал тревожные печальные трубные звуки.

Лебедушка услышала голос своего суженого. Это придало ей силы плыть от шума лодки, на которой пробивался через камыши охотник. Округа оглашалась лебединым плачем в небесах. Ей хотелось ответить своему возлюбленному, но она боялась выдать охотнику свое местонахождение. Когда шум лодки остался далеко позади, Лебедушка подала свой голос. Лебедь услышал его, но не полетел к ней, а протрубив протяжное «ганг-га, ганг-га», удалился от озера в сторону степи. Он боялся выстрелов, раздававшихся в разных концах озера. Только в сумерках Лебедь сел на воду и разыскал в камышах свою Лебедушку. Он подплывал к ней с высоко поднятой головой на длинной шее и поднятыми с изгибом над спиной крыльями, выражая свою любовь и преданность подруге.

2

В летние каникулы пятиклассник Сева из поселка Новопокровский часто ездил с отцом на озеро Беляниху ловить рыбу. Сегодня они привезли на телеге, запряженной Буланкой, лодку, лошадь привязали около колка пастись, а сами проверяли накануне поставленные сети. Отец вынимает из сети пятиперстки крупных золотистых карасей и бросает на дно лодки. Оказавшись в необычной среде, караси разевали рты, глотали воздух, били хвостами по дну лодки, пытаясь плыть, но вместо движения вперед, подпрыгивали вверх. Севе стало жалко пойманных рыб, и он начал осматривать просторы большого озера. Здесь

проходила своя жизнь. Над озером с криком летали чайки. Маленькие юркие крачки с черной головкой, молниеносно падали к воде и поднимались в воздух с мелкими рыбешками в клювах - гольянами. Озерные чайки величиной с ворону степенно парили над озером, поблескивая серыми крыльями и белыми туловищами в лучах летнего солнца. Они высматривали крупную добычу. Еще выше в небе парила скопа. Она без взмахов крыльев, используя потоки воздуха, делала над озером круг за кругом. Вот из камышей выплыла черная как уголь лысуха. Покачивая головой с белым клювом, проплыла несколько метров вдоль камыша и вновь заплыла в него. Провожая лысуху взглядом, Сева замер от удивления. Через редкий камыш он увидел на соседнем плесе огромных белых птиц. У одной на спине сидели серенькие птенцы. Он никогда не видел лебедей, но по картинкам, встречавшимся ему в книгах, сразу понял, что это за птицы.

– Папа, посмотри, за камышами плавают лебеди, – тихо произнес Сева.

– Не может быть, лебеди здесь никогда не водились, – ответил отец, вынимая из сети очередного карася. Затем посмотрел по направлению, указанному сыном.

– Они впервые здесь загнездились, – удивился отец, – давай-ка сеть переставим в другой конец озера, чтобы их не тревожить.

– Папа, а чем лебеди питаются?

– В озере много мормыша, ряски и другой водной растительности. Это их обычный корм.

Шесть лебедят спрыгнули на воду со спины матери, и дружное семейство скрылось в редких камышах.

Рыбаки сняли сети и больше не рыбачили поблизости от лебединого выводка.

3

Осенью в центре озера среди многочисленных утиных стай плавал выводок лебедей. Два выделялись крупными размерами и белизной оперения.

Лебедь обучал потомство летать. Он, хлопая крыльями по воде, поднимался над поверхность воды. Затем, шлепая лапами и крыльями по воде, делал разгон и тяжело поднимался в воздух. Его вес достигал десяти килограммов. После нескольких взлетов, лебедята стали ему подражать и взлетать вместе с отцом. Тренировки продолжались ежедневно. По вечерам Лебедь со своим выводком ходил кругами над огромным озером, готовя лебедят к продолжительному перелету на юг. Лебедушка всегда следила за их полетом. Ей хотелось подняться в воздух вместе с ними, но сломанное крыло удерживало ее на воде.

Начался осенний отлет перелетных птиц. Над озером все чаще высоко в холодном небе проходили на юг косяки гусей и табуны лебедей. Лебедь несколько раз поднимал в воздух выводок и устремлялся с ними за пролетающими лебедями. Отлетев от озера на значительное расстояние, он возвращался назад. Лебедята не хотели улетать без отца и возвращались вместе с ним. Лебедушка радостно встречала их, хотя понимала, что скоро они должны покинуть ее. Так продолжалось несколько раз.

Беляниху давно покинули утки, улетев в теплые края. Под напором северного ветра тревожно шумели камыши, в воздухе стали появляться снежинки,

предвестницы холодов и приближения зимы. В осеннем небе появился запоздалый табун лебедей - кликунов. Отец поднял потомство в воздух и устремился за стаей. Догнав сородичей, пристроился со своим выводком в хвосте цепочки лебедей.

Лебедушка с грустью провожала свое семейство. Она желала им добра в дальней дороге и счастья в теплых краях.

Отлетев от озера на многие километры, когда молодежь вошла в ритм полета, Лебедь, отвернув в сторону, пропустил вперед себя молодых лебедей, а сам пристроился за ними. Убедившись, что стая приняла в свои ряды его потомство, начал постепенно отставать, а когда расстояние значительно увеличилось, повернул назад к своей суженой Лебедушке.

Встреча любящей семейной пары была радостной и трогательной. Они сплылись вплотную и коснулись друг друга длинными белыми шеями.

4

Наступил осенний сезон охоты на пушного зверя. Землю сковал мороз, озеро покрыл тонкий слой льда, по которому можно передвигаться на лыжах. Охотник со связкой капканов и длинной палкой в руке шел вдоль зарослей камыша, разыскивая хатки ондатр. Между одной хаткой и высокой стеной камыша он увидел двух замерзших лебедей. Они сидели рядом, прижавшись друг к другу. У одного лебедя не было половины одного крыла. Ему сразу же вспомнилась весенняя охота, табун лебедей, парящих над озером, неверный выстрел второпях и подранок лебедь, падающий в камыши.

Охотник снял шапку, перекрестился, глядя на замерзших птиц, и тихо произнес: «Господи, прости меня грешного». У него появились слезы на глазах, и комок подкатил к горлу. Он раскаивался за бывшее свое злодейство.

Глухарь

Стояли последние дни бабьего лета, погода манила в лес, хотелось побродить по сосновому бору, постоять с ружьем на вечерней зорьке. Дождавшись субботы, я со своим приятелем Рудиком Рябышевым покатил на «Москвиче» в Кудряшевский бор. В багажник были уложены ружья, корзины и палатка.

На охотничье-рыболовной базе «Спартак» нас встретила бессменная заведующая базой Екатерина Васильевна Мелихова. Взяла у нас охотничьи билеты, выдала карточки отстрела дичи, и мы поехали ухабистой дорогой по кромке бора в сторону Колывани. Слева раскинулись трудно проходимые заросли тальников, залитые водой. За ними протянулось озеро Кривое, дальше виднелись насыпи карьера, в котором добывали песок. Правее в лучах осеннего солнца блестели маленькие домики поселка Криводановка. Доехав до озера Подстанки, мы свернули по просеке в бор, в надежде набрать грибов. Вдоль просеки грибы не попадались, и я свернул на давно неезженую лесную дорогу.

– Зачем ты сюда свернул? – спросил Рудик, – по обочинам растет высокая трава, маслята надо искать на чистых от травы участках леса.

– Бор большой, – ответил я, – найдем и чистые бугры.

Выехав из-за очередного поворота, мы увидели в тридцати метрах от машины на дороге огромного глухаря. Я остановил машину, настолько удивился встрече, что глухарь показался мне страусом. Глухарь тоже не ожидал такой встречи, вытянул шею и весь напрягся.

– Скорее давай задний ход и отъезжай подальше, – шепотом произнес приятель.

Глухарь, видя, что неизвестное ему чудовище удаляется, продолжал стоять на дороге.

Когда я остановил машину, Рудик осторожно открыл дверцу, под ее прикрытием, согнувшись, подошел к багажнику, достал и зарядил ружье. Мне подал рукой сигнал ехать вперед.

Красавец-великан сибирского леса продолжал стоять у обочины дороги. Подъехав на расстояние выстрела, я остановил машину в радостном предчувствии, что прогремит выстрел и ценный трофей окажется у нас в руках.

Рудик не стал стрелять из-за укрытия. Он выскочил из-за машины и со всех ног побежал к птице, надеясь, что она взлетит и он выстрелит влет. Рудольф имел первый разряд по стендовой стрельбе, и ему доставляло удовольствие добывать летящую птицу.

К нашему удивлению, глухарь не взлетел, а спокойно зашел в высокую траву, росшую вдоль дороги. Подбежав к месту, где недавно стояла птица, Рудик стал кричать, хлопать в ладоши, но глухарь не взлетал.

Подъехав к приятелю, я упрекнул его:

– Почему не стрелял из-за машины?

– Это был не наш глухарь, – спокойно ответил Рудик, – поехали искать грибы.

Ворона

Эпизод из жизни серой вороны, который мне довелось наблюдать на рыбалке, произошел много лет тому назад, в прошлом веке. Мне кажется, даже в другой жизни. Тогда еще никто не думал проектировать и строить гидроэлектростанцию на Оби. Река текла вольно и свободно, выполняя функции, предназначенные ей природой. Весной торжественно с шумом по ней проходил ледоход, она разливалась по пойме на многие километры от русла, показывая свою богатырскую силу. На ее левом берегу все пространство, от Затона до Кудряшевского бора и дальше до Криводановки, вплоть до реки Чаус под Колыванью, заливалось вешними водами. На залитые водой сенокосные луга, труднопроходимые заросли тальников и камышей устремлялись огромные косяки всевозможных видов рыб для нереста, прилетали на гнездовья тысячи водоплавающих птиц.

Дороги через Кудряшевский бор на Колывань еще не было, приходилось ездить, делая большую петлю, через Чик. Весной проселочная дорога, разбитая колесами грузовых машин, была недоступна легковому транспорту.

Дождавшись цветения шиповника, когда начинается массовый клев карасей, мы с Толей Лещинским на автомашине ГАЗ-67 отправились в рискованную поездку на Почтовское охотничье-рыболовное хозяйство. Туда можно попасть на пароходе по Оби, но нас интересовало озеро Глубокое, до которого от поселка Почта пешком в распутицу трудно добраться.

Газ-67, ветеран Отечественной войны, повидавший не мало фронтовых дорог, по городу катил с крейсерской скоростью – шестьдесят километров в час. Его двигатель от полуторки работал на полную мощность, ветер врывался в щели неплотно подогнанных дверей, брезентовый тент хлопал по дугам кабины. Анатолий, как всегда, в начале поездки задавал привычные вопросы:

– Лебедку взял?

– Взял.

– Лопату и топор взял?

– Взял.

– Обрезки досок не забыл?

– Да, взял, хватит меня экзаменовать, – возмущенно ответил я.

Не обращая внимания на мою интонацию, он подвел итог своего любопытства:

– Должны доехать, если где-нибудь застрянем – выкарабкаемся.

– Обижаешь, машина военная, везде пройдет.

Первым препятствием при выезде из города оказался железнодорожный переезд на Клещихе. Маневренный паровоз гонял вагоны в разные стороны. У шлагбаума скопилась длинная колонна автомашин. Толя нервничал:

– Сколько времени он может развозить вагоны? Так можем на вечернюю зорьку опоздать.

– Успеем. У нас двое суток впереди.

Наконец, шлагбаум поднялся, и наш вездеход, вздыхая и чихая выхлопными газами, покатил вперед. До Толмачево доехали благополучно и выехали на дорогу республиканского значения Новосибирск – Омск – Москва. Грунтовая дорога после обильно прошедших дождей раскисла, и машину постоянно тянуло в кювет по крутому уклону. Мне пришлось включить передний мост и двигаться со скоростью не больше двадцати километров в час. Вскоре нам дорогу перегородила автомашина «Колхида», ее прицеп стянуло в кювет, а ее саму развернуло поперек дороги. Около нее собралось несколько водителей с автомашин, которым она преградила путь. К их толпе присоединились и мы. Каждый торопился ехать и давал советы:

– Отцепи прицеп и поставь свою машину так, чтобы все могли проехать.

– Мне что, здесь бросать прицеп? – отвечал неудачливый водитель.

– Жди, пока дорога подсохнет, тогда и вытащишь прицеп из кювета, – советовал один.

– Может мимо пойдет трактор – поможет вытащить, – советовал другой.

Потеряв с полчаса времени, мы продолжили свой путь. Проехав село Прокутское и форсировав по мосту речку Чик, свернули на проселочную дорогу, по которой нам предстояло добраться до Колывани.

Чтобы описать проселочные дороги середины прошлого века после дождей, надо быть Гоголем. Дороги, как таковой, не было. Тянулись четыре колеи, залитые водой. Я повел машину по двум гребням, оставляя колею между колес автомашины. Ехал тихо и осторожно, но, несмотря на все мои усилия, ее все же стянуло в колею. Управлять машиной стало легче, она самостоятельно виляла по наторенной колее, временами срезая грязь передним мостом. Против деревни Буньково машина повисла днищем на гребне колеи, колеса крутились в грязевой жиже, не цепляя твердый грунт. Выключив двигатель, я с грустью произнес:

– Приехали.

– Что будем делать? – спросил Толя.

– Бери лопату, выкапывай, – пошутил я.

– Здесь экскаватор надо, а не лопату.

– Тогда придется идти за трактором.

Наши рюкзаки лежали на заднем сидение машины. Переобувшись в болотные сапоги, вылез в липкую густую грязь и побрел в деревню, волоча на сапогах тяжелую тестообразную массу. Майское солнце слепило глаза, легкий ветерок ласкал кожу лица, но на душе было пасмурно. «Найду ли в деревне трактор, – думал я, – согласится ли тракторист вытащить машину?». С такими мыслями брел по улице, прижимаясь к заборам. Тротуаров в деревне не было, все широкое пространство между сторонами улицы было изрезано колеями автомашин и тракторов. На пустынной улице не у кого было спросить, где мне найти тракториста. Собираясь зайти в любой дом и узнать, увидел в проулке стоящий трактор ДТ-54. С надеждой на удачу, подошел к дому и крикнул:

– Хозяин!

Во двор вышел молодой мужчина среднего роста с небритым лицом и не стриженой шевелюрой. Его лицо выглядело помятым то ли от недосыпания в период весенней страды, то ли от похмелья.

– Здравствуйте! – приветствовал я его.

– И вам не хворать, – ответил он, внимательно осмотрев незнакомого посетителя.

– Скажите, пожалуйста, это ваш трактор?

– Трактор совхозный, а я – тракторист.

– Моя машина застряла в грязи около деревни, помогите ее вытащить.

На его лице появилась то ли улыбка, то ли ухмылка. Немного подумав, он спросил:

– Валюта есть?

– Конечно, есть. Сколько рублей надо?

– Ты откуда приехал? – удивился тракторист.

– Из Новосибирска.

– Я думал, с луны свалился. Какие рубли? В наше время в сельпо в страду на рубли ничего не купишь.

– Долларов у меня нет, – расстроившись, сообщил ему

– Ты больной или прикидываешься?

Он посмотрел на удрученное выражение моего лица и добавил:

– Пузырь есть?

– Только теперь мне стало понятно, какая валюта в ходу на селе.

Конечно, есть! – обрадовался я, – какой рыбак ездит на рыбалку без бутылки.

– Вот это другой разговор, – сказал тракторист и пошел заводить трактор.

Среди знакомых мне рыбаков существовало правило: когда едешь на рыбалку, обязан взять с собой бутылку водки, невзирая на то, что ты не пьешь. Водка лишней не бывает.

Тракторист вытащил нашу машину за пределы деревни, отцепил буксирный трос и укатил восвояси. Здесь дорога была лучше. Осмотрев машину, забрызганную толстым слоем грязи от колес до тента, я тяжело вздохнул.

– Не беспокойся, – произнес Толя, – доберемся до озера – отмоем, будет как молодая. Заводи, поехали.

Выхлопные газы, минуя глушитель, вырываясь из выхлопной трубы, строчили крупнокалиберным пулеметом. «Оторвал глушитель, – пронзила меня мысль, – где его теперь искать в залитой водой колее?». Выключил двигатель и отвалился на спинку сиденья. Толя вылез из машины, отвернул голяшки болотных сапог, стал на колени и заглянул под машину.

– Глушитель цел! – раздался его радостный голос, – только оторвался от штанов.

Штанами называется часть выхлопной трубы, примыкающей к двигателю.

После небольшого ремонта мы упрямо продолжили путь к намеченной цели. Двигатель монотонно гудел, постукивая клапанами, прося увеличить скорость движения машины. Но чтобы не оказаться в кювете, приходилось ехать со скоростью двадцать километров. С левой стороны дороги проплывали березовые колки, вспаханные поля, подготовленные к весеннему севу. Без происшествий проехали села Катково, Крохалевку, Малый и Большой Оеш. От Колывани до Скалы дорога была высоко поднятой и отсыпанной щебнем. Машина, обрадовавшись, покатила под уклон с предельной скоростью – шестьдесят километров.

В Скале свернули в село, обогнули нефтебазу и выехали к реке Чаус. У берега стояла баржа, груженная углем. В те годы глубина реки позволяла заходить в нее речным судам для доставки различных грузов для Колывани. Недалеко от Скалы на берегу реки Чаус в 1713 год был заложен Чаусский острог, сыгравший важную роль в освоении Сибири.

Дорога вдоль берега реки привела к пониженному участку, затопленному водой, и уходила под воду.

– Кажется, окончательно приехали, – произнес я.

– Не волнуйся, сейчас проверю глубину, – ободряющим тоном произнес Анатолий и вылез из автомашины.

Он не спеша шел по воде и прощупывал ногами дорогу. Выйдя на берег на противоположной стороне залива, наломал сухих веток тальника и, возвращаясь, втыкал их в воду. Мое внимание постоянно было приковано к его сапогам. Глубина воды над дорогой была небольшой, она не могла достать до вентилятора, чтобы забрызгать свечи двигателя.

– Путь свободный! – весело произнес Анатолий, подходя к машине, – песчаное дно твердое, можно ехать.

Через десять километров мы проезжали мимо старинного татарского села Юрт Ора. Оно стояло на высоком берегу Оби, прижавшись к сосновому бору. На лугах, разбросанных среди многочисленных озер, паслись табуны лошадей и коров. Жители села занимались скотоводством, рыбалкой и охотой. Полей, пригодных для земледелия, поблизости не было.

По песчаной дороге, уплотненной дождями, через полчаса мы приехали в поселок Почта и остановились около охотничье – рыболовной базы «Спартак». Нас радостно встретил заведующий базой Николай Афанасов. Пожав наши руки, он суетился, проявляя свое гостеприимство.

– На базе нет ни души, – сообщил он нам, – можете располагаться в гостевом доме.

– Коля! - произнес Анатолий, – в такую погоду спать в душном помещении большой грех, мы будем ночевать у костра на озере.

– Как знаете, какие номера обласков возьмете?

– У нас есть резиновая лодка, думаем добраться до озера Глубокого, – сказал я.

– Дорога трудная, лучше оставляйте машину на базе, а я отвезу вас на лошади.

– Спасибо, Коля, если не проедем – вернемся.

Николай ожидал, что по принятой традиции мы выставим на стол бутылку водки и выпьем с ним за приезд, но мы на этот раз оказались жмотами. Пришлось рассказать ему, на что ушла наша водка.

Озеро Дальнее встретило нас ароматом цветущих черемух. Они росли повсюду: на гриве, тянувшейся от озера, среди согры, заросшей тальниками, на противоположном высоком берегу озера. Белоснежные кроны черемух огромными букетами сияли в лучах вечернего солнца. Мы стояли около озера на небольшой поляне, покрытой прошлогодней сухой травой, и любовались окружающей нас красотой. Озеро тянулось полосой почти на километр в сторону села Красный яр, расположенного на высоком яру среди Вьюнского соснового бора. С расстояния пяти километров жилые домики с трудом просматривались. Жители села не посещали озеро Глубокое, поскольку под яром было множество других озер, а всю пойму покрывали болота и труднопроходимые заросли.

– Мы, наверное, опоздали, – задумчиво произнес Анатолий, не обращаясь ко мне.

– Почему опоздали? Посмотри, какая красота нас окружает, послушай голоса птиц. Они радуются весне и хорошей погоде.

– Во время цветения черемухи всегда наступают заморозки, карась перестанет ходить, заляжет в ил.

– Не грусти, после икромета он голодный. Есть захочет – будет ходить, - успокоил я приятеля.

Не теряя времени даром, мы установили палатку, очистили от сухой травы площадку (трава пригодилась для подстилки под палатку), окопали место для костра, заготовили сухих дров и отправились рыбачить. Толя поплыл на резиновой лодке ставить сети, а я срубил походным топориком длинное удилище из ветки тальника и привязал к нему приготовленную дома леску с крючком и поплавком. Продвигаясь вдоль берега по зеленому ковру осоки, облюбовал место для рыбалки около куста тальника, росшего на кромке озера. На воде вдоль

берега лежали лопухами листья кувшинок и лилий. Они росли на мелководье вдоль берега узкой полосой шириной около метра. Поверхность глубокого плеса, свободная от водной растительности, как зеркало отражала тени деревьев и кустов. Не успел я забросить леску в воду, как сзади меня что-то шумно упало на землю. Обернувшись на шум, увидел серую ворону. Она, хромая, вытягивая в сторону одно крыло, медленно удалялась от меня. Весь вид ее напоминал раненую птицу, которая пытается убежать от меня, но быстро это сделать не может.

Любопытство заставило меня отложить в сторону удочку и наблюдать за ее проделками. Она продолжала изображать из себя подранка. «Ах ты, артистка, посмотрим, что ты еще придумаешь, - подумал я и стал медленно приближаться к ней. Ворона с такой же скоростью удалялась от меня. Улучив удобный момент, с предельно возможной скоростью побежал к ней, пытаясь ее поймать, но не тут - то было. Подпустив меня на пять метров, она взлетела и, отлетев в сторону, вновь упала на землю и, как хорошая артистка, снова изображала раненую птицу.

«Больше за тобой бегать не буду» - произнес я вслух и вернулся к своей удочке. Насадил на крючок червяка, плюнул на него и забросил леску в воду. Все рыбаки плюют на крючок с червяком, и я плюю на них с детства. Зачем плюют, не знаю. Наверное, есть какая - нибудь примета.

Ворона не заставила себя долго ждать. Подлетела ко мне, уселась на ближайшее дерево и стала яростно каркать. Ее голова, хвост и крылья сверкали черным блеском в солнечных лучах. Хриплые гортанные звуки раздражали меня, но я старался не обращать на нее внимания, сосредоточив взгляд на поплавке, спокойно лежащем на поверхности воды. Вот поплавок слегка шевельнулся. Моя рука напряглась, чтобы сделать подсечку при следующей поклевке. Когда поплавок, не ныряя в воду, медленно поплыл от берега, я сделал подсечку и выдернул леску из воды. На крючке болтался маленький карасик. «Зачем ты мне попался, - подумал я, - что мне с тобой делать, придется отпустить».

Сняв карасика с крючка, передумал отпускать его в воду, а бросил в сторону вороны, чтобы задобрить ее подачкой. От взмаха моей руки ворона взлетела с дерева, сделала в воздухе круг и вновь, усевшись на дерево, продолжала ругаться.

Мое невозмутимое спокойствие не понравилось хозяйке здешних мест. Поняв, что криком меня не прогнать, она спикировала с дерева, пролетев над моей головой и выпустив на меня свои экскременты. Слава Богу, что не попала в меня. У меня был случай на даче, когда я поднял голову к пролетающему надо мной дрозду. Его экскременты попали мне в глаз. Пришлось долго промывать глаз водой.

При следующем нападении вороны я поднял удилище и попытался ее ударить, но она, как опытный пилот, увернулась от удилища. Нападения вороны на меня продолжались. Рыбалка была испорчена. К тому же попадались очень мелкие караси, которых оставил птицам. «Надо сменить место, - подумал я, - мое присутствие почему-то не нравится вороне». Вскоре она оставила меня в покое и полетела к высокой ветле, стоящей недалеко от меня среди берез. На дереве я увидел гнездо, из которого высовывали головы с раскрытыми клювами воронята.

Их карканье мне не было слышно, но, видимо, крики голодных детей отвлекли ворону от меня. Я почувствовал угрызение совести – из-за меня воронята оставались голодными, смотал удочку и отправился к стану. В это время на озере показалась лодка. Анатолий возвращался после постановки сетей.

– Как рыбалка? – встретил меня вопросом Анатолий, подплывая к берегу.

– Клюет только мелюзга, – ответил я.

– Надо уметь рыбачить, смотри, что поймал я.

На дне лодки лежало с десяток карасей величиной с хорошую ладонь каждый. Они открывали рты и шевелили жабрами, пытаясь набрать воды. Вместо воды во рты попадал воздух, от возмущения они били хвостами по дну лодки и подпрыгивали.

– Как тебе удалось поймать карасей? – удивился я, – ты же только поставил сети.

– Надо уметь рыбачить, – вновь гордо повторил он.

– Не томи душу, рассказывай.

– Я без лишнего шума поставил сеть вдоль берега около кувшинок. Затем проплыл между берегом и сетью, хлопая веслом по воде. Рыба от берега бросилась наутек в глубину и попала в сеть. Вот и вся рыбалка.

Складывая рыбу в садок, я произнес:

– Пойду чистить карасей для ухи, а ты, Толя, разводи костер. . .

Вечерело. Солнце клонилось к горизонту, на поляну легли длинные тени, от озера тянуло прохладой. Мы сидели у костра на разостланных плащах и деревянными ложками ели из котелка ароматную уху из свежей рыбы. На целлофановом мешочке лежали караси, посыпанные солью.

Толя задержал ложку около рта и прислушался. Затем спросил меня:

– Ты Витю видел?

– Какого Витю? – удивился я.

– Прекрати жевать, послушай концерт.

Прислушавшись, я уловил голоса разных птиц, доносящиеся до нас с разных сторон. Среди разнообразия голосов выделялся голос маленькой птички чечевицы: «Витю видел, Витю видел».

– Вечером птицы поют без радости, они провожают прожитый день. Утром, при восходе солнца они радуются наступающему дню, в их голосах можно уловить весенние мотивы любви и счастья, – ответил я Толе.

Стоял период коротких ночей, усталость от длинной дороги клонила ко сну. Мы улеглись спать в палатке и решили рано не вставать, так как рыба любит гулять на заре и в это время чаще всего попадает в сети.

Долго поспать нам не удалось. Недалеко от нашей палатки, усевшись на березу, куковала кукушка.

– Замолчи несчастная, дай поспать, – взмолился Толя.

– Почему она несчастная? – спросил я.

Немного подумав, он ответил вопросом:

– У тебя дети есть?

– Есть, ты же знаешь, зачем спрашиваешь?

– Ты был бы счастлив, если бы твои дети улетели за границу, и ты их больше никогда не увидел?

– Конечно, нет.

– Кукушка, откладывая яйца в гнезда разных птиц, никогда не воспитывает и не видит своих птенцов.

Мы замолчали и прислушались к утреннему пению птиц. Кукушка перелетела дальше от палатки, и ее ку – ку не мешало улавливать мелодии птиц, заселяющих лесное пространство, труднодоступное для человека.

По голосам птиц нетрудно было угадать исполнителей и место их нахождения. Нам не хотелось выходить из палатки, чтобы не вспугнуть пернатых артистов.

Со стороны сухой осины доносились заливистые свисты скворца. Его подруга сидела в дупле на кладке яиц, а он наслаждал ее слух любовными мелодиями. У скворцов яйца насиживают только самки. Его длинные свисты чередовались с пощелкиванием и дребезжанием. Следует отметить, что скворцы способны подражать другим певчим птицам.

Из березняка слышались громкие трели соловья, состоящие из свистов, щелканья и причмокивания. Он чередовал эти звуки отдельными коленами, из которых складывал строфы. Межу строфами делал перерывы. Складывалось впечатление, что он хочет перепеть скворца.

Очень беспокойно вели себя чечевицы. Они были озабочены поиском «Вити». Это очень красивые птицы наших лесов и садов. Величиной они с воробья, но тоньше и стройнее. Окраска оперения самца киноварно - красная, особо яркая на груди. Брюшко и подхвостья – белые. Здесь было их царство, голоса слышались повсюду. Из куста тальника у палатки раздавался голос: «Витю видел? Витю видел?» Ему отвечал голос из подлеска у берез: «Витю видел! Витю видел!»

Общий ритм птичьему оркестру придавал дятел, как барабанщик, отбивая удары клювом по стволу дерева.

Мои усилия определить в общей симфонии голоса других птиц, прервал Анатолий:

– Пора разводить костер, «время не ждет», – произнес Толя любимую фразу из одноименного произведения Джека Лондона.

Сухой хворост весело потрескивал в костре, языки его пламени лизали котелки с ухой и чаем. Солнце поднялось выше деревьев, растущих на противоположной стороне озера, заливая своими теплыми лучами окружающее нас пространство. Чистое голубое небо и безветрие обещали хороший погожий день.

В домашних условиях, уходя утром на работу, на завтрак мне достаточно стакана чая с бутербродом, чтобы быть сытым до обеда. На свежем воздухе съел миску ухи и принялся за пряники, запивая ароматным чаем, заваренным ветками черной смородины. После ухи хотелось пить. Не зря среди рыбаков бытует поговорка: «съеденная рыба в любом виде просит много воды».

– Выпив вторую кружку чая, Анатолий отвалился на спину и произнес:

Какая благодать! Не надо ни о чем думать, никто не дает тебе заданий и поручений, лежи, наслаждайся природой и слушай пение птиц. Жил бы здесь так вечно.

– А кто тебе будет проверять сети? – поинтересовался я.

– Это не работа, а удовольствие, – ответил он.

Мне вспомнилась еще одна поговорка: «Дни жизни, проведенные на рыбалке и охоте, в счет жизни не защитываются».

Толя поплыл снимать сети, а я убрал продукты в палатку, собрал посуду, чтобы вымыть в озере. Оставшихся от ухи, двух карасей, положил на полянку около кустов в надежде, что ими полакомятся колонок или хорек, которые всегда водились в завалах засохших тальников.

Около озера осмотрел место, куда бросил вчера карасиков. Кто-то их уже утащил. Не успел начать мыть посуду, как надо мной появилась ворона. Она не каркала на меня, как вчера, а летала кругами и осматривала нашу стоянку. Оттирая сажу с котелков песчаным грунтом, я постоянно наблюдал за пернатой соседкой. Сделав несколько кругов в воздухе, она неожиданно для меня села около палатки, схватила оставленного карася и улетела с ним к своему гнезду. «Вот нахалка, - подумал я, - на моих глазах ворует рыбу». Пока размышлял – хорошо или плохо поступила ворона, она сделала второй рейс и утащила в гнездо второго карася.

Мое внимание привлекла птичка, напоминающая в полете трясогузку. Она летела по синусоиде, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз. При каждом взмахе крыльев она вспыхивала искрой в лучах утреннего солнца. Когда птаха уселась на соседний куст, мне удалось ее разглядеть. Желто-оранжевые хвост и брюшко горели на солнце, белый лоб, черные крылья и спина завершали окраску красавицы. Передо мной сидела горихвостка и не боялась спокойно стоящего человека.

Налюбовавшись птичкой, забросил в озеро леску и стал ожидать поклевки. Клева не было, солнце медленно катилось вверх по голубому небосводу, легкий ветерок приносил запахи цветущей черемухи и озерной воды. Над озером летел селезень, наклонив зеленую голову в мою сторону. Ему, видимо, приходилось встречаться с человеком, и он около меня сделал полукруг, чтобы оказаться в недосягаемости для выстрела. Утки в это время сидят на яйцах. У утиного племени селезни не принимают участия в насиживании яиц. Утки стараются свои гнезда спрятать так, чтобы им не мешали назойливые любовники.

Голоса птиц постепенно стали утихать и вдруг мгновенно смолкли. Через некоторое время недалеко от поплавка по воде медленно поплыла тень крупной птицы. Подняв в небо голову, я увидел парящего коршуна. Мелкие птички раньше меня заметили его и притаились в своих укрытиях. Только ворона оказалась смелее всех, сорвалась от гнезда и полетела навстречу коршуну, который был вдвое больше ее. Она смело налетела на него сверху, пытаясь нанести удар клювом. Коршун сделал вираж, взмахнув крыльями, и увернулся от удара. Ворона продолжала его атаковывать до тех пор, пока он не удалился на приличное расстояние от ее гнезда. Действия вороны напоминали атаки истребителя на вражеский бомбардировщик.

Когда ворона вернулась к гнезду, постепенно возобновилось пение птичек. «Они поют гимн вороне», - подумал я. Затем стал размышлять над тем, что ворона – единственная птица, которую закон разрешает уничтожать в любое время года за то, что она разоряет утиные и птичьи гнезда. «Почему же

множество птах поселилось вблизи гнезда вороны?» - задал я себе вопрос и не знал, как на него ответить. Возможно, она, как волки, никого не трогает вблизи своего жилья.

Над озером неслась мелодия знакомой песни. Анатолий возвращался в хорошем настроении и напевал во весь голос. Нетрудно было догадаться, что улов был удачным. Быстро смотав удочку и поставив ее в куст ольхи до следующей рыбалки, поспешил к подплывающей к берегу лодке. Вокруг ног Анатолия, по щиколотку погруженных в воду, налитую в резиновую лодку, кишели караси.

– Неси удочку – будешь вылавливать, – пошутил он.

–Ты что их калибровал? – они все одного размера, – спросил его, в свою очередь.

– Любая рыба любит свою ячею, я ставил сети только сорокапятки. . .

Нам предстояло сохранить рыбу живой до дома. В этом у нас был немалый опыт. Мы наложили на дно корзин сырого мха, на него карасей, затем еще слой мха и карасей и прикрыли их мхом. Таким способом рыбу можно не только довезти живой, но она еще несколько дней будет лежать живой в холодильнике. До отъезда корзины поставили в воду у берега.

Покидая уютный уголок природы, я посмотрел на дерево с гнездом вороны и про себя произнес: «Прощай, ворона, дай Бог тебе не попасть осенью под выстрел охотников».

Кроша

Отпуск семейство Рябининых проводило на берегу реки Уень. Палатки поставили на небольшой поляне около излучины реки. На изгибе реки образовалась глубокая яма, в которой водились щуки, окуни и разная мелкая рыбешка. Вся местность вокруг поляны заросла труднопроходимым тальником, вдоль берега росли толстые ивы с косматыми вершинами. Местные жители называют эти деревья ветлами. За небольшой гривой среди зарослей камышей раскинулось озеро Елбаки, славившееся золотистыми карасями и линями.

Лето в тот год выдалось солнечным и жарким, их дети, Миша и Оля, постоянно загорали, купались, плавали в долбленной лодке – обласке с дорожкой. Дорожкой называется снасть, состоящая из лески с привязанной блесной. Весной в Уень заходило множество щук для икромета на заливных болотах и кочкарниках. Со спадом воды отметавшая икру рыба спускалась в Обь, в Уене оставались мелкие щуки - щурагайки. Обычно Миша разгонял лодку одним веслом, а Оля опускала в воду блесну и разматывала леску метров на десять от лодки. Соблазнившаяся легкой добычей щука хватала блесну, дергая Олю за руку. На реке раздавался крик: «Ой! Попалась!» По этим крикам родители определяли количество пойманной рыбы.

Отец Радик выезжал на рыбалку рано утром, когда семейство еще спало. Он блеснил окуней. Веслом в одной руке удерживал лодку в нужном месте, второй – непрерывно дергал коротким удилищем блесну, опущенную ко дну реки. Рыбы ловил столько – сколько надо для питания.

Его жена Эля, накормив детей и мужа, обычно укладывалась загорать с книгой в руках.

Время проходило приятно, но однообразно, пока на стане не появился птенец сороки.

Как-то пообедав, вся семья отправилась купаться.

– Оля, почему не прибрала продукты и не вымыла посуду? – спросила мама.

– Быстро искупаюсь и все приберу, – ответила дочь.

Оля первой вышла из воды и увидела, что по столу ходит сорока.

– Скорее плывите к берегу! – закричала она, – у нас гость!

По столу бесцеремонно ходил птенец и клевал хлебные крошки.

– Гоните этого тунеядца, – сказал отец.

– Тебе, что жалко еды для птенца? – обрушилась на мужа Эля.

Птенец, увидев людей, бросился бежать, дети за ним.

У пойманного птенца оказалось поврежденное крыло. Он отчаянно сопротивлялся неволе, клевал Мишину руку.

– Что с ним будем делать? – спросил Миша.

– Надо лечить, – ответил отец.

– Здесь нужен хирург, тебе приходилось делать птицам операции? – спросила Эля.

– Нет, не приходилось.

– Может, отвезем в поселок к ветеринару, – предложила она.

– Сами справимся. Несите две щепки и изоленту, – потребовал Радик.

Птенец вырывался из рук, клевал пальцы. Мише пришлось в одной руке держать его с прижатым здоровым крылом, второй рукой держать птицу за клюв. Когда на крыло была наложена шина, птенца поместили в большой садок из металлической сетки, предназначенный для хранения живой рыбы в воде.

За несколько дней птенец привык к людям, охотно клевал с ладони крошки хлеба и мальков. Когда крыло зажило, его выпустили на свободу. Он не замедлил скрыться в кустах.

– Как думаете, он вернется к нам? – спросила Оля.

– Думаю, мы его скоро увидим, – ответил отец – он недавно выпал из гнезда и повредил крыло. Добывать пищу еще не умеет. Судя по его аппетиту, наше меню ему понравилось.

– А может он побывал в когтях хищника, – предположил Миша.

– Из когтей хищника ему вряд ли удалось бы вырваться.

Птенец постоянно появлялся вблизи лагеря, с удовольствием поедал оставленный ему корм, перестал бояться людей, клевал крошки хлеба с ладони.

В заботах о птенце жизнь в лагере стала интересней. Ему дали кличку Кроша, поскольку был птенцом – крошкой и любил клевать хлебные крошки. Он научился летать, подолгу пропадал, но всегда возвращался в лагерь к обеду и ужину, оповещая свое появление стрекотанием: «кры-р-р, кры-р-р». Этот звук он произносил с разными интонациями. Однажды, когда друзей навестил приятель с собакой, Кроша уселся на палатку и начал тревожно оповещать об опасности. Во время обеда, сидя на краю стола, он стрекотал тихо, прося подачку.

Когда дети выплывали на лодке, Кроша сопровождал их. Полетав немного над водой, усаживался на нос лодки, что-то сообщал по поводу очередной рыбалки и начинал чистить клюв о планширь лодки.

Кроше очень понравилась перекладина на высоких кольях для сушки сети, он перестал улетать из лагеря на ночь, облюбовав ее для ночлега.

Приезжающий периодически в лагерь егерь Саша Афанасов немало удивлялся ручной сороке, которая по зову прилетала в лагерь, безбоязненно садилась на плечи и голову людям.

Закончился отпуск, настало время возвращения в Новосибирск. Родителям пора выходить на работу, детям – готовиться к школе. Радовала предстоящая встреча с друзьями, но одновременно было жалко покидать обжитое место. Начали сворачивать лагерь и укладывать вещи в машину. Солнце высвечивало на земле пятна, оставшиеся от снятых палаток, тропинку к озеру, где была оборудована пристань для удобной швартовки лодки. «Все это скоро зарастет травой, – думал Радик, – и не останется следа от их пребывания». Эта мысль навевала грусть, которую усиливало поведение сороки.

Кроша летал над лагерем и беспокойно стрекотал, несколько раз садился Радику на плечо. Его тревожный крик можно было перевести так: «Зачем вы уезжаете, не покидайте меня, без вас я погибну».

– Что будем делать с Крошей? – спросил Радик.

– Возьмем его с собой домой! – закричали дети, – не бросать же на произвол судьбы преданного друга.

2

Кроша благополучно перенес поездку в клетке до Новосибирска.

Радик хотел выпустить Крошу во дворе своего частного дома, но Эля возразила:

– Улетит, и мы больше его не увидим, пускай поживет несколько дней на веранде, привыкнет к новой обстановке, к людям.

Так и поступили. Первый день у Кроши не было времени тосковать по свободе. Около него постоянно находились люди, предлагали всевозможные яства. Радик, как цирковой артист, предлагал Кроше сесть ему на голову или плечо. Зрители выражали восторг, каждому хотелось, чтобы Кроша сел к нему на плечо. Но их команды: «Кроша ко мне», он не торопился выполнять, так как люди были незнакомые. Сорока потешно склоняла голову и смотрела на человека, оценивая, стоит ли его осчастливить своим визитом. Затем взлетала на диван или на спинку стула.

На второй день Кроше надоело заточение, он стал биться в окна. Радик в сопровождении всей семьи вынес сороку во двор и посадил себе на плечо. Кроша отряхнулся, подпрыгнул и взлетел на крышу дома. Сидя на коньке, поворачивал голову в разные стороны, осматривал двор и окружающую застройку. Затем пролетел по кругу над домом и скрылся в неизвестном направлении.

В семье Рябининых начались споры – вернется Кроша к людям или улетел навсегда. Их беспокойства были напрасны – Кроша летал по окрестностям и

всегда возвращался к людям, приютившим его. Он стал знаменитостью. Ребята со всей улицы, да и взрослые, часто приходили к Рябининым посмотреть на ручную сороку. Кроша с удовольствием демонстрировал свои способности, но незнакомых людей к себе не подпускал. Если кто-нибудь из ребят пытался его погладить, он взлетал на одну из берез, росших вдоль забора участка, и недовольным голосом произносил свое «кры-р-р, кры-р-р».

Уход за Крошй взяла на себя Эля. Она его чаще всех кормила, на ночь закрывала на веранде. Там он облюбовал себе нашест на спинке стула. Кроша к ней привязался и всегда сопровождал ее в магазин. Бывало, идет она по улице, а он пролетит над ней вперед, усядется на дерево или крышу частного дома и ждет, когда она пройдет мимо. Затем вновь делает такой перелет. Около магазина ожидает ее, сидя на дереве. Выйдя из магазина, Эля всегда его чем-нибудь угостит, и они возвращаются домой. Она очень любила Крошу, хотя он доставлял ей много хлопот и неприятностей.

Кроша был очень вороватым. Когда она мыла во дворе у крана посуду, он всегда сидел в сторонке и наблюдал за блестящими ложками. Стоило ей отойти от стола с посудой, он моментально утаскивал ложку и где-нибудь прятал или садился на крышу дома и крутил головой с блестящим предметом в клюве.

– Кроша, лети ко мне, верни ложку, – уговаривала его хозяйка, – зачем она тебе, ты же при еде не пользуешься ложкой.

Он невозмутимо сидел на коньке дома и продолжал поворачивать голову в разные стороны, считая добычу своей собственностью. Эля шла в дом, приносила кусочек колбасы и клала его на виду у сороки. Заметив любимое кушанье, Кроша выпускал из клюва ложку и летел к колбасе. Ложка скатывалась по крутой металлической крыше дома и останавливалась на пологой крыше веранды. Эле приходилось нести лестницу и лезть на крышу веранды за ложкой.

Однажды он выбрал единственную серебряную чайную ложку среди нескольких мельхиоровых, утащил ее и где-то спрятал.

Вечером за ужином, рассказывая детям о пропаже ложки, Эля спросила:

– Как вы думаете, почему Кроша выбрал серебряную ложку?

– Потому, что умный, понимает, что серебро дороже, чем другой металл, - ответила Оля.

– Ничего он не понимает, просто серебряная ложка сильнее блестела на солнце, – возразил Миша.

– Сам ты ничего не понимаешь, – возмутилась Оля. – Он все понимает, он знает, у кого хлеб из рук можно брать, а у кого нельзя, к кому на плечо можно садиться, а к кому нельзя.

Ложка нашлась только весной при перекопке огорода.

Однажды Эля сидела на веранде с соседками и мирно беседовала. В открытую дверь влетел Кроша и уселся на спинку свободного стула.

– Эля, – обратилась к ней соседка, – попроси сороку что-нибудь продемонстрировать.

Эля достала блестящую монету и бросила на пол. Кроша моментально спрыгнул со стула, схватил монету и начал метаться с нею по веранде, соображая, куда бы

ее надежнее спрятать. Не найдя подходящего места, взлетел на диван и подсунул монету под Элю.

– Надо же! – удивилась соседка, – он вернул тебе монету, чтобы ты не разбрасывалась деньгами.

Затем Кроша отошел на край дивана и, наклоняя голову из стороны в сторону, смотрел на место захоронения монеты. Видимо, решив, что монета спрятана ненадежно, подошел к хозяйке, вытащил монету и слетел с дивана на пол. Походил с монетой в клюве по полу и подсунул монету под коврик у дверей. Вскоре он решил, что и новое место не отвечает требованиям хранения кладов, вынул монету из-под коврика и стал искать более надежное место. Проходя вдоль плинтуса, заметил щель у стены. Немного поразмыслив, опустил монету в щель, она мигом провалилась. Это его озадачило. Он пытался достать монету из-за плинтуса, но клюв не пролазил в узкую щель. После нескольких попыток просунуть клюв в щель, он решил, что монета спрятана надежно и вылетел в открытую дверь.

– Как теперь ты сама будешь доставать монету? – спросила Элю соседка.

– Ты думаешь у меня это единственная потеря? Я часто мою посуду во дворе под краном. Стоит мне оставить на столе ложки, обязательно одной не досчитаюсь.

– Расскажи еще что-нибудь о его проделках.

«Как-то дочка соседей вышла во двор с блином. Откусила один раз и, держа блин на вытянутой руке, стала кричать: «Кроша! Кроша!» Он мгновенно спикировал с дерева и сел ей на руку. От неожиданности девочка испугалась и выпустила из руки блин. Кроша подхватил блин и полетел с ним на крышу дома. Вы бы только видели его полет. Блин больше Кроши, в средине дыра от откусанного кусочка девочкой. С большим трудом ему удалось долететь до трубы и на ней расположиться. Прижав блин лапой, Кроша отщипывал от него кусочки и наслаждался вкусной пищей. Мне пришлось извиниться перед Машей за недостойное поведение Кроши.

– Почему он у вас такой нахальный? – спросила Маша, – я сама хотела с ним поделиться.

– Обязательно проведу с ним беседу по правилам хорошего тона.

– Вы же учительница, давно надо было научить его не пугать людей.

– Приходи ко мне чаще, вместе займемся его воспитанием – предложила я».

Перевоспитать Крошу не удалось. Он стал надолго отлучаться и не прилетал домой на ночь, а вскоре исчез на несколько дней. Семья Рябинкиных горевала, особенно дети, Миша и Оля. Строили разные версии гибели сороки.

Однажды утром, выйдя на крыльцо, Эля увидела на березе двух сорок. Она смотрела на белобоких птиц с длинными черными хвостами и не могла определить, какая из них Кроша. В том что одна из птиц – Кроша, сомнений не было. Эля побежала в дом, схватила кусок хлеба и вернулась на крыльцо. Бросая мелкие кусочки хлеба на землю, ласково звала: «Кроша, Кроша, Крошушка, иди ко мне». Одна сорока смело подлетела к ней и торопливо клевала хлебные крошки. У Эли от радости появились слезы на глазах, а к горлу подкатил комок. Она стояла неподвижно, боясь спугнуть Крошу, и разговаривала с ним: «Мы

думали, что ты погиб, а ты, оказывается, нашел себе подругу. Дай Бог тебе птичьего счастья».

С тех пор Рябинины больше не встречали Крошу. Соседи говорили, что видели иногда на березе в их дворе сороку, но был ли это Кроша точно утверждать нельзя.

Охотничье хвастовство

История эта произошла в начале семидесятых годов прошлого века. В Новосибирский облисполком поступила жалоба от работника Маслянинского кирпичного завода. Он писал, что заводу были выделены деньги на строительство семи двухквартирных жилых домов. Дома выстроили, все сдали в эксплуатацию, а когда он пересчитал дома, на месте оказалось только шесть. Следовательно, директор завода – жулик. Меня послали в командировку – разобраться с жалобой и внести предложения по результатам проверки.

Директор кирпичного завода Яков Яковлевич Муль встретил меня без энтузиазма, но приветливо. Выслушав цель моего визита, предложил:

– Давайте сначала пройдем по цеху, посмотрим мое хозяйство, а затем пересчитаем дома.

Мне довелось бывать на многих кирпичных заводах области. Это одно из отсталых в техническом отношении производство с большим объемом ручного труда. Загазованность, копоть и грязь – атрибуты кирпичного производства. Здесь я был приятно удивлен. В цехе чистота. Пол подметен, на оборудовании нет пыли и копоти, всюду в вазах растут цветы, даже стоит аквариум с рыбками. Технология производства кирпича соблюдается с немецкой педантичностью, внедрена автоматика на этапах сушки и обжига кирпича. «Вот почему Маслянинский завод, единственный в области, выпускает кирпич марки сто» - подумал я и спросил:

– Кто у вас следит за чистотой в цехе?

– Каждая смена после завершения работы обязана сделать уборку помещений,

– Строгая дисциплина в производстве не приводит к увольнению рабочих? – вновь задал я вопрос.

– У нас очередь желающих работать на заводе.

Вскоре мне пришлось убедиться, что от такого хозяйственного и заботливого директора вряд ли кто побежит искать лучшей жизни. На территории завода функционировали коровник и свинарник, продукция от которых шла в заводскую столовую и продавалась сотрудникам по себестоимости. В период дефицита продовольствия, это было большое подспорье для работников завода.

Осмотрев выстроенные дома, я сказал:

– Домов действительно шесть, а где седьмой?

– Поедем смотреть седьмой, – предложил директор.

Дом оказался выстроенным на заводской пасеке. В одной половине жил пасечник с семьей, во второй половине размещалось подсобное помещение для откачки меда, производства ульев и рамок для сот. Пасечник обрадовался нашему приезду. Он оказался веселым разговорчивым человеком. На стол под развесистой березой поставил миску свежего меда, положил ложки и сказал:

– Отведайте, сегодня мед качал, взяток в этом году отменный, хватит на всех работников завода.

– Не скучно вам постоянно в тайге жить? – спросил я сторожа, отправляя в рот очередную ложку меда.

– Скучать, мил человек, некогда. Пчелы как малые дети, за ними постоянный уход нужен. А вот недавно медведь в гости повадился ходить. Каждую ночь по одному улью разорял. Слава Богу, не мои, а мужиков из Маслянино, которые свои ульи поставили недалече от моих, ближе к лесу. Обиделись мужики на медведя и устроили засаду. Под утро он пришел к их пасеке, деловито снял крышку с очередного улья и рамку начал вынимать. Тут они его и прикончили, выстрелами из трех ружей. На радостях сфотографировались около поверженного врага. Затем сняли шкуру, мясо поделили и уехали по домам. На этом бы им надо было успокоиться, но охотничья гордыня подстегнула их опубликовать в газете «Маслянинский льновод» фотографию и статью о смелых охотниках. Районный охотовед, прочитав статью в газете, пригласил каждого из них к себе и составил протокол за охоту без лицензии. Пришлось мужичкам заплатить штраф за браконьерство. Не хвастай!

Уезжая из Маслянино, я зашел в райком партии, чтобы рассказать о цели своего визита. Выслушав меня, первый секретарь райкома партии сказал, что он знает о нарушении директором кирпичного завода плана застройки жилого поселка. По его интонации чувствовалось, что он поддерживает действия Якова Муля, но в силу существующего порядка вынужден принимать меры. В заключение разговора сказал:

– Передайте своему руководству, что мы по этому вопросу приняли меры и объявили директору кирпичного завода выговор.

Судьба волка

На вершинах гор погасли отсветы угасшей зари. Сумрак окутал лес, замерли последние звуки, с гор потянуло прохладой. Вожак волчьей стаи ждал этого момента, чтобы повести стаю на охоту. Сумрак возбуждал у него аппетит. К тому же он проголодался, в течение нескольких дней охота была неудачной. Преследуемый стаей прошлой ночью марал по глубокому снегу смог от них оторваться и уйти за перевал. Вожак поднялся на ноги, потянулся и прислушался. Из глубины распадка доносился шепот протекающего ручья. Он втянул ноздрями воздух, и его мозг как электронная машина определил все

запахи, доносящиеся из леса. Среди них запахов, представляющих опасность, не было. Волки больше доверяют обонянию, чем зрению и слуху.

Вслед за вожаком с лежек поднялись десять волков и замерли в ожидании команды. Вожак оглядел стаю, оценивая силы, облизнулся и вытянул хвост. Это означало, что сегодня будет добыча, следуйте за мной. Он решил повести стаю в ущелье, где паслось стадо совхозных маралов.

Природа погрузилась в глубокий сон, затихли голоса птиц, не слышно звуков от передвижения животных. Холодный свет луны проникал между кронами хвойных деревьев и желтыми пятнами ложился на снежный покров. Стая волков шла на охоту. Впереди вожак, следом за ним вся стая, ставя лапы след в след. По такой цепочке следов невозможно определить, сколько прошло зверей. Вожак периодически останавливался, прислушивался и принюхивался. Он постоянно держал направление на ветер, чтобы улавливать запахи на своем пути. Волков чуяли белки, дремавшие на кедрах в гнездах, называемых гайно. Они знали, что на дереве им волки не страшны. Вожак вел стаю по своему охотничьему участку. В течение нескольких дней на своем участке волкам не удалось встретить следов марала. Здесь вожаку были знакомы каждое ущелье, каждый перевал, каждая тропа. В летний период он не позволял никому из сородичей заходить на свою территорию, которая по периметру была им помечена на выступах скал, валежинах и стволах деревьев. Многие волки испытали на себе его силу и острые клыки. С наступлением зимы добывать пищу вдвоем с волчицей становилось труднее. Перелетные птицы улетели, молодые звери повзрослели и набрались опыта. О добыче лося или марала нечего и думать. Наступил голодный период, настало время волкам объединяться в стаю. По волчьему закону, подросшее и обученное потомство изгонялось с участка родителей. С наступлением холодов вожак обошел по границе свой участок. В нескольких местах его ждали сородичи, он делал отметки на привычных местах, приглашая волков собраться в стаю. Вожак объединил в свою стаю одиннадцать волков. За ним следовали: волчица, четверо переярков и пять волков, присоединившихся к стае. В таком составе легче было устраивать загоны на копытных. В начале зимы они успешно охотились на косуль. И вот настало время, когда надо было искать дичь за пределами своего участка. Вожак чувствовал себя ответственным за добычу пищи для стаи и, нарушив законы леса, вел волков в распадок, на который распространялось табу. Там маралы ходили табуном, и всегда ветер приносил запах человека, самый неприятный и страшный для волка. Вожак неоднократно бывал в том краю, но никогда не осмеливался напасть на пасущихся маралов. Его пугал запах человека.

Сегодня вожак вынужден был повести стаю туда, где много пищи. Он давно заметил косые взгляды на него голодных сородичей. Недобрый косой взгляд крупного волка, присоединившегося к стае с волчицей, говорил ему о многом. Это был его брат из более позднего помета матери, но волки не помнят родства и не делают снисхождения родственникам. Силы у них были равны, но чужак был намного моложе. В случае схватки – неизвестно кто победит. Вот почему ему сегодня непременно нужна добыча.

Из куста перед носом вожака выскочил заяц-беляк и клубком покатился по склону в лог между растущими соснами. Он казался желтым в бледном свете луны. Стае ничего не стоило окружить его и задавить. Один прибылой волк даже бросился за ним. Вожак остановился, сморщил нос и издал еле слышный звук. Этого было достаточно, чтобы стая остановилась и замерла, а нарушитель порядка вернулся на свое место. Любое самовольство в стае должно быть наказано. Таков закон волчьей жизни. Без дисциплины не будет удачной охоты. Вожак подошел к съежившемуся виновнику задержки в переходе и резким движением разорвал клыком кожу на его плече. Этим он показал всем, что так будет с каждым, кто нарушит закон, по которому в стае все команды к охоте подает вожак.

На вершину хребта, за которым простиралась долина, волки пришли перед рассветом. Звезды начали меркнуть, луна приобрела белый цвет, в долине сгустилась темнота. Вожак замер. Втягивая в ноздри воздух, он старался уловить запахи, которые доносил слабый ветерок из ущелья. Поджарый хищник высокого роста, с широкой грудью, лобастой головой, на крепких ногах казался изваянием на фоне ночного звездного неба. Его чутье уловило запахи маралов, опасных запахов ветерок не приносил. Он понимал, что пора начинать охоту, чтобы управиться до полного рассвета. Повернувшись к волчице, подал ей знак следовать к вершине ущелья для загона маралов вниз по долине. Волчица хорошо знала свое дело. Не первую зиму она участвовала в загонах копытных животных. Волчица и раненый волк растворились в утреннем полумраке. Остальную стаю вожак повел за собой вниз по откосу, чтобы устроить засаду на пути движения маралов.

Девять волков улеглись цепью поперек долины. Они разрыли снег под собой, чтобы лапам для опоры во время прыжка был твердый промерзший грунт. В вырытых лунках волчьи спины слились с поверхностью снега, и их трудно заметить бегущим в испуге маралам.

Маралы на слух надеются больше, чем на зрение. Обоняние им мало поможет во время стремительного бега. Волки это хорошо знали и приняли все необходимые меры предосторожности.

Холодный рассвет выползал из-за хребта в верховье ущелья. Слабый ветерок притих перед рождением нового дня.

Волчица торопилась. Она знала, что ее путь длиннее, чем волков в засаду. Достигнув верховья распадка, спустилась в долину и, не останавливаясь, двинулась в сторону запахов, бередящих обоняние и возбуждающих аппетит. Когда ее обоняние подсказало, что подобралась довольно близко к табуну маралов, она издала протяжный вой. Около сотни маралов вскочили с лежек и беспорядочно устремились прочь от раздирающего душу воя. Их копыта вздымали клубы снега и прикрывали бегство снежной завесой. Волчица и прибылой бежали за ними, не делая попытки догнать. Они должны только нагнать зверей на засаду.

Услышав вой волчицы, вожак напрягся, поджал задние лапы, приготовившись к прыжку. Два марала пробежали почти рядом, но его взгляд устремился на крупного зверя летящего прямо на него. Когда марал в прыжке был почти над

ним, вожак как пружина разжался и взлетел вверх, схватив его за горло. Звери свалились в снег. Вожак сжимал сильные челюсти, вонзая острые зубы все глубже и глубже. Марал пытался поднять голову и встать на ноги, но вес хищника был неподъемным. Он беспомощно колотил копытами снег. Удары сильных ног не доставали волка.

Когда волчица подбежала к месту схватки, волки уже разделывали четырех маралов. Она присоединилась к вожаку. Прежде всего, они съели внутренности: печень, сердце и легкие. Затем напились теплой крови и только потом стали рвать и глотать куски мяса.

Набив желудки мясом, волки раздулись как пузыри. Им трудно было подняться, и они отвалились на снег около недоеденной добычи.

Наступило хмурое утро, темные тучи медленно ползли над вершинами гор. Над распадком уже парил черный ворон и оповещал всех жителей гор и тайги радостным хриплым криком:

– Карра…карра… крра-ка-ка…крра-ка-ка…

Этот крик означал, что ворон нашел добычу. Скоро в ущелье соберутся не только его пернатые сородичи, но и разные мелкие хищники, могут придти люди.

Вожак понимал, что около недоеденной добычи оставаться нельзя. Надо уйти в безопасное место и отоспаться. Жизнь стаи начнется после того, как будет переварено мясо в желудках и волки почувствуют голод. Он поднялся со снега, вслед за ним поднялась волчица и вся стая. Волки покидали место пиршества. Сзади оставались четыре кровавых пятна на утоптанном снеге, нетронутые головы маралов, кости с остатками мяса.

2

Закончились зимние метели, отступили холода. Солнце чаще стало появляться между туч, плывущих над горами. С приходом весны стая распадется. Матерые займутся приготовлением логова для будущего потомства, молодежь начнет самостоятельную жизнь и охоту. Пока волки еще охотятся стаей. Этой ночью вожак ведет стаю в страну маралов.

Несколько разбойных нападений на табун заставили людей загнать маралов в загон.

Под покровом темноты ночные хищники бесшумно продвигались по склону ущелбя Алтайских гор. Впереди шел вожак, за ним верная и преданная ему волчица. Следом матерые волк и волчица, за ними прибылые и переярки. За зиму стая отработала приемы загонной охоты на копытных животных. Каждый знал свое место на переходе и во время охоты. Поднявшись на гребень перевала, стая остановилась. Вожак подал команду всем оставаться на месте, а сам начал спускаться в долину, из которой доносился запах, возбуждающий аппетит и придающий силы к достижению цели. Он осторожно спускался под уклон по глубокому снегу, постоянно втягивая в ноздри холодный воздух. Перед зимником – загоном с маралами остановился и прилег на снег, чтобы убедиться, нет ли рядом запаха человека. Маралы учуяли его запах и начали беспокоиться. У вожака созрел план действия, и он прыжками, не таясь, вернулся к стае.

Волки лавиной, вздымая снег, понеслись под уклон.

Маралы почуяли беду и стали метаться по зимнику.

Когда волки подбежали к изгороди и, разделившись на две группы, помчались вдоль нее в обе стороны, маралы метнулись к противоположной стороне зимника. Передние животные остановились перед забором, подбегающие следом давили на них с такой силой, что изгородь не выдержала и в ней образовался пролом. Маралы, как бурный поток реки, понеслись из загона. Этого и надо было хищникам. Они подбегали к этому потоку с двух сторон и резали испуганных животных. Обезумев от ярости и вида крови, волки учинили побоище, зарезав маралов в несколько раз больше, чем могли съесть.

Охотники давно готовились к облаве на волков, чтобы пресечь их разбой. Последний случай заставил немедленно действовать. Двое опытных охотников пошли на широких лыжах, подбитых камусом, снятым с ног маралов, по следу стаи. Глубокий снег оседал под лыжами и затруднял движение. Волкам идти было не легче. Они оставили после себя траншею в мягком снегу. Когда солнце выкатилось из-за гор, следы привели в распадок, заросший молодым ельником, в котором серые улеглись на дневку. Охотники поспешили своим следом назад, чтобы в светлое время суток успеть устроить облаву.

На облаву собралось более десяти охотников. По наторенной лыжне они быстро добрались до распадка, в котором беспечно спали разбойники после обильной еды. Стрелки остались у подножия, загонщики двумя группами пошли в обход по склонам, разматывая с катушек телефонный провод с красными флажками.

Обложив волков флажками, загонщики, издавая шум трещотками и стуча палками по стволам деревьев, двинулись вниз по распадку к зарослям ельника.

Услышав отдаленный шум, стая вскочила на ноги. Вожак стоял в напряжении, вслушиваясь в приближающийся шум. В панике волки забыли о дисциплине и врассыпную помчались по склону к перевалу. Но путь преградили впервые увиденные ими красные флажки, которые вселили страх. Волки повернули обратно и помчались на противоположный склон. Там их ожидали такие же флажки. А шум загонщиков приближался. Тогда стая понеслась вниз по распадку.

Вожак с волчицей остановились перед флажками. Он не знал, какое принять решение. Когда внизу раздались ружейные выстрелы, вожак вспомнил, что несколько лет назад от таких выстрелов погиб его отец и несколько братьев. Значит, в ту сторону бежать нельзя. Он подошел на несколько метров к флажкам и пополз, разгребая под собой снег. Оказавшись по другую сторону флажков, поднялся на ноги и поманил к себе волчицу, но она не решалась последовать его примеру. Тогда вожак по прорытой борозде под флажками вернулся к волчице и, толкнув ее грудью, вновь полез под флажками. Она во всем доверяла ему и последовала за ним. В ущелье продолжали раздаваться выстрелы, которые вселяли страх и придавали силы для бегства.

Охотники торжествовали. Они уничтожили матерых волка и волчицу и семь молодых волков. Когда собирали флажки, увидели в снегу борозду под флажками, по которой кому-то из стаи удалось удрать, но это их сильно не огорчило.

3

Весна торопилась. Солнце с каждым днем поднималось выше над горизонтом, снег оседал под его лучами. Вокруг деревьев образовались воронки от просевшего снега. По ночам еще случались заморозки и снег покрывала корка наста. Вожак и волчица спустились с гор. Они шли по незнакомой местности, изрезанной логами, заросшими лиственным лесом и кустарниками. На равнине раскинулись поля с многочисленными березовыми колками. Далеко остались горы с их охотничьим участком и логовом, в котором несколько лет выводили потомство. Волки боялись мести людей и подыскивали в предгорье удобное место для охоты и устройства логова. Позавчера волчица успешно нагнала на вожака табун косуль. За два дня от добытой косули, кроме клочьев шерсти, ничего не осталось.

На рассвете вожак поднялся и прислушался. Его слух уловил клич ворона, призывающий своих собратьев на пир. Этот крик хорошо знаком всем обитателям леса. Вожак посмотрел на свернувшуюся клубком волчицу и сделал несколько шагов. Она поднялась с лежки и последовала за ним.

Вдали над полем кружились крупные черные птицы. На их крики подлетали новые сородичи, все торопились к найденной добыче.

За ночь снег подмерз, наст хорошо держал волков. Они спешили узнать, на какой пир слетаются пернатые. При удобном случае ворон тоже может стать неплохой добычей для волка.

Среди поля на снегу, как на белоснежной скатерти, лежала крупная лосиха. Ее ранили браконьеры. У нее хватило сил уйти от них, но посередине поля, истекая кровью, она прилегла отдохнуть и закончила свой жизненный путь. Наступившая ночь не дала возможности браконьерам преследовать ее по следу. Вокруг нее копошились птицы и мелкие хищные звери. Каждый старался урвать кусок мяса. Здесь были крупные черные вороны, серые вороны, колонок и хорек. Вороны успели расклевать у лосихи живот и выклевать внутренности.

При приближении волков птицы разлетелись по сторонам и уселись на снег в ожидании остатков после пиршества крупных хищников. Колонок, отбежав в сторону, пытался спрятаться в снегу, но прочный наст не поддался его слабым лапам. Тогда он со всех ног пустился по насту к логу, из которого прибежал. Хорек же посчитал добычу своей и не захотел уступать ее более сильным хищникам. Он облил мясо коровы резкой вонючей жидкостью и нырнул через выеденный живот в грудную клетку лосихи.

Подбежав к расклеванной туше, вожак оскалился и щелкнул зубами. Этим он предупредил всех, что отныне он хозяин туши и никому не советует приближаться близко, пока он не насытится. Прежде всего следовало полакомиться внутренностями лося. Волки, как и люди, любят лосиную печень, но из утробы исходил отвратительный запах. Вожак крепкими зубами начал рвать на груди лося мерзлую шкуру, чтобы добраться до лакомой грудинки. Волчица подошла к расклеванному боку лося и стала отрывать куски мяса вместе со шкурой. Хищники не жуют мясо, а глотают кусками.

Насытившись, вожак отошел в сторону и растянулся на снегу. Когда под зубами волчицы затрещали ребра лося, из своего укрытия выскочил хорек. Она поймала его пастью, хотела раздавить и проглотить, но неприятный запах, исходящий от пойманной добычи, заставил выбросить хорька в снег.

Скоро на снегу вокруг валялись клочья шерсти и торчали обглоданные кости.

Набив желудки, волки улеглись вблизи недоеденной туши переваривать мясо. Их животы раздулись, наступило благодушие, не хотелось двигаться. Не в их обычае было оставлять остатки пернатым падальщикам, сидящим в стороне на снегу в ожидании своей очереди на пир.

Когда волков изнуряет голод, живот подтягивается к хребту, ребра выпирают через шкуру. У них становится меньше сил для охоты. Но обжорство отнимает у волков не меньше сил, чем голод. Им становится тяжело передвигаться.

4

Браконьеры на снегоходе «Буран» разыскивали следы лося, которого ранили вчера вечером. Наступившая темнота не позволила им догнать подранка. Они сильно не беспокоились, зная, что за ночь лось истечет кровью, и они легко найдут его по кровавому следу. Неожиданно на их пути встретились следы волков. Не задумываясь, они устремились по следам хищников. Шкуры добытых волков сулили хороший заработок.

Вожак, услышав шум мотора, приподнялся и повернулся в сторону незнакомого звука. Пока снегоход передвигался в сторону от добычи, у него не было причин беспокойства. Но вот тонкий слух волка уловил, что шум повернул в их сторону и стал приближаться. Его охватило беспокойство, он бросился бежать прочь от растерзанной туши лося в сторону лога. Волчица последовала за ним. Стая пернатых, напуганная волками, взлетела с их пути и опустилась к поживе.

Переполненные желудки волков сдерживали бег. Шум снегохода сзади быстро приближался. Зверей охватила паника, они бежали на пределе сил к логу, заросшему березовым лесом. Когда до спасительного лога оставались считанные метры, раздался выстрел, и волчица, споткнувшись, покатилась по твердому насту. Волк остановился только тогда, когда оказался в густых зарослях лога. Он ждал волчицу, но она не прибежала. До его слуха долетел шум удаляющегося снегохода.

С наступлением темноты, волк поднялся из лога и направился разыскивать подругу. На кромке лога он обнаружил кровь и след снегохода, который на буксире тащил убитую волчицу. Этот след привел его в небольшой поселок. Волчицу втащили в ворота двора на окраине поселка. Когда он подошел к воротам, во дворе яростно залаяла собака. На ее лай на крыльце появился человек. Волк стремглав выбежал из поселка, добежав до пригорка на склоне лога, повернулся в сторону поселка и завыл громко и протяжно. В этом вое слились горе и скорбь по волчице.

В течение длительного времени жители поселка каждую ночь слышали душераздирающий вой волка. Он звал свою подругу.

С тех пор прошло много лет, но старожилы говорят, что в ненастную погоду им слышится вой одинокого волка.

В Караканском бору

В осенний теплый день позвонил мне писатель Петр Павлович Дедов и пригласил приехать к нему на дачу, расположенную в поселке Ерестная. В телефонной трубке звучал его тихий спокойный голос:

– Приезжай, погода великолепная, побродим по лесу, наберем брусники.

Я обрадовался приглашению, так как в Караканском бору не был больше двадцати лет. В памяти всплыли воспоминания о выездах семьями с Леонидом Ивановичем Зиновьевым: собирать чернику, грибы, бруснику. Нам часто встречались на ягодниках глухари. Проезжая по просекам, видели среди соснового леса лосей.

Возможность побывать в знакомых местах, увидеть, какие там произошли изменения, для меня всегда представляет большой интерес, и я ответил Петру Павловичу:

– Сегодня уже поздно, завтра утром выезжаю.
– Во сколько часов тебя ждать?
– К девяти буду в Ерестной.

Меня охватило радостно-тревожное чувство ожидания выезда, которое знакомо каждому охотнику, рыбаку и ягоднику. С вечера положил в машину ведерко под ягоды, корзину под грибы. Жена Наташа уложила в мой походный рюкзак продукты. Ложась спать, задал себе установку проснуться в пять часов.

Ночью просыпался несколько раз и смотрел на часы. До пяти часов был уже на ногах. Выпил чая и покатил на автомашине по дороге через Кольцово, Академгородок и Бердск. Около Искитима свернул в сторону Бурмистрово. Бетонная дорога была в хорошем состоянии и позволила ехать со скоростью более ста километров в час. При подъезде к Бурмистрово взору открылся у дороги белоснежный храм. Глядя на него, я представил двух лебедей, взлетающих в небо с позолоченными крестами в клювах, которые сияли в лучах восходящего солнца. Когда подъехал ближе, обратил внимание, что фасады храма недавно покрашены. Он выглядел обновленным и торжественным. Мне приходилось много раз проезжать мимо него, но он, с грязными фасадами и без позолоты, никогда не привлекал мой взор.

На дороге в Быстровку стаи грачей проводили «собрания». «Видимо, готовятся к отлету перед приближением холодов», - подумал я. Ан нет – скоро вдоль дороги открылись поля скошенной пшеницы. «Значит, по дороге возили зерно и рассыпали его», - вновь подумал я.

Большие перемены ожидали меня и в поселке Быстровка. Здесь, на высоком берегу Обского моря, когда-то стояли дома, в одном из которых жил мой дальний

родственник Валерий Спиридонов. Море подмывало берег, и улицу вынуждены были снести. На месте домов навалены кучи бутового камня для укрепления берега.

До поселка Завьялово по бетонной дороге доехал за несколько минут. Вспомнил годы, когда здесь в дождливую погоду можно было проехать только на машине вездеходе. Старинная церковь, возвышающаяся на бугре у дороги, преобразилась: крест покрыт позолотой, фасады покрашены в традиционный бело-красный цвет. Все говорило о возрождении православных традиций и веры.

Преодолев реку Каракан, по крутому подъему въехал в Караканский бор. Вот он – долгожданный сосновый лес, в котором мечтают побывать многие грибники и ягодники. По укатанной песчаной дороге, проходящей по широкой просеке, поехал в сторону Ерестной. Навстречу шли лесовозы, груженные сосновым лесом. «Неужели губят бор, который собирались сделать национальным парком?» – подумал я.

Найти дом Дедовых труда не составило. Он стоит первым на кромке бора. Сосны растут не только вплотную с забором усадьбы, но и во дворе дома. На шум автомашины и скрип открывающейся калитки из летней кухни вышла встречать меня Ольга Григорьевна Дедова. Она уже была одета в походный костюм, который подчеркивал ее стройную и гибкую фигуру. С приятной улыбкой подошла ко мне, и мы обнялись как старые добрые друзья. Из дома вышел Петр Павлович и, улыбаясь, протянул мне руку. Ольга Григорьевна пригласила к столу, на котором стоял завтрак. Ожидая меня, она испекла два пирога: один с рыбой, второй – с творогом. Мне неоднократно приходилось пробовать ее прекрасную выпечку, но эти пироги были непревзойденными. После длинной дороги я изрядно проголодался и с аппетитом ел вкуснятину, запивая чаем, заваренным шиповником и травами. В это время на пороге распахнутой двери появился высокий мужчина крепкого телосложения.

– Познакомьтесь, – сказал Петр Павлович, – это наш хороший знакомый, местный житель. Он поедет с нами и покажет самые ягодные и грибные места.

Я представился.

– Сергей Сибирский, – произнес он приятным голосом.

И вот мы едем по лесным дорогам, забираясь все дальше вглубь леса. Сергей сидит на переднем сидении и предупреждает меня о поворотах на перекрестках просек и вырубках. Он знает не только каждую дорогу, но и каждый бугор и что на нем растет. Постоянно просит меня ехать тише, чтобы он мог через открытое окно машины рассмотреть ягоды в зарослях брусничника. Мое внимание было приковано не столько к дороге, сколько к окружающему бору. Очень хотелось увидеть среди просветов соснового леса красавца - глухаря или могучего зверя сибирских лесов - сохатого. Неожиданно дорогу перегородила поваленная ветром сухая сосна.

– Пила есть? – спросил Сергей.

– Как можно ездить в лес без пилы, – ответил я и, открыв багажник, достал ножовку.

Сергей перепилил дерево, освободил проезд, и мы поехали дальше.

– Останови машину на этом бугорке, – сказал Сергей, – на его склоне должна быть брусника.

Мы вышли из машины и увидели рядом с дорогой брусничник со спелыми темно-красными ягодами. Обрадовавшись, что поиски, наконец, окончены, разошлись по склону и приступили к сбору ягод. Меня охватило чувство первобытного человека, когда люди жили за счет охоты и сбора плодов диких растений. Поймав себя на этой мысли, остановил сбор ягод, поднялся с колен, выпрямился во весь рост и посмотрел по сторонам. В бору стояла немая тишина: не слышно пения птиц, не раздавался стук труженика лесов – дятла. Ольга Григорьевна на корточках медленно передвигалась по моховому покрову и бойко собирала ягоды с редких кустиков брусничника, Петр Павлович сидел на замшелом стволе поваленного дерева и брал ягоды около своих ног, Сергей обходил по периметру поляну брусничника.

Вскоре раздался голос Сергея:

– Поехали дальше, здесь плохой урожай ягод.

– От ягод ягоды не ищут, – сказала Ольга Григорьевна, – здесь за день можно набрать по ведерку брусники.

– Найдем участок с более крупной ягодой, - уверенно ответил Сергей.

Мы вновь петляем по лесным слабо наезженным дорогам, пока наш путь не преградил завал из тонкомерных сухих сосен.

– Топор есть? – спросил Сергей.

– Естественно, – ответил я, – машина полностью укомплектована.

Освободив дорогу от завала, мы поехали дальше. Нам постоянно попадались бугры, покрытые хвойной подстилкой. В таких местах обычно любят расти белые грибы. Вглядываясь в свободные от травяной растительности просветы между соснами, мне не удалось увидеть ни одного гриба. Обращаясь к Сергею, спросил:

– Мы проехали много километров, но я не увидел ни одного гриба.

– И не увидишь, – ответил он.

– Почему?

– Этим летом в Караканском бору не было ни одного дождя.

Наконец, Сергей облюбовал место для сбора ягод. Машину поставили на бугре, чтобы ее можно было видеть со всех сторон, и разошлись в разные стороны для сбора ягод.

Солнце перевалило за полдень, подошло время обеда, мне захотелось есть, и я предложил:

– Давайте пообедаем.

Ольга Григорьевна всполошилась:

– Я хотела взять с собой еду, но Сергей отговорил, сказав, что к обеду вернемся с ягодами.

– Ничего страшного, у меня харчей хватит на всех, – успокоил я ее, - я живу по принципу: едешь в лес на день, бери еду на три дня.

Расстелил около машины ветровку, положил на нее целлофановый мешок и выложил все, что мне приготовила в дорогу Наташа: булку хлеба, шматок сала, сыр и помидоры.

– После такой еды, – сказал Петр Павлович, – ягоды можно собирать до вечера.

– До вечера ни к чему, – возразила Ольга Григорьевна, – за часок доберем по ведру и поедем домой.

Следом за продуктами я поставил на импровизированный стол бутылку вина «Черемуха на коньяке» со словами:

– Меня с молодых лет учили старики, что на рыбалку и охоту обязан всегда брать бутылку спиртного, если даже сам не пьешь.

Все сидящие вокруг ветровки с продуктами оживились. Сергей взял бутылку в руки и, посмотрев на свет, спросил:

– Свое производство?

– Конечно свое, – пошутил я, – проверь пробку.

Он открутил пробку, понюхал содержимое и, посмотрев на этикетку, произнес:

– Двадцать четыре градуса.

Мне послышалось в его голосе сожаление, что крепость вина слабовата. Затем, обращаясь ко мне, сказал:

– Давай стаканы!

– Стаканов нет, – ответил я.

– Говорил, что машина полностью укомплектована, – упрекнул он меня.

– Стаканы мигом сделаю, – сказал я.

Достал из багажника машины полиэтиленовую бутылку с водой, вылил содержимое, закрутил пробку и охотничьим ножом отрезал ее верхнюю часть. Получилась рюмка. Затем отрезал нижнюю часть – получился стакан.

За едой завязался разговор о Караканском боре. Я посетовал, что не встретил даже признаков наличия в бору лосей.

– Какие признаки ты хотел увидеть? – спросил Петр Павлович, проверяя мою наблюдательность.

– Раньше на каждом шагу в бору можно было встретить экскременты сохатых, обкусанные ветки молодых сосенок.

– Да что там обкусанные ветки деревьев, – вмешалась в разговор Ольга Григорьевна, – в бору постоянно встречались сброшенные лосями рога.

– Вы видели у нас дома над дверью огромные рога? – обратилась она ко мне.

– Конечно, видел, как можно не заметить такие рога. Я даже подсчитал на них количество отростков, зверю было больше десяти лет.

– Так эти рога мы нашли около Ерестной.

– А я думал, что такого гиганта добыл Петр Павлович.

– Когда мы купили дом в Ерестной, лоси часто подходили к нашей ограде, – продолжала вспоминать Ольга Григорьевна, – как-то рано утром вышла во двор, а около калитки в бор стоят лоси. «Вы что, в гости к нам пришли», – спрашиваю их, а они спокойно развернулись и удалились в бор.

– Ольга, – обратился к ней Петр Павлович, – расскажи, как вы с подругой в бору лосей «напугали».

– Приехала ко мне в Ерестную подруга погостить и на лыжах покататься, – начала рассказывать Ольга Григорьевна, – идем мы по бору, снег неглубокий, небольшой морозец бодрит, заставляет быстрее двигаться. Вокруг красота

необыкновенная. Стройные сосны замерли в безветренную погоду, на ветвях низкого подлеска лежат хлопья снега, как вата на новогодних елках. Вдруг перед нами поднимаются с лежки три лося. Один крупный с рогами на голове, корова поменьше и небольшой теленок. Подруга испугалась, ойкнула и, потеряв силы, присела на лыжи. Лоси развернулись и побежали рысцой, бросая снег копытами. Я помогла подруге подняться на ноги. Она мне и говорит: «Я думала, они на нас набросятся».

– У меня был более интересный случай, – начал рассказывать Петр Павлович: – Сижу вечером за столом у окна и работаю. Любил я осенью приезжать на дачу и писать свои произведения в тишине и одиночестве. За окном выпал первый снег, виден разобранный забор, который не успел отремонтировать, дальше раскинулся Караканский бор. Наступили сумерки. Пришлось включить настольную лампу. В какой-то момент почувствовал, что на меня через окно кто - то смотрит. Перевел взгляд от исписанного листка бумаги на окно. И что вы думаете, увидел? За стеклом почти вплотную маячила лосиная морда. На какой-то момент я опешил, затем, не двигаясь с места, стал рассматривать неожиданного гостя. Его, видимо, привлек тусклый свет в окне. Через какой-то момент лось удалился в бор. Ему
то ли надоело смотреть в окно, то ли он увидел меня.

– Отошли те времена, когда лоси в бору встречались повсеместно, – подвел итог разговора Сергей. – После бесконтрольного отстрела, в бору не осталось ни лосей, ни глухарей. Скоро и от бора ничего не останется. Повсеместно идет рубка и продажа леса.

В Ерестную мы вернулись рано, выгрузили ведра с брусникой, которая отливала темно-красным цветом в лучах яркого солнца. Сергей заторопился домой, но Ольга Григорьевна его не отпустила:

– Пока всех не накормлю, никуда никого не отпущу, - сказала она твердым голосом и пошла в летнюю кухню.

– У меня дома дела, – произнес ей вслед Сергей.

– Какие дела могут быть дома у одинокого человека? – спросила она, - дома на приготовление еды ты затратишь больше времени, чем здесь, у меня все готово.

Пережевывая кусочек вкусного рыбного пирога, я спросил:

– Как вы готовите бруснику впрок?

– Очень просто, - ответила Ольга Григорьевна, – заливаем в емкостях водой.

– Лучше всего ягоды заливать чистейшей родниковой водой, – поддержал ее Сергей.

– В Ерестной есть родник?

– В двух километрах от поселка вытекает в глубоком логу, зимой не замерзает, – ответил Сергей.

– Так давайте съездим и наберем родниковой воды, – предложил я.

Мое предложение было принято. Вдоволь насытившись, мы уселись в автомашину и поехали по улице через Ерестную. Поселок вытянулся больше чем на километр. Вдоль улицы стояли добротные дома, многие за высокими металлическими заборами.

– Сколько жителей в поселке? – спросил я у Сергея.

Местных жителей осталось человек тридцать, – ответил он, – когда-то было семьсот дворов, которые скупили дачники.

– Почему жители покинули такое благодатное место? – поинтересовался я.

– В поелке было производство по переработке сосновой хвои, сбору живицы, дикоросов. С ликвидацией производства, люди лишились работы и вынуждены были покинуть родной край.

Вскоре мы свернули на лесную просеку и выехали на полянку у кромки глубокого лога. Спуск в лог был настолько крутой, что я сомневался, что по нему можно подняться с водой.

На мои сомнения Петр Павлович показал на сосну около кромки лога и сказал:

– Здесь продумана механизация.

Взглянув на дерево, я увидел привязанную к нему толстую проволоку, второй конец которой был привязан к дереву на дне лога. Рядом с проволокой на дереве висел прочный шнур с металлическим крючком.

Разматывая шнур, Петр Павлович стал опускать по проволоке крючок с пустой полиэтиленовой бутылью к роднику. Сергей уже успел спуститься в лог. Наполнив бутыль водой, крикнул:

– Вира!

Мы втроем, прилагая немалые усилия, вытащили бутыль с водой из лога. Наполнив всю взятую с собой тару, вернулись в усадьбу Дедовых. Утром у меня не было времени пройти по их участок, и я пошел его осматривать. Здесь росли картошка, капуста, морковь и другие необходимые овощи, чтобы можно было жить без посещения рынка и магазинов.

Мне вспомнился рассказ Петра Павловича, как он первый раз пахал свой огород.

Приехали в Ерестную с Ольгой Григорьевной в теплый майский день, привезли с собой семенную картошку и разные семена. Погода душу радует. Яркое солнце заливает лучами огород и сосны, стеной стоящие у ограды. Людей, выросших в селе, земля к себе тянет. Огород площадью больше двадцати соток не пахан. Лопатой такую площадь быстро не вскопаешь. Пошел Петр Павлович к соседям спросить, у кого есть трактор, чтобы нанять вспахать огород. Соседка ему отвечает:

– У кого есть трактор, не знаю, а вот у лесника добрая лошадь, он многим огороды пашет.

Отправился Петр Павлович к леснику. Застал его во дворе, одетым в форму с зелеными петлицами, на которых блестели эмблемы дубовых листьев. Выглядел он очень строго и официально. Петр Павлович даже засомневался: стоит ли ему обращаться со своей просьбой. Приблизившись, поздоровался, представился и изложил свою просьбу. Лесник внимательно выслушал и ответил:

– Сегодня я очень занят, с минуты на минуту ко мне приедет из Новосибирска начальство с проверкой.

Немного подумав и видя расстроенное выражение лица собеседника, добавил:

– Если умеешь пахать, запрягай коня в телегу, на которой лежит плуг, и езжай сам пахать.

Лесник был уверен, что городской человек, да еще писатель, пахать не умеет. К его величайшему удивлению Петр Павлович согласился. Тогда лесник

внимательно посмотрел на него. Перед ним стоял мужчина высокого роста, с широкими плечами и крепкими большими кистями рук. «Такие руки можно развить только занимаясь физическим трудом», – подумал лесник и уже совсем другим голосом, в котором слышалось уважение к собеседнику, произнес:

– Хомут лежит в телеге, вся сбруя висит на стене сарая.

Петр Павлович поблагодарил лесника и отправился к коню, привязанному к изгороди около охапки сена. Его обожгла мысль: «Пахал я в детстве во время войны колхозное поле, наверное, разучился запрягать лошадей». Конь, почуяв незнакомого человека, встрепенулся и поднял голову. Петр Павлович смело погладил и похлопал его по шее. Затем отвязал от изгороди уздечку и повел к телеге. Когда взял в руки хомут, у него вновь мелькнула мысль: «Я забыл, как надевать хомут». Его руки заученным в детстве движением развернули хомут, одели через голову коня и развернули на шее. Его разум сомневался, но руки все делали четко и правильно. За его действиями внимательно наблюдали лесник и двое его ребятишек. Когда конь был запряжен, лесник услужливо распахнул ворота, и телега покатила по деревенской улице, подпрыгивая и тарахтя на кочках. Закрывая ворота, лесник произнес: «Хотел бы я посмотреть, как будет пахать писатель». Его ребята выскочили через калитку и побежали к своим друзьям сообщить услышанную новость.

Приехав домой, Петр Павлович уверенно, без посторонних глаз, отпряг телегу, снял с нее плуг и подготовился к вспашке огорода.

К нему подошла Ольга Григорьевна и спросила:

– Петя, ты сам будешь пахать огород?

– А почему нет, разве я мало в детстве перепахал земли?

Она стала наблюдать за мужем. Он уверенно прошел первую борозду посередине огорода и стал вокруг нее пахать кругами. Конь оказался послушным и привычным к такой работе. За его работой наблюдали через низкий забор ребятишки и взрослые сельчане.

Мои воспоминания прервал голос Ольги Григорьевны:

– Альберт Сергеевич, ужин готов, уха сварилась.

Стол, как всегда у Дедовых, ломился от яств. От ухи невозможно было оторваться. Сваренная «по-рыбацки»: из судака и окуней с чешуей, сдобренная луком и укропом, она издавала аромат, который возбуждал аппетит.

После сытного ужина Ольга Григорьевна предложила прогуляться по берегу Обского моря и полюбоваться закатом. С высокого берега за голубым простором воды открывалась панорама противоположного берега. Против нас черной полосой тянулся хвойный лес, правее светлыми пятнами разбросаны домики Нефтебазы и поселка Красный Яр. Солнце садилось за редкие облака, просвечиваясь матовым пятном и заливая золотом небосвод. Мы спустились по лестнице к мосткам и уселись на лавочку. Море накатывало на галечную отмель небольшие волны, которые, отступая с отмели, шуршали гальками, убаюкивали, успокаивали и создавали душевное умиротворение. Из загипнотизированного состояния волнами меня вывел голос Ольги Григорьевны:

– Мы часто приходим сюда и на этой лавочке читаем книги.

– А я чуть не уснул под шелест морского прибоя.

– Слишком громко сказано: «Шелест морского прибоя», – сказал Петр Павлович.

– Пойдемте домой, – предложила Ольга Григорьевна, – слишком много впечатлений за один день.

Спать мы улеглись рано: около десяти часов вечера. У Дедовых очень удобная планировка первого этажа дачи. По одну сторону коридора расположены две комнаты, служащие хозяевам кабинетом и спальней. По другую сторону большая комната – зал, в которой устроили меня. Я мгновенно провалился в сон, как только голова коснулась подушки.

Утром, как всегда, проснулся рано. Мне не хотелось будить хозяев, и я продолжал лежать в постели и рассматривать стены комнаты. На стенах висело несколько афиш с портретами их сына Сергея Любавина – это его псевдоним. Мне посчастливилось слушать его концерт в Доме культуры железнодорожников. Он обладает уникальным мелодичным голосом, который, видимо, достался ему по наследству. Его мама Ольга Григорьевна прекрасно поет. Мне запомнился интересный момент, происшедший на концерте. Неожиданно на сцену выходит трехлетний мальчик и начинает приплясывать в такт музыке и подпевать. Сергей подошел к ребенку и поднес микрофон, чтобы зрители могли услышать голос мальчика. После антракта Сергей сообщил, что это был его племянник Ваня, а он этого не знал и не взял мальчика на руки, не зная реакции его родителей. Вся эта сцена была трогательной и запомнилась надолго.

Мое внимание привлекла стена комнаты, на которой прибиты два рога молодых лосей и множество веток, которые напоминали ящерицу, змею, крокодила, ворона, дракона и других зверей.

В коридоре послышались шаги, и я, одевшись, вышел во двор. Оказалось, что хозяйка уже давно проснулась и успела купить молоко, творог и сметану. Эти продукты им привозят в определенные дни недели.

Вчера я не успел рассмотреть все постройки на участке и решил обойти его по периметру. Из большого двора можно выйти в две калитки. Одна ведет на улицу Боровую, вторая – прямым ходом в бор. «Как удобно ходить в лес», - подумал я и направился ко второй калитке. К моему сожалению, она оказалась прочно прикрученной к забору проволокой. Выйти через нее в бор мне не удалось, и я вернулся с вопросом:

– Почему у вас калитка в бор наглухо закрыта?

– Это целая история, – ответила она.

– Расскажите, время у нас есть.

– Как-то утром пошла я в огород, – начала рассказывать Ольга Григорьевна, – смотрю, а на моей капусте пасется деревенский бык. Мало того, что лакомится капустой, он еще истоптал посаженные кабачки и тыквы. Схватила я хворостину и к нему, он невозмутимо удалился через раскрытую калитку в бор. «Наверное, калитка была не закрытой», – подумала я. Через несколько дней бык вновь оказался в нашем огороде. Посетовав соседке на свою беду, узнала, что этот бык научился рогами открывать калитки и уже побывал во многих огородах. Вот и пришлось калитку закрыть намертво, - закончила она рассказ.

Вскоре к нам подошел Петр Павлович, и мы сели за стол завтракать. Свежий творог со сметаной был превосходным, а пирог с чаем еще лучше. Ольга Григорьевна, подождав, когда мы насытимся, произнесла:

– Вы вчера спали как убитые и ничего не знаете.

– А что мы должны знать? – спросил Петр Павлович.

– Вечером к нам приходила чета Черновых. До них дошли слухи, что к нам приехал Альберт Кайков. Хотели повидаться и пообщаться.

– Мы обязательно нанесем им ответный визит, – сказал я, а сам подумал: «Вот, что значит село, не прошло суток, как в нем появился новый человек, а люди, живущие на другом конце улицы, уже узнали о моем приезде».

Мне очень хотелось встретиться с ним. Недавно, прочитав подаренную им книгу: «Какие мне снятся охоты», был от нее в восторге. Из нее узнал, что у нас с ним есть общие друзья, с которыми каждый из нас ездил на охоту и рыбалку, а вот самим встретиться до нынешнего года не довелось. Поговорить нам с ним было о чем. Допив кружку чая, стал торопить Петра Павловича отправиться в путь.

Мы идем по пыльной деревенской улице. Вокруг ни души. Даже нет обычного деревенского атрибута – собак и кур. Большинство участков обнесено высокими металлическими заборами, за которыми видны только крыши домов.

– Богато стали жить люди на селе, – заметил я.

– Здесь живут в летний период зажиточные люди из Новосибирска, некоторые имеют даже сторожей и садовников.

– От кого они прячутся за такими заборами?

– Не знаю, – ответил Петр Павлович и продолжил:

– Вот если ты увидишь такой же простенький забор из штакетника, как у меня, то это значит, в доме за таким забором живет писатель.

Вскоре мы подошли к дому за таким забором. Только вместо дощечек к прожилинам были прибиты ошкуренные жердочки. Он напомнил мне довоенное село, в котором мне довелось жить. В нем часто жители ставили плетень, чтобы не использовать гвозди.

– Какой интересный забор, – произнес я, – наверное, «последний из могикан».

– Вот здесь и живет писатель Юрий Чернов, – сказал Петр Павлович.

Около калитки, как плакучая береза, росла развесистая ветла, посаженная Юрием Владимировичем. Позже я узнал, что Юрий вырастил дерево из черенка, срезанного с дерева на своей родине в Алтае. А то дерево посадила и вырастила его мама.

Войдя во двор, я громко крикнул:

– Хозяева в доме есть?

На крик во двор высыпало все семейство Черновых: Юра, его супруга, дочь с мужем и внук.

После радостных дружеских приветствий и рукопожатий мы пошли осматривать владения Черновых. Меня поразил огромный фруктовый сад. Какие только деревья здесь не росли. На сливовых деревьях красовались черные, красные и белые сливы. Юрий Владимирович срывал их и угощал нас. Они были

намного вкуснее, чем сливы с рынка, которые срывают зелеными, чтобы дозрели в пути. Больше всего меня удивило дерево, увешанное грушами. Видеть в сибирских садах яблони – дело привычное, но высокое дерево груши я видел впервые. Чем дальше мы продвигались по саду, тем больше я удивлялся. На нашем пути росло несколько шпалер разных сортов винограда, крупные грозди манили к себе, но виноград еще не созрел. Окончательно меня поразил бахчевой участок. В солнечных лучах блестели, как лакированные, арбузы и нежились крупные матовые дыни. Юрий Владимирович сорвал самую крупную дыню и произнес:

– Пойдемте пробовать.

Я не удержался и понюхал дыню. От нее исходил душистый аромат.

Наслаждаясь вкусной дыней, мы предались воспоминаниям на охотничьи темы. Мне уже довелось читать рассказ Юрия Чернова о том, как они с Петром Дедовым чуть не утонули весной на Обском море. Их снял с хрупкого льда военный вертолет. Слушая о деталях, опущенных в рассказе, удивлялся стойкости и находчивости друзей.

Покидал я Ерестную, переполненный впечатлениями, с уверенностью, что обязательно еще приеду в поселок, где проживают интересные, добрые и близкие мне по духу люди.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИЗКИЕ СЕРДЦУ
Рассказы о животных и природе

Четвероногие друзья

Хакасская «пленница»
Смелый
Гобой
Фагот
Тунгус
Муза
Джек
Браконьеры
Дружок и Котя
Кошкин
Длизкие сердцу
Рыбак и Трезор
Нагай
Карина
Осень

Необычные встречи

Медвежья грива
Щенок и ворон
Волки
Хитрые зайцы
Грибы на даче
Сорока и лиса
Лебединая верность
Глухарь
Ворона
Кроша
Охотничье хвастовство
Судьба волка
В Караканском бору